

ISSN 0321-0626

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 1 1993 ЖУРНАЛ

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н.М. Карамзин

Заложники
необъявленной
войны

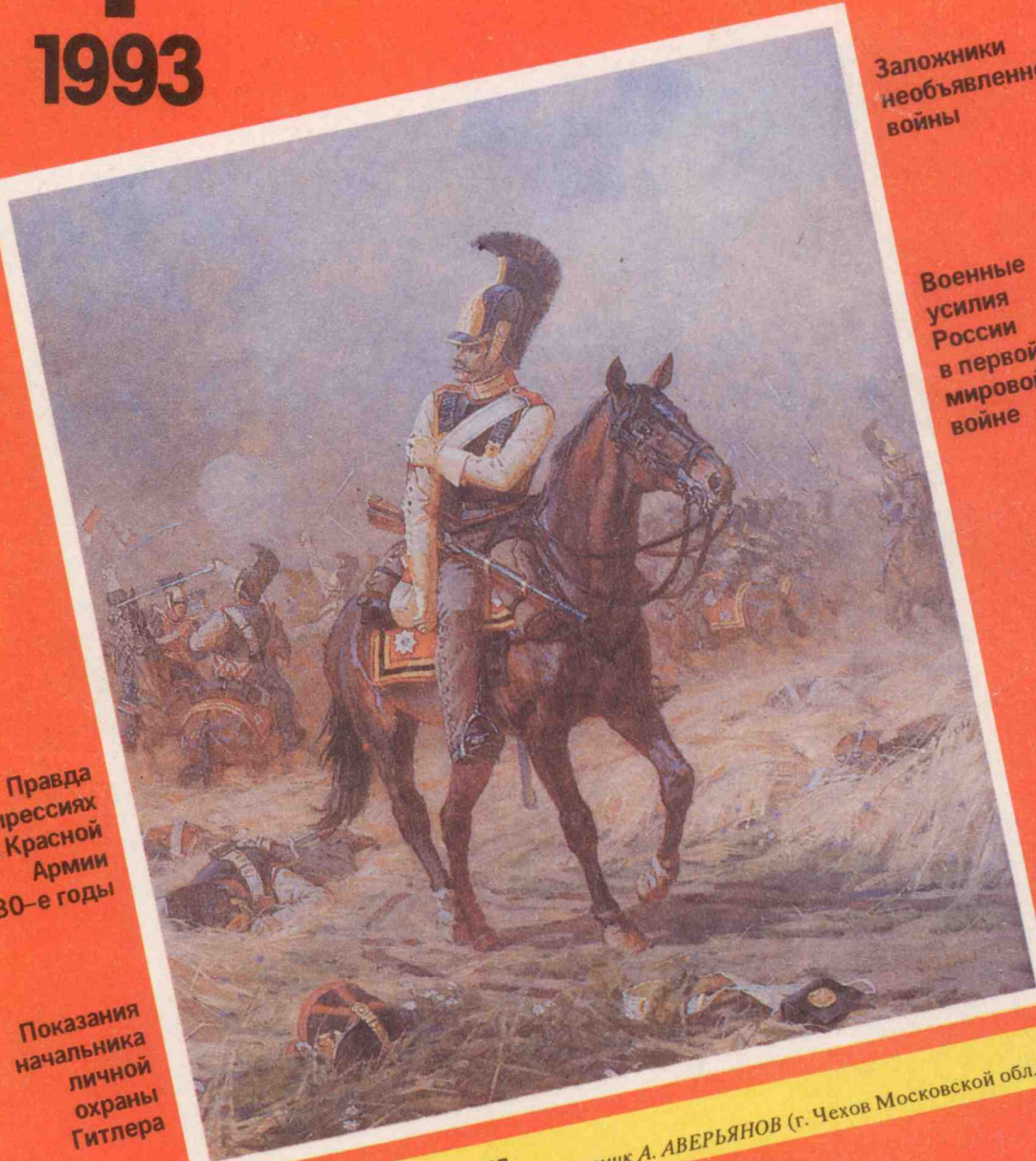
Военные
усилия
России
в первой
мировой
войне

Правда
о репрессиях
в Красной
Армии
в 30-е годы

Показания
начальника
личной
охраны
Гитлера

Раненый кавалергард.

Художник А. АВЕРЬЯНОВ (г. Чехов Московской обл.)

КУДА УХОДЯТ ПОБЕДИТЕЛИ?

Согласно Договору о пребывании советских войск на немецкой земле соединения и части Западной группы войск в установленные сроки выводятся с территории Германии. А это значит, что в 1994 году здесь не останется ни одного российского солдата. Но насколько взвешенны и продуманны сроки вывода? Как известно, США свои войска будут выводить из Германии в течение пятнадцати лет. Такая же машина, какой является Западная группа войск, вряд ли уложится в отведенные сроки.

- К нашему удивлению, вывод российских войск осуществляется быстрее, чем ожидалось, - подчеркнул в беседе со мной представитель городских властей Дрездена господин Бауэр.

Здание штаба, жилые и военные городки, полигоны 1-й гвардейской танковой армии уже переданы немецкой стороне. Личный состав приступил к выполнению служебных обязанностей в пределах родного Отечества, куда армия передислоцирована.

Готовятся к выводу другие части и соединения. Будущее многих из них печально. Так, к февралю 1993 года, как раз к 50-летию юбилею разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, 20-я Прикарпатско-Берлинская Краснознаменная, ордена Суворова II степени мотострелковая дивизия должна оказаться на месте разгрома армии Паулюса. И единственным надежным жильем для семей офицеров и прапорщиков станет пока 5-тонный контейнер. Радует, правда, что Знамя соединения не сдастся в музей и будет передано новому соединению, прикрывающему южные границы России.

А.Е. ШАДРИН
Фото автора

- Военная техника готовится к отправке на Родину
- Командование российских войск передает немецкой стороне военные и жилые городки
- Офицеры и прапорщики пакут контейнеры с вещами

УЧРЕЖДЕН
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 1 1993 ЖУРНАЛ

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил России

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО
Редакционная коллегия:
Н. Т. АКСЕНОВ
(заместитель
главного редактора),
И. А. АНФЕРТЬЕВ
(ответственный
секретарь),
А. Д. БОРЦОВ,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО,
Д. Ш. КАРИМОВ,
Г. И. КОРОТКОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,
Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
В. А. РЫБИН,
А. Н. СЕНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. А. ЧИРВИН,
В. И. ШЕРЕМЕТ.

Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
редакция «Военно-
исторического журнала».
Тел.: 296-44-87, 296-45-08,
296-45-16, 296-45-35.

Сдано в набор 22.12.92.
Подписано к печати 22.02.93.
Бумага 70х108/16.
Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 12,6.
Тираж 28 500 экз.
Зак. 181. Цена 18 р.
Регистрац. № 01978.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-7,
Хорошевское шоссе, 38.

© «Военно-исторический
журнал», 1993.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1993.

● ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

А. И. ГРИБКОВ — Карибский кризис 2
В. И. ДУДИН, И. Н. КОСЕНКО — Запланированная трагедия 16

● ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ

Отдали жизнь за Родину 24
(Публикация А. Д. СИДОРОВА)
Побратимы А. Матросова 26
(Публикация Н. В. БОРИСОВА)

● ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

Л. Е. РЕШИН, В. С. СТЕПАНОВ — Судьбы генеральские... 30

● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Н. Г. КУЗНЕЦОВ — Крутые повороты 40

● СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМА НАРОДА

П. А. АПТЕКАРЬ — Крестьянская война 50

● ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

А. Т. УКОЛОВ, В. И. ИВКИН — О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы 56

● ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

А. И. ВЕРХОВСКИЙ — Россия на Голгофе 64
Н. Н. ГОЛОВИН — Военные усилия России в мировой войне 70

● АРМИЯ. ОБЩЕСТВО. ЦЕРКОВЬ

Ю. В. СУХАРЕВ — Праздники русской армии 80

● ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Адольф Гитлер по прозвищу «Волк» 84
(Публикация В. А. ЛЕБЕДЕВА)

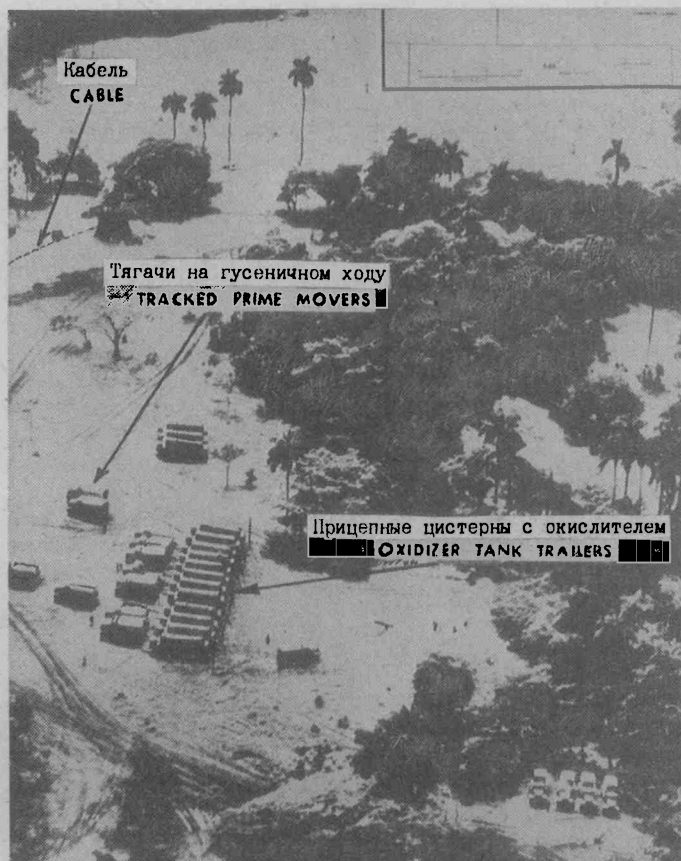
● АРСЕНАЛ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Самоходные артиллерийские установки 92
(Публикация И. П. ШМЕЛЕВА, С. П. ИСАЙКИНА)

● С ЮМОРОМ — К ПОБЕДЕ

Русская военная история в занимательных и поучительных примерах 95
(Публикация Н. Ф. КОВАЛЕВСКОГО)

Куба. Позиция советской ракетной части. Снимок сделан с американского разведывательного самолета.

КАРИБСКИЙ

КРИЗИС

Фиделя Кастро можно было понять. Советские ракеты оказались на Кубе в результате договоренности правительств двух государств. А значит, и вывоз их следовало согласовать с кубинским руководством. Но Москва поступила иначе. В Кремле понимали, что мир находится на грани ядерной катастрофы, что дорога каждая минута. Вот почему, не тратя времени на согласования с кубинской стороной, Советское правительство приняло решение открыто по радио заявить на весь взбужденный мир о своем согласии вывезти ракеты с острова. В той обстановке, думается, это был самый верный шаг.

Раздражение вызвало у Кастро и согласие Советского правительства на инспекти-

Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 10, 11, 12.

рование американцами вывоза наших ракет. Причем опять же без извещения об этом кубинской стороны. Можно представить, насколько глубоко было задето самолюбие кубинского лидера. Убежден, соглашаясь на инспектирование американцами наших транспортов, Н. С. Хрущев не все до конца продумал. Более того, прежде чем вести разговоры с Дж. Кеннеди на эту тему, советский руководитель должен был бы острый вопрос обсудить с Ф. Кастро. А тот вправе был не допустить инспекции не только на территории Кубы, в ее портах, но и в территориальных водах. Однако Хрущев проигнорировал Кастро. Он спешил. И в этой спешке на многое закрывал глаза. В результате таких односторонних торопливых действий советская сторона приняла, считаю, самые унижительные для нашей армии условия инспектирования в открытом море.

В те напряженнейшие дни мне впервые пришлось встретиться с вождем кубинской революции Фиделем Кастро, и я сразу же проникся к нему глубоким уважением. Эта встреча произошла во время срочного совещания руководства Кубы с командованием нашей Группы войск. Речь на этом совещании, созванном по предложению Кастро, шла о готовности Вооруженных Сил Кубы и советских войск к отражению возможной агрессии, подготовку к которой США заканчивали.

Командование Группы доложило о том, что все советские части, за исключением ракетных, готовы к выполнению боевых задач.

Ф. Кастро внимательно слушал выступавших, уточнял через переводчика отдельные вопросы, делал пометки в своем блокноте. Держался он спокойно, словно речь шла о заурядном войсковом учении.

Перед отъездом Ф. Кастро попросил, чтобы штаб Группы войск поддерживал более тесную связь с генеральным штабом кубинских РВС и установил прямые контакты с Альмейдо в городе Санта-Клара и Раулем в Сантьяго-де-Куба. Его беспокоила противоздушная оборона, для чего он попросил организовать тесное взаимодействие наших зенитно-ракетных частей с кубинскими силами ПВО, особенно по радиотехнической разведке воздушного противника.

Но особенно Ф. Кастро волновали сроки приведения в боевую готовность наших баллистических ракет. Это же волновало и меня, так как главная задача нашей группы генералов и офицеров Генштаба заключалась в контроле за готовностью наших ракет к возможному удару по агрессору, если тот развяжет ядерную войну.

Вскоре у меня с И. А. Плиевым состоялся разговор о работе управленческого аппарата Группы войск. Я доложил ему о своих поездках по войскам, хорошем боевом настроении как советских, так и кубинских воинов, но и высказал замечание в адрес некоторых его заместителей и офицеров штаба, в столь обострившейся обстановке либо преспокойно сидящих в своих кабинетах, либо, хуже того, беззаботно играющих в теннис.

Исса Александрович полностью согласился со мной. Вечером он собрал военный совет и потребовал, чтобы все члены совета более активно работали в войсках.

При этом он сослался на меня, что, дескать, Грибков выразил недовольство работой военного совета Группы.

— Исса Александрович, — возразил я, — не могу согласиться с вашими последними словами. Почему только представитель Генштаба высказал критические замечания о работе некоторых членов военного совета? А разве вы сами довольны тем, как относятся к службе, к делу, например, генералы Данкевич, Петренко, адмирал Абашвили?

Плиев ничего не смог возразить и тут же дал ряд конкретных и четких указаний, что и кому сделать немедленно.

После такого прямого и острого разговора на военном совете работа управленческого аппарата Группы значительно активизировалась.

С прибытием на Кубу я по мере необходимости отправлял информацию на имя «Директора» в Москву, сообщал сведения, которыми мы располагали, информировал о ходе подготовки к отражению агрессии. Штаб Группы докладывал в Москву в соответствии с табелем срочных донесений, утвержденным Генеральным штабом.

Обстановка вокруг Кубы не только с каждым днем, но и с каждым часом все более накалялась. Информация, получаемая кубинскими и советскими разведыва-

тельными органами, свидетельствовала о том, что американцы готовятся нанести удары по Кубе с воздуха и с моря.

Как-то генерал Дементьев сказал Плиеву, что Ф. Кастро в разговоре с ним высказал пожелание, чтобы советские военнослужащие надели свою военную форму. По его мнению, это имело бы большое моральное значение для всего народа, да и янки, в случае агрессии, видели бы, с кем имеют дело, что Куба не одна.

Плиев на это не отреагировал.

Спустя много лет я спросил Иссу Александровича, почему он не принял тогда решение о форме одежды. Плиев сказал мне, что если бы война началась, то американцы сосредоточивали бы больше огня по нашим войскам: форма ведь являлась бы для них отличной целью. Кроме того, по его мнению, гражданская одежда в условиях кубинского климата более практична при обращении с техникой и оружием. Вот такой был ответ...

Мы с близкого расстояния наблюдали американские военные корабли, курсировавшие вблизи побережья Кубы. Разведывательные самолеты США летали на низких высотах территории острова. Иногда было видно, как американские летчики показывали нам кулаки.

Кубинские и советские солдаты тоже в долгу не оставались. Правда, грозя кулаками, они оснащали свою речь крепкими кубинскими и русскими выражениями.

Однажды, во время посещения советских и кубинских войск, приехали с генерал-майором авиации Н. Г. Сытником в наш истребительный авиационный полк, на вооружении которого были новые в то время самолеты МиГ-21. Полк считался лучшим в советских ВВС. Постоянно базировался он в Кубинке, под Москвой. Все показательные занятия проводились на его базе. Полком командовал первоклассный летчик полковник Н. В. Шабанов (спустя двадцать лет служба свела нас в Ленинграде, я тогда командовал войсками округа, а Николай Васильевич — воздушной армией). Начальником политотдела полка был тоже первоклассный летчик подполковник Н. П. Щербина.

Наш приезд совпал с проведением в полку партийного собрания. Большинство его участников были в клетчатых рубашках. Вспомнил, только что видел такие и в других частях. Поинтересовался у заместителя командующего Группой войск по тылу генерал-майора Н. Р. Пилипенко, почему большинство солдат и офицеров выглядит столь однообразно — «клетчатого»?

— Каждая воинская часть, — объяснил Николай Романович, — получала штат-

скую одежду на гражданских базах по разнарядке тыловых органов Министерства обороны. Подбирали не особенно маркую.

Вот так мы иногда «продумываем» до мелочей вопросы скрытности. Советские военные даже своей одеждой сильно выделялись среди кубинского населения, а солдаты в шутку говорили, что участвуют в операции под кодовым названием «Клетчатая рубашка»...

Возвращаясь к начатой теме, хочу отметить, что и летчики в том полку были первоклассные.

— Ну почему американцы так нагло и безнаказанно летают, словно у себя дома, а мы сидим, как мышь за веником? — возмущались они.

Я объяснил, что есть приказ по одиночным нарушителям огня не открывать, дабы не обострять обстановку. Однако, уступая настойчивым просьбам летчиков, посовествовавшись с командиром полка, на свой страх и риск разрешил при удобном случае выпустить пару истребителей на перехват.

Условились так: как только радиотехническая разведка выдаст информацию о появлении одиночного американского самолета, наши летчики поднимутся в воздух, но огня не откроют, а постараются «прижать» нарушителя к земле, чтобы вынудить его совершить посадку. Заодно можно будет проверить в реальных условиях, на чьей стороне преимущество в тактике и технических возможностях самолетов.

Замысел, хотя и не полностью, был осуществлен. Как мне потом рассказал командир полка, пара наших МиГ-21 показала преимущество над самолетом Ф-104 и в маневренности, и в технических возможностях, хотя посадить его все же не удалось. Однако после этого ни один американский самолет не появлялся вблизи аэродрома, на котором базировались советские истребители.

Проверяя с генералами С. Н. Гречко и М. И. Науменко готовность зенитно-ракетных частей, убедились в том, что, если поступит приказ на открытие огня по воздушным целям, наши зенитчики с честью выполнят задачу.

Вскоре это подтвердилось на практике. Как уже говорилось, 27 октября нашей зенитной ракетой С-75 был сбит над Кубой американский разведывательный самолет У-2.

В тот день командир полка полковник Ю. С. Гусейнов находился на совещании в Сантьяго-де-Куба. Его замечал подполковник Е. М. Данилов. Вот что он рассказывал:

«...Утром 27 октября дежурный по командному пункту объявил «готовность № 1». Я

прибежал на КП, когда на планшете четко отображалась цель № 33. И тут поступила команда с КП дивизии «уничтожить цель № 33». Помню, как начальник политотдела подполковник Морозов сказал мне: «Евгений Михайлович, кажется, начинается что-то серьезное».

Все было для нас так неожиданно, что я решил уточнить задачу на уничтожение цели на КП дивизии. Оттуда приказ подтвердили, и я немедленно дал команду 3-му и 4-му дивизионам уничтожить цель.

Командир 4-го дивизиона подполковник Герченев Иван Миндвич доложил, что задачу понял, цель видит, ведет ее, и буквально тут же доложил, что она уничтожена, расход — три ракеты. Высота цели 21 500 м. Я лично доложил на КП дивизии об уничтожении самолета».

Вот так в 10 ч 21 мин 27 октября был сбит американский самолет-разведчик У-2.

Ввиду того, что силы и средства ПВО советских и кубинских войск находились в одной системе взаимодействия, кубинское военное руководство взяло сбитый самолет на себя.

Спустя двадцать шесть лет, 1 марта 1988 года, Фидель Кастро в интервью американской телекомпании Си-би-эс на вопрос о том, сколько и кем, советскими или кубинскими войсками, во время октябрьского кризиса было сбито американских самолетов У-2, ответил:

— Был сбит только один самолет. И сбили его не кубинцы. Мы добивались, чтобы самолеты не летали на бреющих полетах, и в один из дней октябрьского кризиса предупредили советских солдат и всех остальных, что будем стрелять по самолетам на бреющих полетах.

Мы мобилизовали всю зенитную артиллерию, и на другой день утром наши батареи повсеместно открыли огонь по самолетам, летавшим на низких высотах. Но у нас не было ракет, в этой ситуации советская батарея зенитных ракет открыла огонь по самолету.

Чем это было вызвано? Тем, что бой фактически уже начался, потому мы и открыли огонь.

Если нужно взять на себя ответственность за это, мы готовы взять ее на себя, потому что мы отдали противовоздушным батареям приказ стрелять по низколетящим самолетам. Однако у нас не было ракет класса «земля-воздух», они находились в руках советских войск, и непосредственный приказ о запуске ракеты был отдан советским офицером... Если бы эти ракеты находились под нашим контролем, то мы, возможно, приказали бы стрелять, так что мы не уходим от ответственности. Но не

нам принадлежит заслуга в том, что этот самолет был сбит.

Советское и кубинское командования располагали достоверными данными о принятом американским руководством решении начать 29 или 30 октября агрессию против Кубы с предварительным нанесением массированных авиационных ударов по позиционному району советских ракетных частей, а также важнейшим военным объектам, чтобы снизить военный потенциал страны, а затем начать вторжение на остров с моря и воздуха.

К этому времени из 36 наших боевых ракет Р-12 примерно только половина была готова к заправке горючим, окислителем и стыковке с ядерными головными частями, которые находились на определенном удалении от позиционных районов, т. е. располагались отдельно, под усиленной охраной и команды на их доставку и стыковку из Москвы и от генерала И. А. Плиева не поступало.

Более того, Плиев еще 22 октября получил из Москвы указания о приведении войск Группы в боевую готовность для отражения возможной агрессии со стороны США всеми силами (ракетные части использовать категорически запрещалось) совместно с кубинскими вооруженными силами. 27 октября Москва еще раз предупредила о неприменении ядерного оружия.

После уже известных читателю обменов посланиями между президентом США и главой Советского правительства командующий Группой войск получил приказ об отмене боевой готовности и свертывании ракетных частей. Сроки были сжатые. Поэтому Плиев послал в ракетные полки для помощи и контроля исполнения своих заместителей генералов П. Б. Данкевича и Л. С. Гарбуза. 29 октября я тоже выехал в ракетный полк Ю. А. Соловьева, где вместе с командиром дивизии генералом И. Д. Стаценко мы проследили, как идет демонтаж, а точнее, ломка позиционных сооружений, в которые было вложено так много солдатского труда. Генерал Стаценко с обидой в голосе говорил мне:

— То вы торопили меня со строительством позиционных районов, а теперь упрекаете, что медленно их разрушаем...

Что я мог ответить человеку, так много сделавшему для выполнения поставленной ранее задачи?

В это же время, если мне память не изменяет, 30 октября, Плиев получил указание Р. Я. Малиновского, чтобы командир дивизии генерал Стаценко доложил о положении дел прибывшему в Гавану У Тану. Предупредили, что доклад должен быть полным, включать данные о состоянии ди-

визии и ее организации, количестве завезенных ракетных установок и ракет, плане демонтажа и вывоза ракет в Советский Союз. Начали срочно готовить И. Д. Стаценко к столь необычным «дипломатическим» переговорам.

У Тан прибыл со свитой, в которой находились и военные представители Индии и Швеции. Беседа состоялась в резиденции У Тана. На ней присутствовал посол СССР на Кубе А. И. Алексеев.

Стаценко рассказывал о встрече так:

— Приехали в резиденцию в назначенное время. К нам вышел У Тан, взаимно представились, затем прошли в небольшой зал для заседаний. Индийский и шведский генералы раскрыли свои увесистые портфели. По всему было видно, включили магнитофоны...

У Тан начал разговор с того, что одобрително отозвался о решении Советского правительства вывезти с Кубы ракеты, заметив, что оно проявило большую заботу о сохранении мира. Коротко остановился на своей миссии в Гавану.

Посол А. И. Алексеев поблагодарил У Тана за теплые слова, отметил, что Советский Союз всегда стоял на твердых позициях сохранения мира, и сказал, что командир ракетной дивизии готов ответить на все интересующие его вопросы.

У Тан поинтересовался у Стаценко впечатлениями о пребывании на Кубе, затем спросил о боевом составе ракетных частей и об инструкциях по поводу вывоза ракет с острова.

Стаценко доложил о ходе выполнения приказа о демонтаже ракетных позиций и плана вывоза ракет и оборудования в Советский Союз. Он сказал, что всего было завезено 24 установки и 42 ракеты, включая шесть учебных, со всем вспомогательным оборудованием (транспортировки, заправки, стартовым и т. д.). Планом предусматривается вывезти ракетные полки до 20 ноября, но все будет зависеть от времени сосредоточения в портах Кубы необходимого количества кораблей нужного класса.

Когда Стаценко ответил на все поставленные вопросы, У Тан поблагодарил его за беседу и пожелал счастливого пути на Родину. Индийский и шведский генералы вопросов не задали, но усердно все записывали. Тон беседы был спокойный, уважительный.

Как нам стало известно, У Тан вел переговоры с кубинским руководством и нашим посольством об организации инспекции со стороны США за демонтажем и вывозом ракетного оружия.

1 ноября, после переговоров с У Таном,

Фидель Кастро выступил по телевидению и заявил:

— Мы не нарушали никакого права, не совершили никакой агрессии против кого бы то ни было. Поэтому инспекция является еще одной попыткой унизить нашу страну. Поэтому мы ее не принимаем.

В том же выступлении он очень тепло отозвался о Советском Союзе и советских военных. В частности, сказал:

— Нужно особенно помнить о том, что во все трудные моменты, когда мы сталкивались с американской агрессией, мы всегда опирались на дружескую руку Советского Союза. За это мы благодарны ему, и об этом мы должны говорить во весь голос. Советские люди, которых мы видим здесь... сделали для нас очень много. Кроме того, советские военные специалисты, которые были готовы умереть вместе с нами, очень много сделали для обучения и подготовки наших вооруженных сил.

Это была справедливая оценка роли Советского Союза и того вклада, который внесли советские люди в защиту Кубы.

Конечно, сегодня можно по-разному оценивать события того времени, но от исторических фактов уйти нельзя.

Как было сказано выше, американцы вначале требовали права инспекции демонтажа наших ракет и их вывоза с Кубы непосредственно на острове. Но Ф. Кастро отверг эти притязания. Тогда предложили осуществлять инспекцию советских судов с ракетами в портах Кубы, на что руководители Кубы также ответили отрицательно. В сложившейся обстановке советское руководство дало согласие на инспектирование наших судов, но только в море.

Мы заранее сообщали американской стороне, на какой транспорт и сколько ракет погружено. В открытом море к нему подходили американские военные корабли и вертолеты, снимались брезентовые покрытия с ракет, находящихся на грунтовых тележках, последние были на палубах закреплены, вопреки всем правилам морских перевозок (они должны быть в трюмах). Американцы визуальнo подсчитывали количество ракет, после чего давали, как говорят моряки, «добро» на дальнейшее плавание.

Я считал тогда и сейчас остаюсь при том же мнении, что инспектирование для нас, военных, после исполненного нами воинского долга, сопряженного с неимоверным трудом, было не только унижительным актом, но и своего рода публичной пощечиной.

Особо хочется сказать о поведении в те напряженные дни наших солдат, сержантов и офицеров. Они готовились вместе с кубинцами сражаться, с честью выполнить

свой интернациональный долг. В беседах с личным составом чувствовался боевой настрой. Несмотря на трудные климатические условия — тропические ливни и неимоверную жару, — не слышно было роптаний. Все были готовы защищать Кубу так же, как свою Родину. В который раз приходилось убеждаться, что советский солдат, куда бы ни забросила его судьба, всегда оставался мужественным, терпеливым, находчивым, неунывающим бойцом.

Я видел, как кубинские солдаты и все население острова готовились встретить противника с оружием в руках. Весь народ от мала до велика стремился стать в единый строй, чтобы отстоять завоеванную свободу.

2 ноября в Гавану прибыл член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян. Он прилетел из Нью-Йорка, где вел переговоры с представителями американского руководства. В аэропорту я вновь встретился с Фиделем Кастро. Он тепло пожал руку Плиеву, послу Алексееву, Дементьеву и мне. Вид у него был озабоченный. К нему подходили кубинцы, каждый старался пожать ему руку или просто крикнуть: «Фидель!», чтобы обратить на себя внимание. Чувствовалось большое уважение простого народа к своему руководителю.

Делового разговора на аэродроме у нас с ним не получилось: времени не было и не позволяла обстановка. Фидель Кастро во время встречи с Микояном был весьма сдержан.

На второй день стало известно, что у А. И. Микояна умерла жена. Н. С. Хрущев в телеграмме выразил ему от имени руководства партии и правительства соболезнование, в ней же было указано и на его особую миссию в Гаване, на важность переговоров с кубинским руководством. Короче, давали понять, что в Москве сделают все необходимое, чтобы похороны состоялись надлежащим образом.

Микоян после короткого раздумья принял решение остаться на Кубе для выполнения своей нелегкой миссии. Ему предстояло вести трудные переговоры с кубинскими товарищами, встречаться с американцами. Итогом активной переписки руководителей двух стран и дипломатических шагов Микояна, а его миссия завершилась 20 ноября, явилось решение президента США о снятии морской и воздушной блокады.

К тому времени командование Группы войск закончило вывоз с острова ракет и самолетов Ил-28. В Советских Вооруженных Силах и Объединенных вооруженных силах государств — участников Варшавского Договора была снята повышенная

боевая готовность. Народы мира вздохнули с облегчением: угроза атомной войны миновала.

Советское руководство приняло решение передать обычное вооружение и боевую технику советских войск Кубе. Перед нами встала новая задача: научить солдат и офицеров Революционных Вооруженных Сил в совершенстве владеть этой техникой. Личный состав Группы войск, выступавший в роли коллективного инструктора, старался щедро передать весь свой опыт и знания товарищам по оружию. Это были особые ратные будни, наполненные взаимопониманием, душевной добротой, открытостью сердец, искренностью. Это была настоящая школа интернационализма.

В канун праздника Великого Октября Плиев устроил небольшой прием для руководящего состава советских и кубинских войск. Первый тост был за глав правительств: Никиту Сергеевича Хрущева и Фиделя Кастро Рус. Рядом со мной сидел кубинский капитан, занимавший большой военный пост. Обращаясь к товарищам, он заметил, что следует выпить не за Фиделя и Хрущева, а за Фиделя и Сталина. Мы не согласились, но капитан продолжал настаивать: «За Фиделя и Сталина!» Смысл его слов сводился к тому, что если бы был жив Сталин, то ракеты остались бы на Кубе.

В конце дня я послал Малиновскому очередное расширенное донесение, в котором упомянул и о случае на приеме. Этот доклад имел для меня неожиданные и неприятные последствия.

Поздно вечером 7 ноября мне сообщили, что завтра в 10 часов утра меня вызывает А. И. Микоян. Вызов меня насторожил. Почувствовал: что-то случилось. Поинтересовался, кто еще приглашен. Мне ответили, что еще несколько человек, в том числе и Плиев. Мысленно проанализировал всю свою работу на Кубе, возможные вопросы, которые могли интересовать Микояна, и только далеко за полночь уснул.

...Разговор Микоян начал с вопроса: «Кто из вас сообщил в Москву о том, как прошло здесь празднование Октябрьской революции?»

Я сразу понял: речь шла о моем донесении, о чем сразу же сказал ему. Пересказал и содержание доклада в адрес министра обороны.

К большому моему удивлению, приглашенные на встречу товарищи, зная о критических высказываниях некоторых кубинских офицеров по поводу вывоза ракет, молчали, с подобострастием поглядывая на Микояна.

А. И. Микоян помолчал, затем строго напомнил всем, и в первую очередь мне, что

он здесь представитель Президиума ЦК КПСС и должен знать, кто и что докладывает в Москву.

— Закончим неприятный разговор, — сказал он в конце беседы. — Не будем больше возвращаться к этому вопросу. Пусть все останется между нами.

Не скрою, меня взволновала эта встреча. Понимал, что от одного только слова Микояна зависит вся моя дальнейшая служба и, в конечном итоге, судьба.

К вечеру 8 ноября связисты штаба Группы впервые установили закрытую радиотелеграфную связь с Москвой. В тот же день состоялся мой разговор с генерал-полковником С. П. Ивановым. Я доложил о встрече с Микояном. Семен Павлович сказал, чтобы я особенно не переживал: мои донесения идут на самый «верх» и оцениваются там высоко.

Тем не менее скажу, что по возвращении в Москву, во время доклада Р. Я. Малиновскому о выполнении задания, я узнал, что А. И. Микоян все же рассказал министру о том, какое замечание он сделал мне в Гаване. Пришлось подробно доложить об инциденте. Министр меня успокоил и хорошо оценил работу нашей группы на Кубе. Будучи уже командармом в Закавказском военном округе, я встретился с Микояном в Ереване. Набрался смелости напомнить, что он не сдержал своего слова.

Микоян, подумав, сказал:

— Знаете, товарищ Грибков, здесь ничего нет особенного, давайте забудем об этом.

В конце ноября я получил распоряжение из Москвы возвратиться со своей группой домой. Лететь можно было только самолетами иностранной авиакомпании или попросить Микояна, чтобы он взял нас на борт своего спецсамолета, который должен был лететь с посадкой в США.

Но подвернулась еще одна «оказия». В Прагу летел самолет чехословацкой авиакомпании. С помощью чешских друзей мы оказались в Европе.

В Москве я сделал устный доклад Р. Я. Малиновскому в присутствии своего непосредственного начальника генерал-полковника С. П. Иванова.

Министра интересовало все до мельчайших подробностей. В течение двухчасового доклада он ни разу меня не перебил, лишь иногда задавал уточняющие вопросы. Семен Павлович попытался дать знак, чтобы я заканчивал, но Родион Яковлевич, неодобрительно взглянув в его сторону, сказал:

— Продолжайте, товарищ Грибков, продолжайте...

Я привез ему много фотографий, солдатских писем и даже... стихотворений. Одно письмо его так растрогало, что он долго и

от души смеялся. Оно было написано в стиле чеховского Ваньки Жукова: «В Москву, дедушке Родиону Яковлевичу».

Письмо хорошее, доброе, по-своему патристическое. В нем были, между прочим, и такие слова: «Дорогой дедушка, Родион Яковлевич, и когда же ты заберешь нас домой, в нашу дорогую и далекую Россию?»

Как отметил министр обороны, работа нашей группы была на самом «верху» оценена положительно.

Весной 1963 года мне вновь пришлось побывать на Кубе. Теперь наш беспосадочный полет на самолете Ту-114 пролегал через Мурманск вдоль побережья Канады и США. Этим маршрутом намечалось прибытие Фиделя Кастро в Москву.

Перед нами стояла задача проверить, как идет переучивание кубинских военнослужащих, решить некоторые организационные вопросы в наших войсках. Выполнив задание, в середине апреля мы тем же маршрутом возвратились домой, опробовав новую авиалинию для прилета Ф. Кастро в Москву. Министр поблагодарил за проделанную работу и сообщил, что мой труд во время кубинского кризиса отмечен орденом Ленина.

Заканчивая свои воспоминания, относящиеся ко времени кубинского кризиса, хочу выделить ряд существенных моментов.

Впервые в истории Советских Вооруженных Сил была оперативно осуществлена переброска через океан более чем 40-тысячной армии с большим количеством техники и вооружения. Причем задачи, поставленные руководством страны перед Министерством обороны и Министерством морского флота, были выполнены четко, в установленные сроки. А главное, столь колоссальный объем работ был проделан скрытно. Лишь 14 октября, т. е. почти через месяц после прибытия на остров трех ракетных полков, соединений и частей ПВО, ВВС, ВМФ и сухопутных войск, воздушной разведке США удалось обнаружить признаки нахождения на Кубе советских войск. Именно с того дня проявилось сильное беспокойство Пентагона, а затем и самого президента Дж. Кеннеди. Важно подчеркнуть еще и то, что США открыто создавали военные базы вокруг Советского Союза, в том числе и ракетные. Более того, американцы действовали вызывающе. Они начисто игнорировали реакцию мировой общественности, заявления, протесты правительств ряда стран. Америка упорно и настойчиво решала нужные ей задачи. Разумеется, советскому руководству не нравилось, что СССР оказывался во все более тесном ракетно-ядерном кольце. Но ведь до

политической истерии, тем более до мер военного характера дело не доходило.

Что же вынудило американскую администрацию так резко, с большой нервозностью отреагировать на присутствие наших ракет и войск на Кубе?

Как мне представляется, американцев напугало скрытное и внезапное появление советских ракет на острове. Дезинформация шла по вертикали вниз с самого «верха». Н. С. Хрущев вплоть до 25 октября уверял американского президента в отсутствии на Кубе ракетного оружия. Разработанный план маскировки и дезинформации в основном был выполнен. К тому же на все вопросы о наличии ракет на Кубе наши дипломаты в силу своей неосведомленности (в том числе и посол Советского Союза в США, и представитель в ООН) давали отрицательный ответ, что тревожило американцев и, видимо, давало им повод сделать вывод о готовящемся против них внезапном ракетном ударе.

Полагаю, если бы на основе заранее заключенных с кубинским правительством и обнародованных договоров и соглашений мы постепенно и открыто перебрасывали вооружение, боевую технику, воинские части, в том числе и ракетные, такой острой реакции со стороны США могло и не быть. Хотя вполне вероятно, что американцы приняли бы все меры к недопущению завоза ракет на Кубу.

Считаю, что серьезной политической ошибкой в период переговоров Н. С. Хрущева с Дж. Кеннеди было то, что в них по сути дела не участвовал Ф. Кастро как глава суверенного государства, чем во многом был подорван авторитет кубинского руководства. Если бы Фидель Кастро с самого начала участвовал в переговорах в качестве равноправной третьей стороны, мероприятия по урегулированию конфликта и по вывозу ракет прошли бы не в такой острой, а порой и унижительной для нас форме.

А была ли вообще необходимость завозить на Кубу ракеты? Этот вопрос ныне активно обсуждается многими западными да и нашими публицистами. Исходной базой дискуссии служит соотношение сил США и СССР по ракетам, взаимно достигающим территорий двух государств.

Замечу, что в то время соотношение ракетно-ядерных потенциалов было далеко не в пользу Советского Союза. Но даже с завозом наших 36 ракет средней дальности на Кубу оно практически не изменилось, а угроза возникновения ядерной катастрофы возросла многократно. Поэтому глубоко убежден в том, что не следовало бы заво-

зить ракеты на остров. Руководителям США, СССР и Кубы с участием Генерального секретаря ООН необходимо было сесть за стол переговоров, договориться по всем вопросам и оставить Кубу в покое.

Если допустить, что в разгар кризиса американцы решились бы нанести авиационные удары по Кубе, в том числе и по советским войскам, а затем высадить морские и воздушные десанты с целью ликвидации государственного строя, то, наверное, это также привело бы к непредсказуемым последствиям.

По данным на октябрь 1962 года, население Кубы составляло около 8 млн. человек. Отмобилизованная, хорошо обученная армия с современным оружием составляла примерно 200 тыс. человек. В случае агрессии США ряды защитников Республики могли бы стать в два-три раза больше. Их поддержала бы 40-тысячная группировка Советской Армии с самым современным вооружением, которая вместе с кубинцами защищала бы молодое независимое государство в соответствии с договором. Поэтому решение президента Дж. Кеннеди отказаться от агрессии против Кубы расцениваю как верное.

К 28 октября, как я уже писал, состояние боевой готовности советских ракетных частей не обеспечивало нанесение ракетного удара по США. К этому времени из 36 ракет средней дальности только половина была подготовлена для заправки горючим, окислителем и стыковки с головными частями. Ни на одной ракете не вводилось полетное задание.

Хочу еще раз подчеркнуть, что начиная с момента замысла создания Группы войск на Кубе и во время развернувшихся потом событий ни политическое, ни военное руководство Советского Союза даже в мыслях не допускало нападать на США и тем самым развязывать мировую войну с применением ядерного оружия.

Американцы много шумели о завозе на Кубу самолетов Ил-28, которые якобы угрожали США. Хочется внести ясность и в этот вопрос. Да, действительно, на Кубу были «завезены» бомбардировочный полк и отдельная эскадрилья из шести самолетов-носителей ядерного оружия Ил-28. Самолеты были привезены в разобранном виде в контейнерах. К 28 октября ни один из них не был полностью боеготовым. Все они к концу ноября были погружены на морские суда и отправлены в Советский Союз. Кстати, Ил-28 — самолет оперативного назначения. Он мог использоваться для борьбы с морскими десантами, а также для поддержки сухопутных войск и уничто-

жения высаживаемых морских и воздушно-десантных войск противника. Американцы знали его тактико-технические данные, понимали, что этот самолет не предназначался для ведения наступательных действий на территории США, но шумели...

Цель операции «Анадырь» заключалась в одном — помочь молодой Кубинской Республике защитить завоеванную свободу, предотвратить агрессию США. Ракетные войска в этой операции являлись важным сдерживающим фактором.

Заканчивая кубинскую тему, считаю необходимым высказать мнение и по вопросу о нашей мотострелковой бригаде, которая и сегодня находится на Кубе.

Я помню, как в результате длительных переговоров кубинского и советского руководства по настоятельной просьбе кубинской стороны 29 мая 1963 года было подписано соответствующее соглашение об оставлении на Кубе символического количества советских войск — мотострелковой бригады. Документ имел секретный характер. В печати о нем не сообщалось. Отмечу, что нахождение мотострелковой бригады на Кубе действительно носило больше символическое политическое значение, чем военное. Присутствие на острове Свободы советских солдат выражало дружбу и солидарность советского и кубинского народов перед лицом возможной агрессии.

В сентябре 1979 года после затяжного молчания, в ходе VI конференции глав правительств и государств Движения неприсоединения в Гаване, США негативно высказались в отношении советской мотострелковой бригады, находящейся на Кубе.

Тогда же советское руководство во главе с Л. И. Брежневым, не посоветовавшись с кубинским руководством, назвало эту боевую бригаду учебным центром по подготовке кубинских военных специалистов. Такое решение имело на Кубе серьезный политический резонанс.

А спустя некоторое время, опять же в одностороннем порядке, М. С. Горбачевым принимается решение о полном выводе мотострелковой бригады, вновь без консультации с руководством Кубы.

Разумеется, на принятие такого решения, оказавшегося для кубинского руководства неожиданным, повлияли многие факторы. Не берусь их перечислять. Скажу главное: заявляя о выводе советской мотострелковой бригады с территории дружественного нам государства, в самый раз бы

предъявить администрации США требование о ликвидации находящейся на Кубе ее военно-морской базы Гуантанамо, на которой постоянно пребывают гарнизон в 8-10 тыс. человек и несколько американских кораблей. Это было бы справедливо. Более того, одновременный вывод с Кубы иностранных войск явился бы надежным стабилизирующим политическим и военным фактором в Карибском регионе. Но этого, к сожалению, не было сделано...

Какие главные выводы можно сделать из рассказанного?

— Карибский кризис явился естественным результатом «холодной войны», противостояния двух великих государств — США и СССР.

— Полные драматизма октябрьские события 1962 года поставили мир на грань ядерной катастрофы. Только перед лицом грозной опасности руководители США и СССР поняли, насколько далеко они зашли в своей политике, убедились, чем чревата демонстрация ядерных «мускулов».

— Карибский кризис вынудил Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущева настойчиво искать возможности недопущения ядерной войны, нераспространения ядерного оружия, его сокращения, запрещения испытаний, то есть стал поворотным пунктом на пути продвижения к миру. Важно и другое — политики и военные отчетливо осознали, что в ядерной войне победителей не будет.

Сегодня немало написано и сказано о тех уже далеких событиях. Можно по-разному относиться к оценкам карибского кризиса. Они полярны. Подчеркну лишь, что советские войска достойно выполнили поставленную перед ними задачу. Более того, впервые в истории России была осуществлена уникальная операция по переброске через океан за десять тысяч километров столь внушительной группировки вместе с современной техникой и вооружением.

К сожалению, нужно признать, что операция «Анадырь» до сих пор практически не изучена. Если не забыта. Думается, пришло время издать хорошую книгу о тех событиях с приложением основных документов. Она стала бы подспорьем для слушателей академий, которые взяли бы на вооружение опыт планирования и организации данной операции. Хочется верить, что мои пожелания услышит руководство Генерального штаба ВС России.

Генерал армии А. И. ГРИБКОВ

О Т Ч Е Т

о переговорах в Нью-Йорке и встречах в Вашингтоне и Гаване по вопросам, связанным с урегулированием кризиса в районе Карибского моря

Переговоры в Нью-Йорке по вопросам, связанным с урегулированием кризиса в районе Карибского моря, продолжались с 29 октября 1962-го по 7 января 1963 года. Советская сторона действовала в постоянном контакте с представителями Кубы, согласовывала с ними все свои шаги. Вести переговоры на трехсторонней основе (СССР, США и Куба) американская сторона отказалась. Генеральный секретарь ООН У Тан поддерживал контакт со всеми тремя сторонами.

По окончании переговоров в Вашингтоне состоялись встречи 9-11 января 1963 года с президентом США Кеннеди, государственным секретарем Раском, министром обороны Макнамарой и другими представителями правительства США.

Во время визита в Гавану по приглашению правительства Кубы 15-18 января 1963 года состоялись встречи с тов. Фиделем Кастро, президентом Дортикосом, министром иностранных дел Раулем Роа, а также с некоторыми членами национального руководства ОРО и правительства Куба.

В связи с переговорами, встречами и беседами в Нью-Йорке, Вашингтоне и Гаване считаем необходимым доложить следующее.

I

1. В соответствии с имевшимися указаниями, с нашей стороны на всем протяжении переговоров в Нью-Йорке проводилась линия на то, чтобы добиться осуществления и закрепления в ООН договоренности о мирном урегулировании кризиса в районе Карибского моря, достигнутой при обмене посланиями между тов. Н. С. Хрущевым и президентом Кеннеди 27 и 28 октября 1962 года. Как известно, эта договоренность предусматривала, что США отменяют военную блокаду Кубы (так называемый «карантин»), подтвердят соответствующим образом в ООН свое обязательство не вторгаться на Кубу и не допускать вторжения на Кубу других государств Западного полушария; в свою очередь, Советский Союз вывезет с Кубы оружие, которое американская сторона назвала «наступательным», и даст обязательство не ввозить такого оружия на Кубу в дальнейшем.

Добиваясь подтверждения в ООН без каких-либо оговорок обязательства США о невторжении на Кубу, мы в то же время ставили в ходе переговоров вопрос о необходимости

дальнейшей нормализации положения в районе Карибского моря и постоянно обращали в этой связи внимание другой стороны на необходимость осуществления пяти пунктов Фиделя Кастро, выдвинутых им в заявлении от 28 октября 1962 года.

2. Линия США на переговорах в Нью-Йорке заключалась в том, чтобы добиться быстрее выполнения обязательства СССР о вывозе определенных видов оружия с Кубы, получить возможность проконтролировать вывоз этого оружия, не спешить в то же время со снятием карантина и уйти от подтверждения в ООН своего обязательства о невторжении на Кубу или, по меньшей мере, сопроводить это подтверждение такими оговорками, которые существенно ослабляли бы его значение.

Было видно, что, заявив в самый острый момент кризиса под воздействием страха перед термоядерной войной о своем обязательстве не вторгаться на Кубу, правительство США стремится в условиях, когда непосредственной опасности войны уже нет, как-либо освободиться от этого обязательства, которое, по всеобщему признанию, нанесло огромный удар по агрессивной политике США в отношении Кубы и всех стран Западного полушария, основательно подорвало «доктрину Монро».

3. Со стороны представителя Кубы в ходе переговоров, особенно после того, как выявилась невозможность достижения в данный момент договоренности на основе пяти пунктов Фиделя Кастро, не проявлялось заинтересованности в том, чтобы вынудить США в каком-либо виде подтвердить и оформить в ООН свое обязательство о невторжении на Кубу. Правительство Кубы, как пояснил нам кубинский представитель, исходило при этом из той точки зрения, что обязательство США о невторжении на Кубу является чисто словесным и не дает Кубе каких-либо реальных гарантий, если не будет достигнуто договоренности на основе пяти пунктов Фиделя Кастро.

Определенные затруднения в ходе переговоров кубинское правительство создало своей позицией в вопросе о проверке вывоза советских ракет с Кубы. Отклонив, в частности, даже такую форму проверки, как посещение Генеральным секретарем ООН У Таном некоторых районов, где осуществлялся тогда демонтаж этого оружия, кубинские друзья фактически облегчили представителям США возможность

заявлять вплоть до последнего времени о том, будто наше обязательство о проверке вывоза советских ракет и демонтаже их пусковых площадок остается не до конца выполненным, поскольку такой проверки не было проведено на месте, на территории Кубы.

4. Генеральный секретарь ООН У Тан, который внес полезный вклад в достижение договоренности между СССР и США в наиболее острый момент кризиса, и в дальнейшем проявлял определенный интерес к ходу переговоров в Нью-Йорке. Положительную роль сыграл также его визит на Кубу 30 октября — 1 ноября 1962 года. Нашим интересам соответствовало выдвижение У Таном предложения, основанного на принципе равноправного подхода, о «присутствии» ООН в районе Карибского моря, а в последующем — предложения о создании наблюдательных групп при штаб-квартире ООН в Нью-Йорке для наблюдения за выполнением всеми сторонами своих обязательств по урегулированию кризиса.

5. На протяжении всего хода переговоров проводилась соответствующая работа с представителями стран Азии, Африки, Латинской Америки и нейтралистскими странами Европы по разъяснению нашей позиции, направленной на укрепление мира и обеспечение свободы и независимости Кубы, по разоблачению агрессивного курса США в отношении Кубы и их неконструктивной позиции на переговорах. При этом нами был использован тот факт, что переговоры в Нью-Йорке проходили в период XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой многие страны Африки и Азии были представлены на уровне министров или их заместителей. Большинство представителей афро-азиатских стран высказывали свою признательность Советскому правительству, лично тов. Н. С. Хрущеву за мудрую политику по урегулированию кубинского кризиса, позволившую предотвратить термоядерную войну. Они выражали удовлетворение тем, что удалось отстоять независимость Республики Куба, проявляли симпатии к кубинскому народу.

Высказывалось ими в беседах также мнение о том, что достигнутая договоренность об урегулировании кризиса в Карибском море имеет важное значение для малых стран, недавно освободившихся от колониального гнета, и послужит стимулом для борьбы за укрепление независимости афро-азиатских государств.

II

1. На первой стадии переговоров — с конца октября до середины ноября 1962 года — рассматривались главным образом вопросы, относящиеся к вывозу с Кубы советских ракет, а затем и самолетов-бомбардировщиков Ил-28. Были согласованы соответствующие практические детали, в том числе в отношении визуального наблюдения в открытом море за вывозом

с Кубы советских ракет средней дальности действия и самолетов Ил-28.

С нашей стороны упор делался на требование о безотлагательной отмене «карантина» в отношении судов, следующих на Кубу, и одновременно о подтверждении обязательств сторон через ООН.

Когда стало проявляться все более сильное недовольство «карантином» со стороны как нейтралистских государств, так и союзников США, американцы взяли линию на фактическую замену «карантина» установлением проверки судов, следующих на Кубу, силами Международного комитета Красного Креста. С американской стороны делались попытки навязать создание громоздкого контрольного механизма Международного комитета Красного Креста, формирование многочисленных контрольных групп, предоставление им права подниматься на борт инспектируемых судов. Американцы явно вели дело к тому, чтобы, создав такую контрольную систему, оставить ее на длительное время, имея в виду фактически увековечить «карантин» с той лишь разницей, что он осуществлялся бы не непосредственно силами военно-морского флота США, а по линии Международного комитета Красного Креста.

С нашей стороны всем этим попыткам США был дан соответствующий отпор, причем особо подчеркивалось, что Советское правительство дает согласие на установление проверки по линии Международного комитета Красного Креста лишь на короткий срок (до завершения вывоза с Кубы [так] [а] [з] [ы] [в] [ы] [в] [о] [з] [а] [м] [е] [н] [я] [е] [м] [о] [г] [о] «наступательного оружия») исключительно в интересах создания наиболее благоприятной обстановки для мирного урегулирования кризиса.

Переговоры о контроле по линии Международного комитета Красного Креста затянулись, и согласованная система проверки не была выработана вплоть до завершения вывоза советских ракет с Кубы. После завершения вывоза советских ракет американцы столкнулись с таким положением, что им стало еще труднее настаивать как на сохранении «карантина», так и на замене его контролем по линии Международного комитета Красного Креста. К тому же и У Тан, которому с нашей стороны систематически разъяснялась позиция Советского правительства по этим вопросам, перестал проявлять интерес к установлению контроля по линии Международного комитета Красного Креста.

В этих условиях американцам пришлось пойти 20 ноября 1962 года на отмену «карантина» без замены его какой-либо другой формой проверки следующих на Кубу судов, в том числе и без установления контроля по линии Международного комитета Красного Креста.

2. С самого начала переговоров в Нью-Йорке с нашей стороны предпринимались шаги к

тому, чтобы быстрее договориться о подтверждении через ООН обязательств сторон по урегулированию кризиса в районе Карибского моря, в том числе обязательства США о невторжении на Кубу. Хотя американская сторона старалась оттянуть начало конкретного рассмотрения этих вопросов, тем не менее с середины ноября 1962 года на переговорах началось обсуждение проектов соответствующих документов.

С советской и кубинской сторон 15 ноября было предложено подтвердить и оформить обязательства сторон путем подписания трехстороннего протокола. В протоколе содержались также положения, предусматривающие осуществление предложений правительства Кубы (пять пунктов Фиделя Кастро).

После отклонения американской стороной проекта протокола с нашей стороны было предложено подтвердить и оформить обязательства сторон путем представления Совету Безопасности кратких согласованных деклараций СССР и США, имея в виду, что каждая из сторон будет иметь право, кроме того, сделать вне Совета Безопасности или, в крайнем случае, в Совете Безопасности одностороннее несогласованное заявление по тем вопросам, по которым между сторонами нет полного единства (с советской стороны имелось в виду заявить о поддержке пяти пунктов Фиделя Кастро). Американцы не приняли это предложение.

Со своей стороны американцы вносили на переговорах предложения, отражавшие их курс на то, чтобы свести на нет или, по крайней мере, ослабить свое обязательство о невторжении на Кубу. 24 ноября 1962 года они внесли проект декларации США, в котором хотя формально и подтверждалось это обязательство, содержался, однако, ряд неприемлемых положений и оговорок. К их числу относилась прежде всего оговорка об условном характере обязательства США о невторжении на Кубу, в соответствии с которой это обязательство сохраняло силу лишь при условии, что Куба не предпримет акции, которая угрожала бы миру и безопасности Западного полушария (в дальнейшем американцы предложили формулировку: «при условии, что Куба не совершит агрессивных актов против любой страны Западного полушария»).

В американском проекте содержалось также заявление США о том, что, поскольку якобы не выполнены обязательства о проверке на месте вывоза определенных видов советского оружия на Кубе и не создана система контроля за невыезом этого оружия в будущем, США будут продолжать в одностороннем порядке осуществлять полеты своих разведывательных самолетов над Кубой.

Эти неприемлемые оговорки, несмотря на наши возражения, в том или ином виде про-

должали появляться в проектах заключительных документов, вносившихся представителями США и после 24 ноября.

В целях ускорения достижения договоренности о заключительных документах советская сторона предложила направить Генеральному секретарю ООН послания тов. Н. С. Хрущева и Кеннеди от 27 и 28 октября 1962 года для издания их в качестве документов Совета Безопасности. Американская сторона стала настаивать на том, чтобы Генеральному секретарю ООН были направлены также односторонние американские документы — заявление Белого дома от 27 октября 1962 года и заявление президента Кеннеди на пресс-конференции 20 ноября 1962 года, в которых как раз и содержались неприемлемые для нас оговорки к обязательству США о невторжении, данному президентом в посланиях 27 и 28 октября.

После соответствующего нажима с нашей стороны американская сторона перестала настаивать на направлении этих односторонних документов Генеральному секретарю ООН, но не отказалась от того, чтобы в сопроводительном письме США к посланиям президента Кеннеди от 27 и 28 октября содержались ссылки на эти односторонние документы. Это предложение также было отклонено нами и было подчеркнуто, что для советской стороны неприемлемы любые проекты, в которых в том или ином виде содержатся упомянутые оговорки.

3. В создавшейся обстановке переговоры оказались возможным завершить направлением 7 января 1963 года краткого совместного письма правительств СССР и США Генеральному секретарю ООН. В этом письме, хотя и в общей форме, подтверждается факт договоренности о мирном урегулировании кризиса в районе Карибского моря, а тем самым и обязательство США о невторжении на Кубу, причем никаких оговорок к этому в письме не содержится. В совместном письме выражается также надежда обеих сторон на то, что принятые действия по предотвращению угрозы войны в связи с кризисом в районе Карибского моря поведут к урегулированию других разногласий, существующих между ними, и к общему смягчению напряженности, которая могла бы вызвать дальнейшую угрозу войны.

Своего рода дополнением к совместному письму правительств СССР и США является ответное письмо У Тана от 9 января 1963 года, в котором содержится призыв к сторонам не предпринимать каких-либо действий, которые снова могли бы обострить обстановку в районе Карибского моря. Фактически этот призыв обращен к США, с тем чтобы с их стороны не нарушалось обязательство о невторжении на Кубу.

Кубинское правительство со своей стороны направило Генеральному секретарю заявление премьер-министра Фиделя Кастро от 28 октября и заявление правительства Кубы от 25 ноября с соответствующим сопроводительным письмом.

4. Президент Кеннеди в беседе с нами 9 января 1963 года подтвердил, что США признают и намерены выполнять свое обязательство о невторжении на Кубу. Он заявил в этой беседе также, что правительство США не разрешит кубинским эмигрантам осуществлять подготовку к такому вторжению на территории США и что бригада участников интервенции 1961 года, вернувшихся в декабре 1962 года с Кубы, будет распущена.

Следует отметить, однако, что, хотя правительство США больше не выдвигает требований о проверке на месте и о гарантиях в отношении неавтоматического ввоза определенных видов оружия на Кубу, его представители продолжают представлять перед общественностью дело так, будто соответствующие обязательства на этот счет не были выполнены полностью. Таким путем американцы пытаются оправдывать продолжение полетов над Кубой своих разведывательных самолетов У-2, что представляет собой, как неоднократно подчеркивалось нами в ходе переговоров, грубое нарушение международного права, Устава ООН и ведет к обострению обстановки в районе Карибского моря. Продолжение полетов самолетов У-2 над Кубой вызывает определенное недовольство нейтралистских стран, представителей которых мы подробно информировали о ходе рассмотрения этого вопроса и позициях сторон на переговорах.

Правительство США, отказавшись принять предложения У Тана, основанные на равноправном подходе, о «присутствии» ООН в районе Карибского моря или о создании наблюдательных групп при штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, показало, что в действительности оно стремится не к созданию системы контроля за выполнением обязательств всех сторон, а к тому, чтобы поставить территорию Кубы под свой контроль, явно ограничив тем самым ее суверенитет.

В вопросе о выводе с Кубы советского военного персонала правительство США признает, что это не было условием договоренности между тов. Н. С. Хрущевым и Кеннеди при урегулировании кризиса в районе Карибского моря. Об этом заявляли нам как американские представители на переговорах в Нью-Йорке, так и президент Кеннеди в беседе 9 января 1963 года.

Вместе с тем американцы пытаются оказывать на СССР некоторый нажим, с тем чтобы добиться ускорения вывода советского военного персонала с Кубы. Президент Кеннеди в беседе 9 января 1963 года не раз возвращался к этой теме и заявлял, что этот вопрос является

весьма чувствительным для США. Уже после окончания переговоров наиболее реакционные круги США снова начали раздувать кампанию в связи с вопросом о советском военном персонале на Кубе.

III

В итоге переговоров в Нью-Йорке, как нам представляется, удалось еще больше закрепить те позиции Советского Союза, Кубы и всего социалистического лагеря на международной арене, которые были завоеваны нашей последовательной борьбой, сыгравшей решающую роль в обеспечении мирными средствами безопасности революционной Кубы. Смелая инициатива Советского правительства по предотвращению мировой термоядерной войны и мирному урегулированию на компромиссной основе кризиса в районе Карибского моря вызвала одобрение всех народов.

Принципиальная и в то же время гибкая позиция Советского Союза по основным вопросам, которые были предметом рассмотрения на переговорах в Нью-Йорке, способствовала дальнейшему укреплению престижа СССР среди нейтралистских государств и мировой общественности как миролюбивой державы, на деле осуществляющей принципы мирного сосуществования.

Фактическое подтверждение правительством США своего обязательства о невторжении на Кубу, взятого на себя президентом Кеннеди при обмене посланиями с тов. Н. С. Хрущевым 27 и 28 октября 1962 года, еще больше затрудняет американским правящим кругам организацию новой вооруженной агрессии против Кубы. У нейтралистских государств Азии и Африки, а также среди мировой общественности значительно возрос интерес к Кубе, усилились симпатии к ее народу, борющемуся за укрепление своей независимости.

Сам факт переговоров между США и Советским Союзом по вопросам положения в районе Карибского моря, как и принятие на себя правительством США обязательства о невторжении на Кубу, серьезно подрывает «доктрину Монро» и, во всяком случае, ограничивает для США возможности ссылаться на эту доктрину в оправдание своей политики в Латинской Америке, направленной на сохранение господства североамериканских монополий над латиноамериканскими странами.

Вместе с тем как переговоры в Нью-Йорке, так и беседы в Вашингтоне подтвердили, что руководящие круги США не намерены мириться с установлением социалистического строя на Кубе и что они будут продолжать политику экономического, политического и всякого иного давления на Кубу, имея в виду добиваться подрыва, а если удастся, то и ликвидации на Кубе социалистического строя. Этого не скрывали, в частности, президент Кеннеди и госу-

дарственный секретарь Раск в беседе с нами. Представители США на переговорах в Нью-Йорке не раз заявляли, что США рассчитывают создавать все более серьезные затруднения для внешней и внутренней политики нынешнего правительства Кубы, всемерно препятствовать развитию кубинской экономики, делать Кубу в связи с этим «все более дорогостоящей» для Советского Союза. Они говорили также, что в США надеются на раскол революционных сил на Кубе.

В соответствии с этим курсом правительство США усиливает сейчас воздействие на своих союзников и нейтралистские государства, добиваясь прекращения ими торговли с Кубой, принимает меры к дальнейшему ограничению внешних связей Кубы по морю и воздуху. Как сообщили нам во время пребывания в Гаване кубинские товарищи, в последнее время заметно активизировалась подрывная деятельность, проводимая американской разведкой на Кубе, участились акты саботажа, террора, диверсий.

По линии Организации американских государств, как говорил нам министр иностранных дел Кубы т. Роа, правительство США добивается принятия решения о разрыве дипломатических отношений с Кубой теми латиноамериканскими государствами, которые такие отношения пока еще сохраняют. За последнее время американцам удалось обеспечить себе прочное большинство в две трети голосов в Совете ОАГ, что облегчает им принятие по линии ОАГ решений, направленных на политическую изоляцию Кубы и оказание на нее экономического и политического давления.

Что касается самих латиноамериканских государств, сохраняющих в настоящее время дипломатические отношения с Кубой, то более или менее последовательную позицию против разрыва с Кубой и вмешательства в ее внутренние дела занимает, по данным кубинских друзей, фактически одна Бразилия, в то время как Мексика и отчасти Чили и Уругвай стали проявлять заметные колебания, постепенно поддаваясь нажиму со стороны США.

IV

1. Наш визит на Кубу создал впечатление, что остается довольно сложной и обстановка на Кубе. С одной стороны, социалистические преобразования на Кубе все больше углубляются, ведется в широких масштабах борьба с контрреволюцией, народ и правительство находятся в состоянии боевой готовности к тому, чтобы дать отпор любой новой попытке империалистической агрессии. С другой стороны, кубинское руководство во главе с Фиделем Кастро продолжает придерживаться того мнения, будто Советское правительство не вполне правильно действовало в период кризиса в районе Карибского моря.

Так, Фидель Кастро в беседе с нами 17 янва-

ря 1963 года хотя и сказал, что они (кубинцы), по существу, согласны с теми мероприятиями, которые предпринял Советский Союз для предотвращения термоядерной войны в связи с кризисом в районе Карибского моря, однако подчеркнул, что они не согласны с методами и формами осуществления этих мероприятий. Фактически Фидель Кастро, а также президент Дортикос дали понять, что кубинское руководство недовольно вывозом с Кубы советских ракет и самолетов Ил-28 и считает, что в глазах кубинского народа это серьезно ослабило безопасность Республики Куба.

В беседах с нами тов. Кастро и Дортикос затрагивали вопрос о заключении советско-кубинского договора о военном союзе. При этом они сообщили, что тов. Родригес, будучи в Москве, уже поставил этот вопрос перед правительством СССР. Фидель Кастро и Дортикос подчеркивали, что, пока нет такого договора, американцы якобы могут считать, что Куба изолирована, и у них будет искушение, перечеркнув свое обязательство о невмешательстве на Кубу, совершить военное нападение на нее. Фидель Кастро в своей речи 15 января 1963 года на Конгрессе женщин Америки заявил, что Кеннеди не давал обязательства о невмешательстве на Кубу, а если и давал, то взял его обратно. В своем заключительном письме на имя У Тана от 7 января 1963 года кубинское правительство тоже заявило, что оно считает переговоры закончившимися без таких результатов, которые укрепляли бы безопасность Кубы. Мы во время встреч с тов. Кастро, Дортикосом и другими разъясняли позицию Советского Союза. При этом подчеркивалось, что Куба не изолирована, является полноправным членом семьи социалистических государств, пользуется их поддержкой, и прежде всего поддержкой СССР. Указывалось также, что Кубу поддерживают все миролюбивые страны и народы.

Ставя перед Советским Союзом вопрос о заключении военного договора, кубинские руководящие товарищи в то же время провозглашают, что в странах Латинской Америки созрели все объективные условия для ликвидации капитализма вооруженным путем и что они (кубинские друзья) считают своей важнейшей задачей содействовать в этом народам Латинской Америки. Этому была посвящена, по существу, речь Фиделя Кастро на Конгрессе женщин Америки. В беседе с нами 17 января 1963 года он сказал, что, поскольку со стороны США проводится подрывная работа в отношении Кубы, они считают себя вправе «подталкивать революции в странах Латинской Америки». Выступление тов. Кастро 15 января используется в США и в Южной Америке как повод для развертывания широкой кампании по обвинению правительства Кубы во вмешательстве во внутренние дела других стран Западного полушария.

2. Кубинский народ, насколько мы имели возможность убедиться за время краткого пребывания в стране, настроен в отношении Советского Союза по-прежнему дружелюбно. Это было хорошо заметно при посещении табачной фабрики в Гаване, студенческого городка под Гаваной, района нового жилищного строительства в Гаване, а также при присутствии на заключительном заседании Конгресса женщин Америки, на котором в качестве гостей было несколько тысяч кубинцев.

В то же время со стороны кубинского руководства довольно ощутимо проводится линия на то, чтобы не укреплять у народа чувство благодарности к Советскому Союзу за спасение Кубы в период кризиса в районе Карибского моря и за всестороннюю экономическую и иную помощь Кубе. Ни Фидель Кастро, ни другие кубинские руководящие товарищи в последнее время в своих выступлениях не упоминают о помощи Кубе со стороны Советского Союза, а если и говорят о помощи, то подчеркивают, что она оказывается социалистическим лагерем, или говорят, что она оказывается Советским Союзом, Китаем и другими социалистическими государствами.

Кубинские руководители подчеркивают свою «нейтральную» позицию в идеологических разногласиях между большинством коммунистических партий и Коммунистической партией Китая. Со стороны Фиделя Кастро и других кубинских руководящих товарищей проявляется стремление публично подчеркивать равное отношение правительства Кубы к Советскому Союзу и Китаю.

3. Посол и руководители советских специалистов обращали внимание на то, что наши специалисты не всегда используются достаточно эффективно. Со стороны кубинских товарищей к ним в ряде случаев проявляется настороженное отношение, как бы боязнь излишней опеки со стороны советских советников. Особого внимания заслуживает, по нашему мнению, положение группы главных советских советников во главе с тов. Титовым. Со стороны кубинцев, по словам посла и Титова, не проявляется инициативы в отношении использования этой группы по тому назначению, для чего она приглашалась, и эффективно работают лишь несколько человек из группы. О том, что эта группа не нашла пока своего места, говорил нам в беседе Карлос Родригес. Представляется в этой связи необходимым рассмотреть с участием тов. Титова вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания на Кубе этой группы наших советников.

В. КУЗНЕЦОВ

*Публикацию подготовили
Ю. Г. МУРИН, В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат исторических наук*

**«Холодная война» является
одной из мрачных страниц
истории XX столетия.
Антигитлеровская коалиция
вскоре
после долгожданной победы
раскололась на два
враждебных лагеря.
Затянувшаяся на десятилетия
конфронтация
представляла собой
цепь политических демаршей,
демонстраций «мускулов»,
угрожающих заявлений
и лживых заверений
в миролюбии.
Человечество балансировало
на грани мира и войны.
Один из центральных фронтов
«холодной войны» пролегал
в воздушном пространстве
Советского Союза,
о чем и пойдет речь в нашем
журналистском расследовании.**

1952 год.

Дальний Восток

...Пробив кромку плотных, набухших влагой облаков, пассажирский самолет Ил-14 набирал высоту. В нем находилась большая группа военных летчиков. Пилоты дальневосточники направлялись в отпуск. Летели вместе с женами, детьми. (Среди них был и лейтенант В. Сатиков, которого хорошо знал один из авторов этой публикации.) Увы, пассажирам того рейса не суждено было увидеть родные края. Как, впрочем, и вернуться в свои отдаленные гарнизоны. Через несколько минут после взлета «Ильюшина» на земле услышат тревожный голос командира экипажа:

— Нас атакуют!

А еще через мгновение донесется:

— Нас расстреливают! Мы горим!

Больше Ил-14 не отзывался. Запросы с земли летели в пустоту. А сбитый американскими истребите-

ЗАПЛАНИРОВАННАЯ ТРАГЕДИЯ

АНАТОМИЯ ВТОРЖЕНИЯ

лями пассажирский самолет догорал в дальневосточной тайге.

**1954 год.
Кольский полуостров**

Заместитель командира эскадрильи истребительного полка ВВС Северного флота капитан М. Китайчик в праздничный майский день нес службу в составе дежурных средств.

9 мая 1954 года в воздушное пространство СССР вторгся самолет НАТО РБ-47 (разведывательный вариант реактивного бомбардировщика — носителя ядерного оружия). Пройдя над важнейшими оборонными объектами сухопутных и морских сил Кольского побережья, самолет-нарушитель взял курс в направлении Архангельск — Северодвинск. На его перехват и вылетел капитан Китайчик — летчик 1-го класса, лучший снайпер ВВС Северного флота.

Капитан понимал, какую сложную задачу ему предстояло решить. Он знал о превосходных летных качествах РБ-47. Знал и о пороховых ус-

корителях, недавно появившихся на этих самолетах. С их помощью они легко могли уходить от прицельного огня противника.

...Земля вывела МиГ-17 ПФ на цель, когда натовский «гость» уже углубился в воздушное пространство СССР более чем на 100 км. Первое, что должен был сделать капитан Китайчик, это с помощью установленных знаков и команд принудить нарушителя к посадке на наш аэродром. И лишь при отказе подчиниться — открыть огонь на поражение. Вот та формула перехвата, которой и сегодня пользуются военные летчики многих стран.

Первые команды капитана Китайчика были проигнорированы. А когда советский истребитель стал подходить к РБ-47 ближе, на самолете-нарушителе сработали пороховые ускорители и он, словно ракета, стремительно оторвался от перехватчика. Но капитана Китайчика ошеломило не это, а то, что одновременно с включением ускорителей

экипаж натовского самолета открыл огонь из кормовой установки. Можно представить себе состояние летчика, которого в упор расстреливают в родном небе, в мирное время, да еще в День Победы. Завязался воздушный бой. Подчеркнем, бой происходил над нашей территорией, на большом удалении от государственной границы. И все же РБ-47, сменив курс, сумел безнаказанно покинуть воздушное пространство СССР. Израсходовав весь боекомплект, капитан Китайчик уже ничего не смог сделать, чтобы воспрепятствовать этому.

Разбор инцидента с самолетом-нарушителем проводил лично маршал Н. А. Булганин, срочно прилетевший в Североморск. За безнаказанный уход РБ-47 досталось многим. А капитана Китайчика отстранили от летной работы.

Ошибка своего боевого товарища исправил капитан В. Поляков. Тоже летчик-истребитель, но только войск ПВО. В том же небе Заполярья он сбил самолет-нарушитель аналогичного РБ-47 типа. Кстати, двух оставшихся в живых членов экипажа не засадили в ГУЛАГ, а сразу после опроса вернули американским властям. Правда, все это произошло через несколько лет после неудачного перехвата капитана Китайчика. К этому времени обстановка в небе нашего приграничья обострилась настолько, что вторжение натовских самолетов в воздушное пространство Советского Союза стало чуть ли не повседневным явлением.

История воздушного пиратства и терроризма против СССР имеет свою летопись. Особое место в ней занимают действия фашистских летчиков в предвоенный период. Только с октября 1939 года по июнь 1941 года самолеты-шпионы люфтваффе вопреки международному праву свыше 500 раз нарушали воздушное пространство СССР. Причем нарушали нагло, безбоязненно, прекрасно зная, что советские летчики, скованные инструкциями центра, ничего им не смогут сделать. Пользуясь такой «доброжелательностью», питомцы Геринга и Канариса порой даже совершали «вынужденные» посадки на наши аэродромы, сетуя на то, что «сбились» с курса или «отказал» двигатель. Случались и обстре-

лы немецкой авиацией советской территории.

Последствия тех «случайных» залетов и нашего бездействия в отношении самолетов-нарушителей «дружественной» нам Германии дали о себе знать в первый же день Великой Отечественной войны. Тогда немцы точными и мощными бомбовыми ударами уничтожили практически все важнейшие объекты оборонного значения на западных рубежах Советского Союза. Это указывало на то, что налеты совершались по хорошо изученным целям.

Предвоенный опыт немецких летчиков взяли на вооружение вскоре после победных майских дней 1945 года, а точнее, после известной фultonской речи У. Черчилля пилоты военно-воздушных сил США, а затем и их союзники по «холодной войне». Проверки воздушных рубежей СССР на прочность стали проводиться практически по всему периметру государственной границы. Они осуществлялись как провокационными подлетами, так и прорывами на значительную глубину. Особенно напряженным в 50-е годы являлся балтийский сектор. Именно через этот район вторгались в наше воздушное пространство первые высотные самолеты-разведчики «Канберра» (английского производства). Пользуясь отсутствием у нас противодействующих им высотных средств ПВО, «Канберры» не раз пронизывали небо Прибалтики, Белоруссии, долетая даже до Подмошья.

Сегодня в нашей печати нередко можно встретить статьи, посвященные тем пиратским залетам. Удивляют тон этих саморазоблачительных публикаций, странная подача материалов. Советские летчики, выполнявшие свой долг, предстают в них эдакими роботизированными жестокими созданиями, варварски сбивающими безобидные иностранные самолеты. Характерна и такая деталь: охотники до сенсаций, а это, как правило, бесчестные журналисты, замалчивают факты появления самолетов тех же американских ВВС именно над территорией Советского Союза. Лишь иногда и вскользь все же упоминается о залетах. Но при этом не делаются попытки раскрыть их причины и замыслы

организаторов провокаций, не описывается, как они совершались и чем заканчивались. А между тем в небе Советского Союза вспыхивали самые настоящие воздушные бои. Подчеркнем, не у берегов Америки или Англии, а над территорией нашей страны. Странно, но об этом наша официальная пропаганда как в прошлом, так и сегодня упорно молчит. Зато наемные пропагандисты не жалеют красок, рассказывая о жестокости советских летчиков, плетя небывлицы о создании некой специальной сверхсекретной авиагруппы, призванной подстерегать и уничтожать иностранные самолеты, нарушившие госграницу в прибалтийском небе.

Вот лишь один пример. 8 апреля 1950 года американский Б-29 (самолет того же класса, что и сбросивший атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки) вклинился в наше воздушное пространство над Балтикой и продолжал движение над территорией Советского Союза. Когда дежурные истребители, приблизившись к нарушителю с обеих сторон, стали принуждать его к посадке, с американского самолета открыли огонь. Но об этом в тех же «Известиях» почему-то умалчивается. Что же касается вполне обоснованных действий наших летчиков, то они выдаются за варварские, за «пограничную паранойю» и т. д. Любопытно, как бы повели себя пилоты ВВС США, выйдя на перехват советских самолетов где-то над Калифорнией. Вряд ли они выстроились бы в почетный эскорт, приветствуя нарушителей покачиванием крыльев своих боевых машин. Впрочем, как они бы действовали, можно судить по опыту войны в Корее. Нередко проигрывая нашим летчикам воздушные бои, американские истребители все чаще вторгались в небо Советского Союза в поисках безопасных целей. Они подло подлавливали наши самолеты на взлете или при заходе на посадку, когда те не могли маневрировать, вступать в бой. Подобная «тактика» ведения боевых действий стала для американских «асов» привычным делом. Именно таким разбойничьим способом и был сбит беззащитный пассажирский самолет Ил-14 с военными летчиками и членами их семей. Но что-то не находится среди разработчиков американской авиатеми

желающих рассказать об этой трагедии на страницах отечественной прессы. Видимо, она не вписывается в их проамериканскую концепцию «случайных», «безобидных» залетов на нашу территорию.

Подобная «забывчивость» отнюдь не безобидна. Так исподволь внушается мысль о жестокости тех, кто, рискуя жизнью, охранял воздушные рубежи Родины. Так фальсифицируется история, грубо затушевывается истинная картина тех уже далеких драматических событий.

А в действительности происходило вот что: Соединенные Штаты Америки развязали против Советского Союза самую настоящую войну в воздухе. Пусть необъявленную, громкогласно отвергаемую за океаном, но войну. Не давать русским покоя, постоянно их провоцировать, продолжать активное изучение нашей территории на предельно возможную глубину — вот что входило в задачи этого заоблачного фронта. О том, насколько серьезно к нему относились за океаном, свидетельствуют следующие факты. С начала 50-х годов для специальных шпионских и разведывательных целей ЦРУ совместно с американскими ВВС на секретных предприятиях, принадлежащих калифорнийскому авиационному концерну «Локхид эйркрафт корпорейшн», были сконструированы самолеты-шпионы новейших типов, такие, как У-2 и его усовершенствованный вариант TP-1, а также разведчик стратегического назначения CP-71.

В 50-е годы горячие будни наступили и для команды разведслужбы военно-воздушных сил США, в адрес которой ежедневно, а когда требовалось, то и ежечасно, поступала информация со всех концов света, в том числе и из районов Советского Союза. Десятки воздушных разведчиков Соединенных Штатов и их союзников постоянно барражировали вдоль наших границ. Десятки других натовских самолетов активно отрабатывали «психические» атаки: то по-воровски подкрадывались к территории СССР и после подъема дежурных истребителей спешно поворачивали назад (излюбленный прием RC-135), то, наоборот, не скрываясь, демонстративно, на огромной скорости устремлялись в нашу сторону (CP-71) и разво-

рачивались у самого края государственности, когда нервы у боевых расчетов зенитно-ракетных комплексов уже были на пределе. Нетрудно понять, чего стоили эти «игры» нашим операторам РЛС, офицерам наведения и особенно летчикам.

Наивно думать, что все эти воздушные провокации совершались лишь по инициативе ЦРУ, действовавшего на свой страх и риск. О заоблачном фронте прекрасно знали в Вашингтоне. Больше того, Белый дом и являлся вдохновителем этих акций. Ведь не кто иной как президент США Эйзенхауэр в декабре 1954 года дал личное разрешение на строительство 30 самолетов-разведчиков. Именно он в июне 1956 года одобрил сверхсекретный план массированных разведывательных полетов новейшего по тем временам самолета-шпиона У-2 над территорией Советского Союза. Президента США не смущало то, что, принимая решение о проведении этой преступной акции, он тем самым нарушал нормы международного права, за строгое выполнение которых не раз выступал. Впрочем, о каком смущении можно говорить?! Глава вашингтонской администрации лично контролировал действия самолетов-шпионов. У-2 бороздили небо Советского Союза, летая даже над Москвой, чтобы поразить Эйзенхауэра уникальными снимками кремлевской брусчатки.

Не остановил американцев и резкий протест Советского правительства по поводу этих шпионских «рейсов». Примечательно, что Вашингтон рьяно доказывал свою непогрешимость. Так продолжалось до 1 мая 1960 года, когда прерванный советской ракетой полет Ф. Пауэрса показал, чего стоят заверения Белого дома.

Казалось бы, провал очередной шпионской акции в небе Урала должен был отрезвляюще подействовать на ее организаторов и вдохновителей. Действительно, какое-то время синдром Пауэрса давал о себе знать. Но потом воздушное пространство Советского Союза вновь стало местом активных провокаций.

Кстати, сегодня, на волнах эйфории по случаю официальных «похорон» «холодной войны», нередко адвокатские речи в защиту тех, кто

совершал залеты в воздушное пространство СССР: мол, летчики не виноваты, они выполняли приказ, были заложниками «конфронтации за облаками» и вообще являлись жертвами «холодной войны».

Вряд ли можно согласиться с обеляющей трактовкой пиратских действий тех, кто врывался в наше небо, огнем встречая дежурные истребители, вылетавшие на перехват самолетов-нарушителей. В том давнем поединке американские пилоты были не такими уж невинными «овечками», а тем более не жертвами «холодной войны». И не сила строгого приказа усаживала их в кабины воздушных разведчиков. Они прекрасно понимали, за какое дело берутся. Это признал на суде Ф. Пауэрс. Об этом говорил и Эйзенхауэр, подчеркивая, что «летчики знали, на что шли... движимые высоким патриотизмом, безрассудной бравадой и определенным материальным вознаграждением». Так что, повторим, на роль жертв «холодной войны» американские пилоты не подходят.

Но вернемся к этой необъявленной войне. А точнее, к одной странной истории, происшедшей в уже знакомом нам секторе, который давно притягивал к себе самолеты с той стороны...

1978 год. Кольский полуостров

«В ночь с 20 на 21 апреля с. г. самолет неизвестной принадлежности со стороны Баренцева моря нарушил воздушное пространство СССР в районе северо-восточнее Мурманска и, продолжая полет в южном направлении, глубоко вошел на территорию СССР».

Из сообщения ТАСС

Итак, апрель 1978 года. В небе Советского Союза самолет-нарушитель. Разумеется, его появление в нашем воздушном пространстве — на совести ПВО. Более того, как выяснилось, радиолокационные посты не только пропустили самолет в свою зону, но даже какое-то время обеспечивали его проводку в глубь страны. Но не будем спешить с уничтожающей критикой ПВО. В этой истории есть неясности. К примеру, нарушитель вошел в наше воздушное пространство, следуя точно маршрутом, которым обычно возвра-

щались из учебных полетов с моря советскими боевые самолеты. И как раз именно в тот вечерний час по знакомой операторам трассе шли на аэродром два стратегических бомбардировщика Ту-95. Отметка на РЛС от чужого «борта» была принята ими за свой самолет. Что удивительно, наши бомбардировщики находились позади самолета-нарушителя, примерно на расстоянии 30 мин полета. Как тот сумел «вписаться» в их маршрут да еще оказаться впереди, остается загадкой. Впрочем, есть и другие. Приведем еще одну.

Дежурный истребитель ПВО был выведен на цель еще в условиях нормальной дневной видимости. Самолетом Су-15 управлял капитан А. Босов. Он неоднократно на расстоянии 30-50 м облетал самолет-нарушитель, подавая установленные сигналы эволюциями, выпуском шасси, знаками показывая пилотам снижаться и следовать за ним на посадку. Но экипаж нарушителя делал вид, что не замечает советского истребителя.

Капитан Босов хорошо видел иллюминаторы «Боинга-707», отчетливо читалось и название авиакомпании, которой принадлежал нарушитель. Но летчика удивляло поведение «Боинга». Все адресованные ему команды и сигналы тот игнорировал. И только после очередного облета советского истребителя нарушитель вдруг увеличил скорость и начал доворачивать в сторону Финляндии. Понимая, что он спешно покидает воздушное пространство СССР, на земле было принято решение применить оружие по нарушителю. Но перед этим, конечно, был сделан серьезный анализ ситуации. Принятие такого трудного решения обуславливалось рядом обстоятельств. Во-первых, в нашем воздушном пространстве находился нарушитель. Во-вторых, «Боинг-707» вел себя далеко не как пассажирский самолет, сбившийся с маршрута. И в третьих, на Су-15 кончилось топливо. Капитану Босову пришлось открывать огонь. Подбитый им самолет произвел вынужденную посадку на лед озера вблизи города Кемь Карельской АССР.

Один из авторов данной публикации в числе других специалистов принимал участие в расследовании происшествия, осматривал самолет,

изучал полетную документацию, присутствовал при опросе членов экипажа. Что же выяснилось на земле? Оказывается, «Боинг-707» совершал рейс по маршруту Париж - Анкоридж. Но вместо того, чтобы лететь на Аляску, он совершил разворот и по гигантской дуге, через Англию, Исландию, Гренландию и Шпицберген, вернулся в Европу, оказавшись на Кольском полуострове, в северо-западной части СССР. Случай в практике международных пассажирских рейсов невероятный.

При беседах с членами экипажа «Боинга» наших специалистов удивило совершенно непрофессиональное отношение пилотов к случившемуся. Характерен такой штрих. Командиру экипажа задать вопрос, как он может объяснить уход пассажирского авиалайнера с маршрута и залет на Кольский полуостров вместо Аляски. Тот отвечает: обратились не по адресу, его дело — «взлет-посадка», все остальное входит в компетенцию штурмана. Не правда ли, странная логика разделения функциональных обязанностей? Как будто командир не отвечает за рейс, за безопасность более 100 пассажиров.

Штурман, в свою очередь, уход самолета с маршрута объяснил тем, что он не имел достаточного опыта перелетов через Арктику (чему не очень-то можно верить, ведь на столь ответственные трассы новичков не допускают). А далее признал, что в пути якобы стал делать поправки по солнцу в показания гироскопического курсового прибора (что тоже весьма странно, учитывая наличие на «Боинге» современных электронных навигационных приборов).

Подозрительным кажется и другое. Многие пассажиры самолета-нарушителя видели советский истребитель, наблюдали за его действиями, и только экипаж почему-то упорно не желал его замечать.

В ходе опроса членов экипажа самолета-нарушителя не осталась без внимания и такая деталь: все они пытались как бы принизить свои профессиональные качества, стремились изобразить себя жертвами случайностей. Но факты свидетельствовали о другом. Пилоты прекрасно знали трассу, ибо летали по ней не один год. Почти все они в прошлом являлись военными летчиками.

ми, а это уже говорит о многом. То, что «Боингом» управляли мастера высокого класса, подтверждала и выполненная в экстремальной ситуации аварийная посадка пассажирского авиалайнера. В сжатый отрезок времени летчики смогли отыскать среди карельской тайги подходящую «бетонку» в виде замерзшего озера и посадить на его лед подбитый самолет. Еще раз подчеркнем, что такая рискованная операция, произведенная с ювелирной точностью, под силу лишь настоящим профессионалам. И вот эти самые профессионалы в спокойной обстановке якобы сбиваются с так хорошо знакомого им маршрута. Какое затмение на них могло найти?

Что же тогда заставило «Боинг-707» изменить курс? Какая сила смогла его забросить вместо Аляски на другой континент? Почему экипаж демонстративно не замечал советского истребителя, который буквально висел над его кабиной?

Тогда, в апреле 1978 года, эти и многие другие вопросы не удалось выяснить. Через два дня после вынужденной посадки пассажиры, а затем и экипаж самолета-нарушителя покинули Советский Союз. Кстати, никаких претензий к нам по поводу случившегося со стороны ИКАО¹ и страны, которой принадлежал самолет, не было. До сих пор неизвестны и их санкции к членам экипажа за столь «уникальный» полет. Зато известно другое. За пилотами «Боинга», которые были переправлены в Хельсинки, прилетали американцы. И это весьма странно. Ведь самолет-нарушитель не принадлежал США.

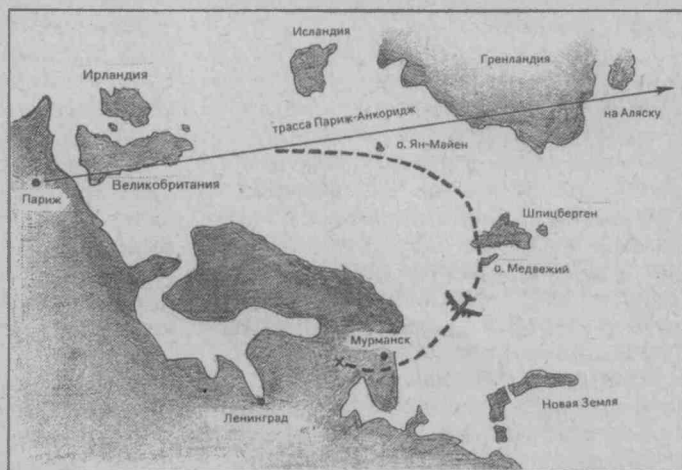
Попробуем высказать свою версию странного ухода с маршрута «Боинга-707», выполнявшего рейс Париж — Анкоридж, который мог стать последним в жизни всех

его пассажиров. Суть ее в том, что в тот апрельский день «Боинг-707» не случайно оказался в воздушном пространстве Советского Союза. Его уход с маршрута произошел не по вине штурмана, сверявшего полет «по солнцу»: он был запланирован. Как, впрочем, были четко заранее определены место и время нарушения воздушной границы СССР. «Боинг» выполнял разведывательный полет. А точнее, полет-эксперимент, на основе которого западные спецслужбы пытались выяснить возможность и эффективность использования пассажирских самолетов межконтинентальных рейсов в своих целях. Да, тщательный осмотр самолета-нарушителя не выявил на нем разведывательной аппаратуры. Но в принципе она и не требовалась. Появление «Боинга» над нашей территорией привело в действие средства ПВО практически на всем побережье Кольского полуострова, работу которых было кому фиксировать. Не случаен и маршрут «Боинга». Он пролегал над основными базами Северного флота и объектами ПВО.

О преднамеренном залете «Боинга» в наше воздушное пространство свидетельствует и такое обстоятельство. Сразу после посадки самолета-нарушителя в его пилотской кабине был найден небольшой листок, типа визитки, с гонконговским адресом. На нем шариковой ручкой был небрежно набросан контур Кольского полуострова. Четко просматривались слова «СССР», «Мурманск». Вряд ли этот чертеж выполнялся после совершения аварийной посадки.

¹ Международная организация гражданской авиации.

Схема заданного и фактического маршрутов полета южнокорейского самолета.

Апрель 1978 года.
Карелия.
Самолет-нарушитель
«Боинг-707» после
вынужденной посадки.

штрих в этой истории с залетом над Кольским полуостровом. Пассажирский авиалайнер «Боинг-707», летевший из Парижа в Анкоридж, принадлежал южно-

К тому же в той ситуации было не до рисунков. Выходит, набросок появился в спокойной обстановке, например сразу после взлета или где-то над Атлантикой. И сделать его мог кто-то из членов экипажа, который хорошо знал, что самолет скоро изменит маршрут...

Кроме того, бортовой магнитофон «Боинга» находился в исправном состоянии. Но прослушать запись переговоров членов экипажа не удалось. Магнитная лента оказалась пустой. Не думаем, что пилоты самолета-нарушителя молчали весь полет. Тем более, действуя в экстремальной ситуации. А значит, за этим молчанием магнитной ленты действительно что-то скрывается. Вот вам и знаменитый «черный ящик»...

И последний, не менее важный

корейской авиакомпании КАЛ. Той самой, чей самолет «Боинг-747», выполнявший рейс 007, в ночь на 1 сентября 1983 года также нарушил воздушное пространство СССР. Действия его экипажа в дальневосточном небе будут поразительно схожи с действиями пилотов «Боинга-707», упорно не реагировавших на команды советского истребителя. Но все это выяснится гораздо позже. Шел лишь апрель 1978 года. До трагедии «Боинга-747» оставалось еще пять лет...

Полковник В. И. ДУДИН,
заслуженный военный штурман,
кандидат военных наук;
полковник И. Н. КОСЕНКО,
редактор журнала

(Окончание следует)

Отдали жизнь за Родину

СПИСОК

генералов, адмиралов, корпусных и дивизионных комиссаров
Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших,
умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны
(22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.)

И.Г. Захаркин

А.И. Зеленцов

К.Н. Зимин

М.И. Зинькович

112. Генерал-полковник Захаркин Иван Григорьевич, 1899 года рождения. Командующий войсками Одесского военного округа. Погиб 15 октября 1944 года в результате автомобильной катастрофы. Похоронен в Одессе.

113. Генерал-майор Зеленцов Андрей Иванович, 1896 года рождения. Командир 88-й стрелковой дивизии Карельского фронта. Погиб в бою 15 августа 1941 года. Похоронен в Мурманске.

114. Генерал-лейтенант Зимин Константин Николаевич, 1901 года рождения. Член военного совета Забайкальского фронта. Умер 13 июля 1944 года. По-

хоронен в Нижнем Новгороде.

115. Генерал-майор танковых войск Зинькович Митрофан Иванович, 1900 года рождения. Герой Советского Союза. Командир 6-го гвардейского танкового корпуса Брянского фронта. Умер от ран в сентябре 1943 года. Похоронен в г. Прилуки Черниговской области.

116. Генерал-майор артиллерии Зубанов Александр Дмитриевич, 1902 года рождения. Командующий оперативной группой гвардейских минометных частей Юго-Западного фронта. Погиб 6 июля 1943 года в автомобильной катастрофе. Похоронен в Ростове-на-Дону.

117. Контр-адмирал Зуйков Николай Иванович, 1900 года рождения. Заместитель начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота. Погиб в сентябре 1942 года. Похоронен в Санкт-Петербурге.

118. Генерал-майор интендантской службы Зусманович Григорий Моисеевич, 1889 года рождения. Начальник тыла 6-й армии Юго-Западного фронта. Пленен противником в мае 1942 года под Харьковом, умер в плену в 1944 году.

119. Генерал-лейтенант Зыгин Алексей Иванович, 1896 года рождения. Командующий 4-й гвардейской армией. Погиб в бою 27 сентября 1943 года. Похоронен в Полтаве.

120. Генерал-майор Иванов Александр Константи-

А.Д. Зубанов

Н.И. Зуйков

Г.М. Зусманович

А.И. Зыгин

А.К. Иванов

А.А. Иванов

В.И. Иванов

М.М. Иванов

нович, 1896 года рождения. Командир 81-го стрелкового корпуса Западного фронта. Умер от ран 10 января 1944 года. Похоронен в Смоленске.

121. Генерал-майор авиации Иванов Андрей Андреевич, 1904 года рождения. Заместитель по политической части командующего 13-й воздушной армией Ленинградского фронта. Умер 22 октября 1944 года после

продолжительной болезни. Похоронен в Санкт-Петербурге.

122. Генерал-майор танковых войск Иванов Василий Иванович, 1896 года рождения. Заместитель командира 13-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта. Погиб в августе 1942 года.

123. Генерал-майор Иванов Михаил Михайлович, 1894 года рождения. Заме-

ститель командующего 60-й армией по тылу Воронежского фронта. Погиб 15 сентября 1942 года во время артиллерийского обстрела. Похоронен в поселке Бор Рамонского района Воронежской области.

*Публикацию подготовил
генерал-лейтенант
А. Д. СИДОРОВ
Фото предоставлены
А. А. СТЕПАНОВЫМ*

В проверке и уточнении указанных сведений принимали участие полковник В. И. Иванов, полковник А. К. Дергачев, генерал-майор запаса В. А. Булгаков, полковник запаса Э. С. Иванов, полковник запаса А. В. Гуленков, О. В. Перетьяко.

(Продолжение следует)

ПОБРАТИМЫ А. МАТРОСОВА

У.М. Аветисян

К.К. Краснояров

В.Т. Пивоваров

Туйчи Эрджигитов

Валиуллов Салахутдин Халиуллович — старший сержант, парторг роты 142-го отдельного батальона 255-й бригады морской пехоты 18-й армии Северо-Кавказского фронта. 15 сентября 1943 года в бою за мост у элеватора в г. Новороссийске грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. Родился в 1915 году в селе Кляшево Тетюшского района Татарской АССР в семье рабочего. Татарин. Член ВКП(б). Работал на нефтепромыслах. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен на месте боя. (Фото не обнаружено.)¹

Аветисян Унан Мкртичович — старший сержант, помощник командира взвода 390 сп 89 сд 18-й армии Северо-Кавказского фронта. 16 сентября 1943 года в бою на склоне горы Долгая близ Новороссийска своим телом закрыл амбразуру дзота. 16 мая 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 2 мая 1914 года в селе Цав Зангезурского (ныне Кафанского) района Армянской ССР в семье крестьянина. Армянин. Член ЛКСМ Армении. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в поселке Верхнебаканский, где его имя носит улица. Памятники герою установлены в Ереване и Кафане².

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 6-7, 8, 9, 10, 11, 12.

П.С. Кузуб

Д.Н. Стефанов

А.А. Куликов

В.Е. Смирнов

Краснояров Клавдий Карпович — рядовой, стрелок 1181 сп 356 сд 61-й армии Центрального фронта. 23 сентября 1943 года в бою за деревню Большая Листвень Городнянского района Черниговской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 15 января 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 12 июня 1907 года в деревне Исаковка ныне Горьковского района Омской области. Русский. Рабочий совхоза, кладовщик Якутторга, заведующий складом ОРСа в поселке Батамай Якутской АССР, заведующий складом Ленского объединенного речного пароходства. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в селе Тупичев Черниговской области. Теплоход Ленского речного пароходства, улица в Якутске носят имя героя³.

Пивоваров Владимир Тихонович — сержант, помощник командира взвода 1087 сп 322 сд Воронежского фронта. 1 октября 1943 года в бою за село Малые Черевачи Чернобыльского района Киевской области закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 24 октября 1943 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1923 году в г. Курске. Русский. Член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1943 г.⁴.

Эрджигов Туйчи — рядовой, автоматчик 1064 сп 281 сд 54-й армии Волховского фронта. 5 октября 1943 года в бою в районе деревни Смердыня Тосненского района Ленинградской области закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 21 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 10 ноября 1921 года в кишлаке Булок Аштского района Ленинабадской области Таджикской ССР. Узбек. Член ВЛКСМ. Чабан, строитель Большого Ферганского канала. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в братской могиле в г. Любань Ленинградской области. Именем героя названы совхоз, улица в Шайдане, школа в кишлаке Булок. Установлен также памятник у дома, где он родился и жил⁵.

Кузуб Павел Степанович — гвардии сержант, разведчик 106-й отдельной гвардейской разведроты 110 гв. сд 37-й армии Степного фронта. 9 октября 1943 года, находясь в разведке, при форсировании р. Днепр у села Куцеволовка Онуфриевского района Кировоградской области своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. 22 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1924 году в станице Петровская Славянского района Краснодарского края в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал в колхозе. В Красной

С.И. Акифьев

М.Г. Калинин

Армии с 1942 года. Похоронен в селе Куцеволовка. Школа № 1 и улица в станице Петровская носят его имя⁶.

Стефанов Дмитрий Никитович — гвардии младший лейтенант, командир взвода 83 гв. сп 27 гв. сд 8-й гвардейской армии Юго-Западного фронта. 14 октября 1943 года в наступательном бою за поселок Зеленый Яр на подступах к г. Запорожье закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 22 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1911 году в деревне Толкачево ныне Дзержинского района Калужской области в семье крестьянина. Русский. Кандидат в члены ВКП (б). Работал грузчиком, столяром. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в братской могиле в г. Запорожье. Одной из улиц этого города присвоено имя героя⁷.

Киров Александр Данилович — младший сержант, командир отделения 523 сп 188 сд 37-й армии 3-го Украинского фронта. 22 октября 1943 года в бою у деревни Веселые Терны Криворожского района Днепропетровской области бросился на амбразуру вражеского дзота. Награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился 28 августа 1925 года в деревне Малое Гридино Егорьевского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал пожарником на Денисининской текстильной фабрике Егорьевского района. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в г. Кривой Рог. На могиле установлен памятник. (Фото не обнаружено.)⁸

Куликов Алексей Александрович — ефрейтор, заместитель командира отделения роты ПТР 69 сп 97 сд 39-й армии Калининского фронта. 22 октября 1943 года в бою у села Сыр-Липки Смоленского района Смоленской области, спасая жизнь товарищей, закрыл собой пулемет противника. 4

июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1917 году в селе Выездное Арзамасского района Горьковской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Был рабочим в г. Арзамасе. В Красной Армии с 1939 года. Похоронен в братской могиле в селе Каспля Смоленской области. Улица в г. Арзамасе носит имя героя⁹.

Смирнов Владимир Ефимович — гвардии старший сержант, командир отделения автоматчиков отдельного лыжного батальона 9 гв. сд 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. 14 ноября 1943 года в бою за деревню Шумщино Лиюзенского района Витебской области закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. 14 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 18 декабря 1924 года в г. Барнауле Алтайского края в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б). Работал токарем на станкостроительном заводе в Барнауле. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в деревне Великое село Лиюзенского района. Одна из улиц и школы № 27 в родном городе носят его имя¹⁰.

Акифьев Сергей Иванович — рядовой, командир отделения 1181 сп 356 сд 61-й армии Центрального фронта. 22 ноября 1943 года в бою у села Тупичев ныне Городнянского района Черниговской области закрыл амбразуру дзота. 15 января 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 15 мая 1925 года в деревне Новопетровки ныне Истринского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал трактористом в колхозе. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в селе Великий Листвень, где ему установлен памятник. На здании Новопетровской школы № 1, в которой он учился, установлена мемориальная доска¹¹.

Калинкин Михаил Герасимович — капитан, командир 175-й отдельной стрелковой роты 3-й армии Белорусского фронта. 22 ноября 1943 года в наступательном бою за деревню Студенец Кормянского района Гомельской области бросился на амбразуру вражеского дзота. 15 января 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в апреле 1916 года в деревне Подольное Наро-Фоминского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). Работал трактористом на Вереysкой МТС, шофером райздравотдела в г. Верея. В Красной Армии с 1938 года. Окончил курсы младших

лейтенантов. Похоронен в деревне Костюковка Кормянского района. Памятник герою и мемориальная доска в его честь установлены в деревне Студенец¹².

ИСТОЧНИКИ

¹ ЦАМО РФ, ф. 371, оп. 6381, д. 2, л. 327; На левом фланге. — М.: Советская Россия, 1976. — С. 43-44; Новороссийский рабочий. — 1968. — 12 декабря.

² ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 1, л. 147; Комсомолец (Ереван). — 1968. — 25 октября; Там же. — 1961. — 23 июня.

³ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 22, лл. 320-321; Картотека личного состава, карта № Р-9; Социалистическая Якутия. — 1962. — 6 июня.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 690155, д. 6033, л. 49; Там же, оп. 680044, д. 2471, л. 8; Курская правда. — 1965. — 16 января; Там же. — 1966. — 21 июня.

⁵ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 50, лл. 123-124; Сечкина Л. П. Твои герои — Таджикистан. — Душанбе: Маориф, 1985. — С. 203-206; Комсомолец Таджикистана. — 1960. — 13 мая.

⁶ ЦМВС РФ, документальный фонд, № 4/29671; Советская Кубань. — 1963. — 10 ноября; Смена. — 1970. — № 9. — С. 19.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 41, лл. 334-335; Поленков К. Д., Хроменков Н. А. Калужане — Герои Советского Союза. — Калуга: Калужское книжное издательство, 1963. — С. 324-356.

⁸ ЦАМО РФ, оп. 8900, д. 109, лл. 117-119; Комсомольская правда. — 1970. — 24 августа; Там же. — 1971. — 24 августа; Там же. — 1972. — 6 мая; Литературная газета. — 1983. — 22 июня.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 24, лл. 81-82; Арзамасская правда. — 1958. — 12 сентября; Горьковская правда. — 1966. — 19 августа.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 40, лл. 314-315; Побратимы Матросова. — Минск: Беларусь, 1984. — С. 80-89; За Родину. — 1944. — 7 июня; Алтайская правда. — 1958. — 18 ноября.

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 1, л. 292; Шаги в бессмертие. — М.: Московский рабочий, 1965. — С. 113; Ленинский путь (Истра, Московской области). — 1966. — 21 июня; Там же. — 1968. — 20 февраля; Там же. — 1969. — 14 января.

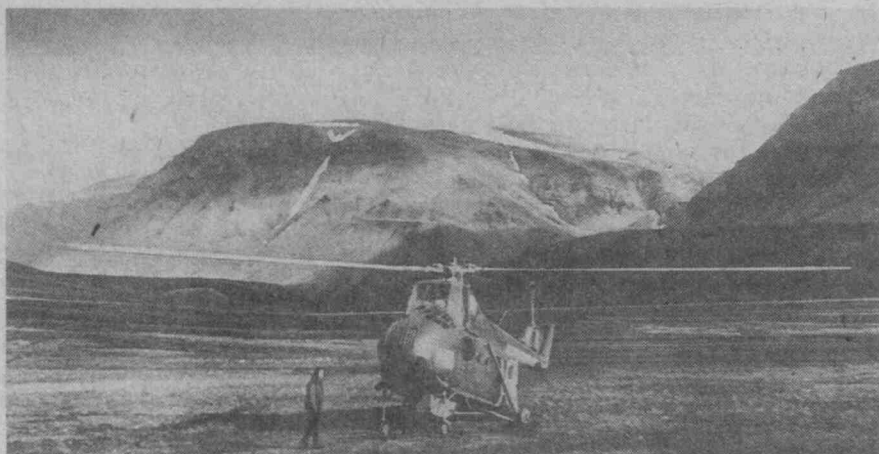
¹² ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 21, л. 161; Ленинское знамя. — 1968. — 7 апреля; Новая жизнь (Можайск). — 1969. — 19 декабря.

*Публикацию подготовил
Н. В. БОРИСОВ,
старший научный сотрудник
Института военной истории*

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

"АРХИПЕЛАГ ВОЗМЕЗДИЯ"

«6 сентября 1955 года «Объект-700» начал действовать. В этот день на Новоземельском полигоне впервые в Советском Союзе был произведен подводный ядерный взрыв. Сентябрьское испытание показало, что новый полигон вполне пригоден и для взрывов в атмосфере, под землей».

«Архипелаг возмездия» — так называется материал, который будет опубликован в ближайших номерах нашего журнала. В нем своими воспоминаниями делится один из первых начальников ядерного полигона на Новой Земле генерал-лейтенант в отставке Г. Г. Кудрявцев.

«В 1958 году Новоземельский полигон работал уже на полную мощность. За двенадцать месяцев было произведено более двадцати взрывов. Все воздушные. Но с еще большей интенсивностью проводили испытания Соединенные Штаты Америки».

Почему возникла необходимость создания ядерного центра в Заполярье? Какую роль он сыграл в атомном противостоянии двух мировых сверхдержав? На эти вопросы отвечает человек, под чьим руководством проходили

испытания десятков ядерных зарядов.

«Мы отставали не только по количеству ядерных взрывов, но и по их суммарной мощности: не имели возможности перекрыть и заряд в 15 мегатонн, подорванный США четыре года назад на атолле Бикини».

«...И еще одну новость узнал, покидая столицу. Опытный образец «супербомбы» должен быть взорван к началу или в дни работы XXII съезда КПСС, открытие которого ожидалось во второй половине октября. От тружеников Новоземельского полигона зависела весомость «ядерного подарка» партийному форуму...»

«Клокочущий огненный шар быстро поднимался вверх. Он рос на глазах. Внутри его еще несколько секунд продолжались вспышки. Небольшой туман, стоявший в то утро в Белужье и Рогачево, мгновенно испарился. Так же мгновенно прервалась связь с кораблями, зонами, материком, самолетом-носителем и даже с Ил-14, с борта которого министр Славский и маршал Москаленко наблюдали взрыв «супербомбы».

СУДЬБЫ

Война испытывает на прочность всех — от рядового до маршала. Стихия войны безжалостна к тем, кто попал в ее круговорот. Безжалостна не только потому, что вооруженная борьба невозможна без жертв, но и потому, что требует высочайшей ответственности за нравственность поведения. Не каждый воин способен на подвиг самопожертвования. Но разве честное и посильное исполнение воинского долга не есть подвиг? Великая Отечественная война убедительно показала, что простой советский человек, которого внезапно разбогатевшие нувориши именуют теперь «совком», заплатил высокую цену за то, чтобы его подвиг был признан всемирно-историческим. И в основе этого подвига лежит до конца исполненный долг перед Родиной. Тем горестнее сознавать, что и в этой войне не на жизнь, а на смерть не обошлось без измены и предательства. И продавали свою честь и совесть не только рядовые, но и командиры, политработники, военачальники. Последних было не очень много. Но они были. И наши современники и наши потомки должны о них знать.

В военных сводках о достигнутых успехах количество генералов, захваченных в плен, всегда выделялось отдельной строкой. Это понятно — войска противника теряли командные кадры, нарушалась связь в оперативных и тактических звеньях руководства, боеспособность в той или иной степени падала.

В арсенале противоборствующих сторон особое место занимало оружие психологической войны — разложение войск и тыла противника с помощью листовок и выступлений по радио, путем организации повстанческой деятельности в тылу, дискредитации военного руководства и правительства в целом или отдельных их представителей. Последнее осуществлялось тем успешнее, чем больше дискредитировало себя руководство в глазах своего народа, но и здесь нужно было немало поработать.

Для достижения максимального эффек-

та необходимо было создать из военнопленных агентурно-политическую организацию во главе с каким-нибудь известным лицом. Лучше, если бы это был генерал; еще лучше — если бы он был известен, имел заслуги в данной или предшествующих кампаниях и войнах...

По обе стороны фронта вербовкой занимались сотрудники спецслужб, имевшие высокую квалификацию и большой опыт. В сферу действий немецких спецслужб были вовлечены и некоторые пленные советские генералы, в том числе и те, кто не имел вначале намерения перейти на сторону противника.

Богданов Павел Васильевич, генерал-майор, командир 48 сд, 1900 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1931 года, в Красной Армии с 1918 года, награжден медалью «XX лет РККА». Богданов вступил добровольцем в военно-революционный отряд при ст. Орел. В 1920 году два месяца воевал в составе 8 сд Западного фронта, был контужен. Вся последующая служба прошла во внутренних военных округах. В 1931-1935 гг. служил в Карельском укрепленном районе. В марте 1935 года назначается командиром полка (59 и 114 сп) 20 сд ЛВО.

В январе 1938 года в ходе репрессий Богданов был исключен из рядов ВКП(б). В его партийной характеристике, подписанной ответственным секретарем партбюро 114 сп политруком Власовым и утвержденной партбюро, отмечалось: «...за время пребывания в полку с 1935 года показал себя:

а) разложившимся в морально-бытовом отношении;

б) на протяжении двух лет был связан с врагом народа Ивановым (бывшим пред[седателем] Токеевского райисполкома);

в) половая связь с бывшей машинисткой штаба части Зазулиной, которая имела непосредственную связь с врагами народа Врублевским, Соколовым и Ткачевым (бывшие секретари Токеевского райкома);

г) проявил полное отсутствие руковод-

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 10, 11, 12.

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ...

ства со своей стороны пищевым блоком части и социалистическим соревнованием;

д) допускал полную подмену штаба полка своим единоначалием, отстраняя этим самым штаб от руководства боевой и политической подготовкой;

е) партийные задания выполнял крайне неаккуратно;

ж) все вышеизложенное показывает, что Богданов П. В. не может заслуживать политического доверия;

з) обладает свойством подхалимства.

Парторганизацией исключен из членов ВКП (б).

Мы полностью привели текст партийной характеристики Богданова для того, чтобы читатель мог представить атмосферу того времени, оценить уровень политической культуры в армейских партийных организациях. Вместе с тем демагогический стиль партхарактеристики не исключает того, что в жизни и служебной деятельности Богданова могли быть случаи, наложившие отпечаток на его будущее поведение.

Через некоторое время Богданов был восстановлен в партии. Все последующие служебные и партийные характеристики были прямо противоположного содержания. В одной из них отмечалось, что у Богданова «колебаний от генеральной линии не было. Безусловно предан делу ВКП (б) и Советской власти». В конце 1938 года он был назначен начальником штаба 67 сд, а в августе 1939 года — командиром 48 сд. В 1940 году ему было присвоено звание генерал-майора. Что же касается практических дел, то в аттестации, подписанной в декабре 1940 года командующим войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковником Локтионовым, отмечалось: «По боевой и политической подготовке, дисциплине дивизия еще не вышла в разряд хороших и имеет общую оценку только посредственно».

Начало войны для 48 сд, входившей в состав 11 ск 8 А Северо-Западного фронта, было неудачным. Уже в первые три дня боев дивизия понесла тяжелые потери. Она лишилась штаба, и ее остатки 25 июня 1941 года были рассеяны в районе города Расей-

най (Литва). Богданов с группой бойцов и командиров уже 17 июля сдался немецкому разведку в районе Новосвенцяны. 22 июля он был помещен в лагерь военнопленных в городе Сувалки и назначен старшим по лагерю. 26 июля на построении Богданов выдал немцам комиссара 48 сд полкового комиссара Фоминова и старшего политрука Колобанова, которые были затем этапированы из лагеря в неизвестном направлении. Вернувшиеся из плена утверждали, что Фоминов и Колобанов были расстреляны. Их участь была решена задолго до войны — в соответствии с национал-социалистической теорией истребления большевизма. В особенности «беспопашной и энергичной» должна была быть борьба против большевистского мировоззрения и его носителей — комиссаров¹.

18 сентября 1941 года Богданов был переведен в одну из берлинских тюрем, где подал следователю заявление с просьбой дать ему возможность сформировать из военнопленных отряд для борьбы с Красной Армией. После этого он был переведен в Вульгайде, в лагерь министерства пропаганды, а в июне 1942 года завербован в агентурно-политическую организацию «Босвой союз русских националистов», находившуюся под опекой разведоргана «Цепелин», действовавшего на правах отдела VI управления РСХА — имперского управления безопасности. В начале августа Богданов написал два воззвания, переданных по радио: «К русскому народу» и «К генералам Красной Армии» (в последнем отказался от звания генерала и от советского гражданства). В декабре 1942 года он вступил рядовым во «2-ю русскую дружину СС» (в ней насчитывалось до 200 человек). В январе 1943 года бывший советский генерал был произведен в поручики, назначен заместителем начальника штаба дружины. В марте 1943-го после формирования «1-го русского национального полка СС» (в результате слияния «1-й и 2-й русских дружин СС») Богданов произведен в майоры и назначен начальником контрразведки полка. В апреле того же года он становится генерал-майором (все приказы о его производстве

подписаны командиром «1-го русского национального полка СС» подполковником Гиллем — Родионовым).

Стремясь доказать свою лояльность немецкому командованию, Богданов принимал активное участие в карательных операциях против партизан и местного населения. В мае 1943 года он расстрелял майора Точилова и лейтенанта Меха якобы за просоветские настроения и попытку перейти к партизанам.

В июне 1943 года Богданов назначается начальником контрразведки «1-й русской национальной бригады СС», сформированной за счет «вливания» в «1-й полк» мобилизованных окруженцев и военнопленных. Численность бригады — до 3000 человек.

14 августа (по другим сведениям — 16-го) 1943 года накануне перехода бригады на сторону партизанского отряда им. Железняк (командир капитан Титков) Богданов был арестован Гиллем — Родионовым и передан партизанам. Ордер на арест Богданова «Смершем» оформлен 20 августа 1943 года. 24 апреля 1950 года П. В. Богданов приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Бессонов Иван Георгиевич, комбриг, командир 102 сд, 1905 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1932 года, в Красной Армии с 1920 года, награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». С 1930-го по апрель 1941 года проходил службу в войсках НКВД, в 1939-1940 гг. — начальник отдела боевой подготовки Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

Когда началась война, Бессонов был начальником штаба 102 сд, которой командовал полковник П. М. Гудзь. 5 июля 1941 года дивизия была включена в состав 21 А Центрального фронта. Она получила участок обороны по Днепру протяженностью 40 км по фронту от Рогачева до Быхова. Здесь 102 сд оборонялась целый месяц. В середине июля 1941 года 21-я армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова получила задачу овладеть Бобруйском и одновременно нанести удар по группировке противника в районе Быхова. По замыслу советского командования, это наступление должно было оттянуть на 21 А часть сил моголевской группировки противника и ослабить его удар на смоленском направлении. Несмотря на недостаток танков и слабое авиационное прикрытие, войска 21 А форсировали Днепр, освободили города Жлобин и Рогачев и продолжили наступление на бобруйском направлении.

102 сд начала наступление с рубежа Селец, Тошица на город Быхов. Она

форсировала Днепр у с.Гадиловичи и продвинулась вдоль западного берега на 10-12 км. Приблизившись на 5-6 км к Быхову, дивизия завязала бои на фронте Нераж, Вьон. Однако вскоре командир 102 сд П. М. Гудзь был отозван в штаб 21 А. Приехав 12 августа в Гомель, штаба он там не обнаружил и был тут же арестован. В командование 102 сд вступил ее начальник штаба комбриг И. Г. Бессонов.

В последующем выяснилось, что комдив П. М. Гудзь был арестован по недоразумению. Он был затем освобожден и воевал до конца войны. Остается невыясненным, кто приложил руку к доносу на полковника П. М. Гудзя и его аресту. Не исключено, что в этом был заинтересован начальник штаба И. Г. Бессонов. Зная нравы тех лет, мы такое предположение отрицать не берем. Более того, дальнейшее поведение и судьба Бессонова дают нам повод думать именно так.

После прорыва немцами фронта советских войск в районе Могилев, Рогачев 102 сд оказалась в тактическом окружении. При выходе из окружения группа бойцов и командиров (до 200 человек), в которой находился Бессонов, была рассеяна, и 26 августа Бессонов сдался в немецкий плен охране медсанбата в селе Раги Старосельского района Гомельской области.

После беглого опроса в штабе этой санитарной части Бессонов был направлен в Гомельский лагерь для военнопленных. После кратковременного пребывания в Гомельском, Бобруйском, Минском и Белостокском лагерях в середине ноября 1941 года Бессонов был доставлен в Хаммельсбургский офицерский лагерь (Офлаг XIII-Д).

В январе 1942 года Бессонов принял активное участие в работе «кабинета военной истории», организованного в Офлаге XIII-Д военно-историческим отделом генштаба сухопутных войск Германии для централизованного сбора разведданных.

В апреле того же года Бессонов вступил в переговоры с представителем разведоргана «Цеппелин» Шмидтом, предложив свои услуги по формированию из военнопленных карательного корпуса для подавления партизанского движения на оккупированной советской территории. В начале сентября Бессонов был освобожден из лагеря военнопленных и направлен в распоряжение «Цеппелина».

В связи с изменением планов немецкого командования относительно формирования корпуса Бессонов принял активное участие в создании под руководством VI управления РСХА «Политического центра борьбы с большевизмом» (ПЦБ), созданного для организации «повстанческого» движения в

глубоком советском тылу путем десантирования вооруженных групп, сформированных из советских военнопленных. При этом VI управление РСХА брало в расчет личный опыт и связи Бессонова, хорошо знавшего дислокацию и систему охраны лагерей ГУЛАГа.

«Повстанческую» деятельность планировалось развернуть в районе от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали. Диверсионным отрядам ставилась задача овладеть промышленными центрами Урала, вывести из строя Транссибирскую магистраль и лишить фронт стратегической базы на Урале. Район этот был разбит на три оперативные зоны: правобережный район среднего течения Северной Двины, район реки Печора и район Енисея.

Численность десанта предполагалось довести до 50 тыс. человек. Они должны были захватывать лагеря, освобождать и вооружать заключенных и ссыльных и двигаться в южном направлении, расширяя район действий. Фактически удалось собрать до 300 человек.

В первой половине июня 1943 года Бессонов был арестован СД и водворен в административном порядке в концлагерь Заксенхаузен, в особый блок «А» для привилегированных заключенных (со свободным режимом содержания и питанием по норме эсэсовского рациона).

Причины ареста остались невыясненными. Но известно, что за три дня до этого произошла встреча Бессонова с подполковником Хельтерсом из штаба люфтваффе и генералом Ашенбреннером², которые выслушали соображения Бессонова по проведению десантной операции. В эти же дни представителем «Цеппелина» Шмидт предложил Бессонову примкнуть к «Русскому комитету» — агентурно-политической организации, возглавляемой бывшим командующим 2-й ударной армией генерал-лейтенантом Власовым. Бессонов отказался, заявив, что он выше Власова и в политическом, и в военном отношении.

2 июня 1943 года в районе совхоза «Кедровый Шор» (м. Уса Кожвенского района Коми АССР) был высажен немецкий десант в количестве 12 человек, переодетых в форму НКВД, вооруженных немецкими и советскими автоматами, пистолетами «парабеллум» и «вальтер», револьверами «наган», снабженных радиостанцией, взрывчаткой, ручными гранатами, запасом продовольствия. 9 июня десант был ликвидирован, причем два человека были убиты, а десять взяты в плен. Заместитель руководителя группы

Годов на допросе показал, что подготовка группы осуществлялась в рижской разведшколе, а вылетали они из Норвегии. Видимо, это была проверка планов, разработанных Бессоновым.

Находясь в Заксенхаузене, как показал его бывший начальник штурмбанфюрер СС А. Кайндль, Бессонов продолжал разработку планов борьбы с партизанским движением, в частности за счет создания лжепартизанских отрядов, обращался к правительству Германии с разного рода меморандумами.

Кроме того, еще в конце 1942 года Бессонов принял участие в акции VI управления РСХА по дискредитации Маршала Советского Союза А. М. Василевского, написав ему письмо провокационного содержания. Оно попало в руки «Смерша» через агента, используемого немцами втемную, т.е. без его ведома.

По приказу Бессонова в мае 1943 года был расстрелян бежавший из учебного лагеря ПЦБ лейтенант Кожухов.

В Заксенхаузене Бессонов содержался до апреля 1945 года, затем был эвакуирован и находился под охраной немцев почти до середины мая 1945 года в лагерях Дахау, Флоссенбург и в Инсбруке.

После ареста Бессонова немцами члены ПЦБ (до 300 человек) были реформированы в карательный отряд и направлены в Себеж (Калининская обл.). 22 июля 1943 года свыше 40 человек из этого отряда перешли к партизанам, а затем были арестованы. Реабилитировали бывших советских военнопленных и партизан за несвершенное преступление через много лет.

15 мая 1945 года Бессонов, находившийся уже в американской зоне в лагере для репатриированных, изъявил желание вернуться в СССР, хотя представители американской администрации его от этого отговаривали.

На суде, состоявшемся 19 апреля 1950 года, Бессонов признал свою вину в измене Родине и просил учесть его добровольную явку с повинной. Военной коллегией Верховного суда СССР Бессонов был приговорен в этот же день к расстрелу.

Хотелось бы отметить, что характеристика деятельности Бессонова, приведенная в статье «русского историка из Парижа» Николая Рутыча (предположительно Николай Николаевич Рутченко — Рудченко, официальный сотрудник разведоргана «Цепеллин» VI управления РСХА) под названием «Между двумя диктатурами» («Родина», 1991, № 6-7), ни в малейшей степени не соответствует реальным фактам. К этому выводу можно прийти,

ознакомившись с показаниями В. В. Бродникова³, А. Кайндля и др., а также с официальными документами VI управления РСХА.

Будыхо Александр Ефимович, генерал-майор, командир 171 сд, 1893 года рождения, белорус, член ВКП(б) с 1919 года, в Красной Армии с 1918 года. Награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

Генерал-майор Будыхо хорошо проявил себя в первые месяцы войны. Твердо управляя подчиненными ему частями, проявляя заботу о людях, выдержку и самообладание, ему удавалось сохранять боеспособность соединения до последних дней Киевской оборонительной операции. Однако сложившаяся на Юго-Западном фронте обстановка предопределила горькую судьбу как 171 сд, так и ее командира генерал-майора А. Е. Будыхо.

171 сд попала в окружение 21 сентября 1941 года близ Яготина, на участке Барышковка, Войтовицы.

По воспоминаниям командира батальона 380 сп М. Г. Горба, в сложной обстановке генерал Будыхо вел себя мужественно и достойно, стремясь вывести дивизию из окружения.

23 сентября (что подтверждается и трофейными документами) Будыхо был ранен, но продолжал командовать дивизией. 26 сентября он был вторично ранен и вынужден командование дивизией передать своему начальнику штаба полковнику Алькаеву. Сам же остался вместе с младшим лейтенантом Вакуленко и двумя бойцами, с которыми выходил из окружения. 22 октября 1941 года они были задержаны немецким патрулем в городе Белгороде. После допроса Будыхо был направлен в Полтавский лагерь для военнопленных, в конце декабря переведен во Владимир-Волынский, а в конце апреля 1942 года доставлен в Хаммельсбургский лагерь для военнопленных.

В конце июня 1942 года Будыхо, то ли по малодушию, то ли по другим мотивам, которые остаются не до конца понятными, принял предложение Бессонова вступить в уже знакомую читателю агентурно-политическую организацию «Политический центр борьбы с большевизмом», где занял пост заместителя Бессонова по строевой части. С февраля до конца апреля 1943 года Будыхо выполнял обязанности начальника контрразведки и, по данным советского следствия, выявлял лиц, настроенных просоветски и не разделявших программу «Российской народной партии реалистов», созданной Бессоновым в рамках мероприятий ПЦБ. Во всех группах

ПЦБ Будыхо завербовал информаторов, связь с которыми держали два «политических комиссара».

После расформирования ПЦБ Будыхо подал заявление о вступлении в РОА. Собственно говоря, ни штабов, ни аппарата управления, ни объединенных общим командованием частей и соединений в РОА не было. До 28 апреля 1945 года эта аббревиатура обозначала лишь принадлежность к «русским» ротам и батальонам, придаваемым немецким частям и комплектуемым через генерал-инспектора «восточных» войск при главном штабе сухопутных сил Германии. Но система воинских званий и утвержденная униформа уже существовали.

В первых числах Будыхо перевели в Летцен, в учебный лагерь РОА, где он находился до 13 сентября 1943 года. Накануне пришел приказ генерал-инспектора «восточных» войск об утверждении его в звании генерал-майор с правом ношения знаков различия РОА (особо надежным разрешали носить немецкие знаки различия). Будыхо принял присягу на верность фюреру и был направлен в отдел формирования «восточных» частей при штабе 16-й армии, расположенный в деревне Чудная Гора Солецкого района Ленинградской области, в распоряжение начальника отдела полковника Хеннинга⁴, где находился до 12 октября.

10 октября «легионеры» двух «русских» батальонов, приданных частям 16-й армии, перебили немцев и перешли к партизанам. Полковник фон Хеннинг уехал разоружать оставшихся. Из трофейных немецких документов известно, что на 14 октября была намечена отправка Будыхо в лагерь, как непригодного для использования.

12 октября 1943 года, сговорившись с денщиком казаком Хижинским, захватив пистолет и винтовку, Будыхо ушел из деревни Дубровка, куда был переведен отдел. Они направились в сторону Новоржева и 19 октября встретились в деревне Рылово с группой партизан из 4-го отряда 1-й Ленинградской бригады. 7 ноября Будыхо был взят под стражу, а 23 ноября 1943 года состоялся первый его допрос в Главном управлении контрразведки «Смерш».

19 апреля 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Будыхо к высшей мере наказания — расстрелу.

На суде Будыхо сказал: «Вербую меня в ПЦБ, Бессонов сказал, что есть возможность вырвать хороших генералов из плена. Это запало мне в душу. Я подумал, что таким путем, перейдя на советскую территорию, я немедленно пойду с повинной к Советской власти». Вину свою

он признал, просил только учесть явку с повинной.

Благовещенский Иван Алексеевич, генерал-майор береговой службы, начальник военно-морского училища ПВО в Либаве, 1893 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1921 года, в Красной Армии с 1918 года, награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

На допросе в управлении контрразведки «Смерш» 2-го Украинского фронта Благовещенский показал, что до 27 июня 1941 года курсанты Либавского военно-морского училища ПВО держали оборону на северной окраине города, причем он, Благовещенский, являлся начальником обороны северной части Либавы. 27 июня начальник обороны Либавы, командир 67 сд генерал-майор Н. А. Дедаев отдал приказ выходить из окружения и двигаться в направлении Риги для соединения с частями Красной Армии. После прорыва кольца окружения группа курсантов численностью до 300 человек во главе с Благовещенским застряла на шоссе, поскольку оно было забито техникой и машинами с членами семей военнослужащих. К ночи его группа рассеялась по лесу. 7 июля Благовещенский и сопровождавшие его два курсанта были задержаны вблизи местечка Сирава (60 км северней Либавы) бандой местных жителей, именующих себя айзсаргами, обезоружены и переданы немецкому командованию. После кратковременного пребывания в тюрьме в городе Шяуляй и в Тильзитском лагере для военнопленных Благовещенский в начале августа 1941 года был доставлен в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-D.

В Хаммельсбурге Благовещенский дал показания относительно места затопления в Либавской военно-морской базе советских подводных лодок, которые не смогли уйти к своим, о судьбе эсминца «Ленин», о схеме расположения фугасов. Ответив на эти вопросы, Благовещенский — уже по своей инициативе — рассказал о Кавказском укрепрайоне, о расположении артиллерийских батарей вблизи нефтеперегонных заводов в Батуми. Ему были заданы вопросы относительно форта Красная Горка и многие другие, на которые он подробно ответил.

Буквально с первого дня пребывания в Хаммельсбурге Благовещенский был завербован в агентурно-политическую организацию «Комитет борьбы с большевизмом», был назначен членом президиума этого комитета. Этому предшествовало подписанное Благовещенским и бывшим начальником оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта генерал-

майором Ф. И. Трухиным обращение к германскому командованию с просьбой предоставить возможность вести борьбу против большевиков.

Благовещенский показал, что руководителем комитета был представитель VI управления РСХА капитан Зиферт. Задачей комитета было выявление среди военнопленных политработников Красной Армии, работников особых отделов и других лиц, проявлявших враждебное отношение к немцам, а также лиц еврейской национальности. К февралю 1942 года членами комитета было выявлено и передано немецким властям более 2000 советских военнопленных указанных категорий. Однако в июне 1942 года комитет был немцами распущен. Как показал на следствии Благовещенский, причиной тому были многочисленные случаи ложных доносов на пленных, имевших какие-либо ценные вещи, которые после ареста присваивались членами комитета. Сам Благовещенский написал донос на Бессонова, обвиняя того в принадлежности к оперативному составу НКВД.

В апреле 1942 года Благовещенский был переведен в лагерь Вульгайде, где размещались курсы пропагандистов, и назначен начальником «молодежной школы», сформированной из подростков 14-17 лет, численность к военнопленным. Школа эта была начальной стадией подготовки кадров для разведывательных и диверсионных школ.

В декабре 1942 года Благовещенский получил повышение — был назначен редактором газеты «Заря», издававшейся отделом пропаганды вооруженных сил Германии для советских военнопленных, и переведен в Берлин. Его поместили в здании гостиницы «Штерн», где содержались Власов и Зыков. После создания новой агентурно-политической организации — «Русского комитета», председателем которого был назначен Власов, а секретарем — Малышкин, Благовещенский 4 февраля 1943 года принял присягу на верность фюреру.

В марте 1943 года Благовещенский был назначен начальником курсов пропагандистов для РОА в Дабендорфе. Всего было подготовлено 3000 пропагандистов, призванных вербовать советских военнопленных в РОА и другие формирования «восточных» войск. В декабре 1943 года Благовещенский, получивший от немцев звание «генерал-майор РОА», был назначен главным инспектором пропагандистов РОА с непосредственным подчинением Власову.

Кроме того, Благовещенский не гну-

шался и осведомительства — по его доносу был арестован и брошен в концлагерь бывший начальник штаба 32-й армии Н. С. Бушманов, начальник учебного отдела в Дабендорфе, принимавший участие в подпольной антифашистской работе.

В ноябре 1944 года «Русский комитет» был ликвидирован и под эгидой главного штаба СС создана новая агентурно-политическая организация — «Комитет освобождения народов России» (КОНР), где Благовещенский занял пост руководителя «идеологической группы» управления пропаганды. От имени капитана Штрик-Штрикфельдта Малышкин вручил Благовещенскому бронзовую медаль «За храбрость» II класса. 4 февраля 1945 года в связи с наступлением Красной Армии КОНР перебрался из Берлина в Карлсбад, а через несколько дней некоторые отделы управления пропаганды КОНР переместились в Мариенбад. В марте 1945 года туда приехал Власов, выдавший Благовещенскому мандат на переговоры с американским командованием по вопросу предоставления политического убежища членам КОНР (о солдатах и офицерах из дивизий РОА речи не было). 6 мая 1945 года в Мариенбад вошли американцы, посадившие Благовещенского под домашний арест.

3 июня 1945 года в гостиницу, где находился Благовещенский, прибыл советский офицер, предложивший ему посетить один из лагерей для репатриированных. Как только они выехали за город, другой офицер, находившийся в машине, объявил Благовещенского арестованным органами контрразведки «Смерш».

1 августа 1946 года Благовещенский вместе с другими обвиняемыми, проходившими по делу А. А. Власова и его штаба, был приговорен к смертной казни через повешение.

На суде Благовещенский, в частности, заявил: «...в антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью ее разложения...»

Власов Андрей Андреевич, генерал-лейтенант, командующий 2-й ударной армией, 1901 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1930 года, в Красной Армии с 1920 года, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, медалью «XX лет РККА».

Сдался в плен 12 июля 1942 года после многодневных скитаний в лесах в районе Любань-Сиверская. На первом же допросе в штабе группы армий «Север» (15 июля)

дал ряд ценных сведений, сообщив, в частности, что сил, находящихся в распоряжении Ленинградского и Волховского фронтов, может хватить лишь на сохранение существующей линии фронта и ни о каком наступлении советских войск на этих фронтах не может быть и речи. Это дало возможность немецкому командованию усилить свои войска на сталинградском направлении.

После кратковременного пребывания в лагере военнопленных в Летцене Власов был направлен в Винницкий лагерь для военнопленных, находившийся в ведении главного командования сухопутных войск (ОКХ).

Совместно с командиром 41 сд полковником Боярским⁵ Власов подготовил 3 августа 1942 года так называемый «Меморандум Власова — Боярского», в котором были сформулированы предложения относительно создания центра по формированию вооруженных частей из советских военнопленных. По мнению Власова, это придало бы «осободительному движению» вид государственности и освободило военнопленных от чувства измены Родине. После состоявшейся 10 августа беседы Власова с представителем МИД Германии Хильгером, бывшим советником германского посольства в Москве, в октябре того же года Власов был направлен в Берлин, в лагерь при отделе пропаганды вооруженных сил Германии, где уже находились бывший начальник штаба 19-й армии генерал-майор Малышкин и Благовещенский.

Власов заявил им о своем намерении создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооруженной борьбы с Советским Союзом.

В декабре 1942 года была организована встреча Власова с пленными генералами П. Г. Понеделиным, М. Г. Снеговым и М. Ф. Лукиным, которые отказались от сотрудничества с немцами и Власовым. В декабре того же года Власов при участии Малышкина и Зыкова, а также сотрудника отдела пропаганды капитана Штрик-Штрикфельдта выпустил так называемое «Смоленское воззвание», в котором объявлялось о создании «Русского комитета», на деле являвшегося еще одной агентурно-политической организацией, действовавшей под контролем отдела пропаганды и VI управления РСХА. Несколько позже было объявлено о создании РОА. Из политических соображений местопребыванием комитета указывался Смоленск, хотя вся работа проводилась в Берлине.

16 марта 1943 года Власов подписал подготовленное в отделе пропаганды

открытое письмо под названием «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом». В соответствии с программой, также наметенной отделом пропаганды, Власов посетил Смоленск, Псков и Ригу, где встречался с «представителями населения» и осматривал «русские» батальоны «восточных» войск. В Пскове в штабе генерал-фельдмаршала Буша Власов заявил, что без помощи русских немцы уничтожить большевизм не смогут. Об этом стало известно Гиммлеру, который выразил возмущение тем, что отдел пропаганды позволяет какому-то пленному генералу выступать перед немецкими офицерами с заявлениями, подрывающими их уверенность в том, что они одни могут победить Советский Союз. Гиммлер приказал прекратить подобные пропагандистские мероприятия и использовать только тех военнопленных, которые заявляют о своей согласии служить в немецкой армии. До 1944 года Власов находился под домашним арестом.

Однако 20 июля 1944 года Власову было предложено явиться на прием к Гиммлеру. Но в этот день на Гитлера было совершено покушение, и встреча было перенесена на 18 сентября. В беседе с Власовым Гиммлер заявил, что отдел пропаганды вооруженных сил не смог организовать советских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем эту работу он берет на себя. Своим представителем у Власова Гиммлер назначил оберфюрера СС доктора Крегера — заместителя начальника главного управления СС обергруппенфюрера СС Бергера. Гиммлер предложил Власову объединить все существовавшие как в Германии, так и на оккупированных территориях антисоветские организации и создать для руководства ими политический центр. Власов согласился и попросил Гиммлера разрешить ему назвать этот центр «Комитетом освобождения народов России» (КОНР). Тот потребовал представить ему проект «Манифеста КОНР».

14 ноября 1944 года в Праге состоялось первое заседание новой агентурно-политической организации, действовавшей уже под эгидой и при участии представителей главного штаба СС, — «Комитета освобождения народов России». Председателем был назначен Власов. Одновременно началось формирование вооруженных сил КОНР в составе десяти дивизий из военнопленных для борьбы против Красной Армии. Гиммлер согласился на создание пяти дивизий.

На формирование 600-й «русской» пехотной дивизии (так именовалась официально 1-я дивизия РОА) были обращены 29-я «русская» дивизия СС и несколько сформированных в 1942-1943 гг. «рус-

ских» батальонов. 650-я «русская» пехотная дивизия (2-я дивизия РОА) формировалась на базе ранее созданных «русских» и «украинских» батальонов. Кроме того, туда вошли выпущенные из лагерей военнопленные, служившие ранее в «восточных» частях и возвращенные в лагеря по различным причинам. 700-ю «русскую» пехотную дивизию (3-ю дивизию РОА) сформировать не удалось — кончилась война. Приказ о формировании штаба вооруженных сил КОНР был подписан 28 апреля 1945 года, за несколько дней до конца войны. Принимая присягу, солдаты РОА клялись в верности и Власову, и Гитлеру.

«Армия», главнокомандующим которой по приказу Гиммлера был назначен Власов, практически не воевала. В феврале 1945 года, когда дивизии находились еще в стадии формирования, на фронт, проходящий по Одеру, по приказу Власова был направлен отряд численностью до 120 человек. Он был сформирован из курсантов школы пропагандистов и офицерской школы, а также из людей, входивших в роту охраны Власова. Переодетые в советскую форму, они проникли в боевые порядки советских войск и вызвали там смутнение. В прорыв были брошены немецкие войска... Участников этой акции наградили железными крестами. Несколько позже на фронт был направлен 1604-й пехотный полк из 599-й «русской» бригады (Власову не подчиненной). Через месяц полк был снят с фронта, как небоеспособный, и присоединен к 1-й дивизии РОА. Наконец, в апреле на фронт была выведена 1-я дивизия РОА, попытавшаяся вести наступление силами двух полков под Фюрстенвальде. Через два часа боя власовцы беспорядочно отступили, оставляя оружие, амуницию и раненых. Командир дивизии генерал-майор С. К. Буняченко⁶ новел ее на юг, в направлении Праги.

То, что произошло в Праге, сам Власов характеризовал так: «Прибывшая на территорию Чехословакии 1-я дивизия под влиянием местного населения стала разлагаться и разоружать немцев, а в начале мая 1945 года в районе Праги имела вооруженные столкновения с германскими войсками. В связи с этим меня вызвал командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер⁷ и потребовал объяснений. Я заявил, что немедленно наведу порядок. К моменту моего прибытия в дивизию Германия капитулировала».

Власов был задержан 12 мая 1945 года, а через три дня доставлен в Москву. Содержался он во внутренней тюрьме МГБ СССР как «заключенный № 31».

Осужден 1 августа 1946 года к смертной казни через повешение. В последнем слове

заявил: «Содеянные мною преступления велики, и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару».

Жиленков Георгий Николаевич, бригадный комиссар, член военного совета 32-й армии, 1910 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1929 года, в Красной Армии с 1941 года, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Был секретарем Ростокинского РК ВКП(б) города Москвы и членом МГК ВКП(б).

По словам Жиленкова, 7 октября 1941 года при выходе из окружения он присоединился к небольшой группе красноармейцев, направлявшихся лесом к местечку Семелево. 14 октября без сопротивления сдался немецким солдатам в районе Волостопятница. На допросе выдал себя за рядового Максимова, поступил на службу в немецкую армию. Работал шофером в транспортной колонне 252 пд. Организовал из пленных шоферов подпольную группу, совершившую несколько диверсий. При подготовке взрыва склада боеприпасов в мае 1942 года был выдан лесником Гжатского лесничества Черниковым. Под угрозой расстрела назвал свои подлинные фамилию и должность и изъявил желание бороться против Советской власти.

После допроса в штабе группы армий «Центр» Жиленков был направлен в ставку главного командования сухопутных войск Германии, в город Ангенбург-Летцен. После обстоятельной беседы с полковником Ронне Жиленков составил план действий. В июне 1942 года приступил к работе в отделе пропаганды вооруженных сил Германии, где редактировал листовки и брошюры, распространявшиеся в тылу Красной Армии.

В августе того же года Жиленкова отправили в м. Осинторф (80 км от Смоленска), где немецкое командование формировало «добровольческую» бригаду, именуемую «Русской народной национальной армией» (РННА). В ее формировании участвовали белоэмигранты С. Н. Ивнев⁸, И. К. Сахаров⁹ и К. Г. Кромиади — «Санин»¹⁰. Вскоре командиром РННА был назначен бывший командир 41 сд полковник Боярский, а Жиленков стал начальником организационно-пропагандистского отдела.

В октябре 1942 года Жиленков и Боярский представили германскому командованию докладную записку о необходимости создания «Комитета освобождения родины» и «Русской народной армии». Эта «армия» представляла собой группу разведыватель-

но-диверсионных отрядов, которые должны были действовать в тылу Красной Армии, что помогло бы обеспечить ее разгром «уже летом 1943 года».

В декабре 1942 года командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге¹¹ потребовал перебросить два батальона РННА в район Березино для подавления партизанского движения, а несколько позднее поступила команда всем составом РННА (до 1500 человек) выступить в район Великих Лук для деблокады окруженной немецкой группировки. Зная о том, что солдаты бригады неоднократно переходили на сторону партизан, Жиленков и Боярский отказались выполнять этот приказ, заявив, что их солдаты еще не подготовлены для боев с частями Красной Армии. Они были арестованы, но через несколько недель освобождены под поручительство полковника Ронне. Жиленков был направлен в отдел пропаганды вооруженных сил Германии в распоряжение Власова, занимавшегося созданием «Русского комитета». После создания этой агентурно-политической организации Жиленков назначается редактором газеты «Доброволец».

В феврале 1943 года Власов, Жиленков, Малышкин и Благовещенский обратились к германскому командованию с докладной запиской о создании «Русской национальной армии» (РНА).

В апреле 1943 года Жиленков принял участие в формировании так называемой «Гвардейской ударной бригады РОА». План ее формирования был передан в VI управление РСХА, однако реализован не был, поскольку «1-я русская национальная бригада СС», на базе которой должна была создаваться «Гвардейская ударная бригада РОА», почти в полном составе во главе с командиром подполковником Гиллем (Родионовым) перешла на сторону партизан. Затем Жиленков вернулся в отдел пропаганды и продолжал редактировать газету «Доброволец».

В феврале 1944 года Жиленков по поручению командующего Западным фронтом фельдмаршала фон Рунштедта¹² выехал на Атлантическое побережье, имея задачу поднять боевой дух «восточных» батальонов, выведенных туда в конце 1943 года в связи с участвовавшими случаями перехода на сторону советских войск. После поездки Жиленков написал докладную записку фельдмаршалу фон Рунштедту и генералу Кестрингу¹³ с рекомендациями по повышению боеспособности «восточных» войск.

В июне 1944 года Жиленков выехал в район Львова, где размещался штаб отдела пропаганды Гимлера «Скорпион». Здесь был организован выпуск газеты «За мир и

свободу», распространявшейся в тылах Красной Армии. Работа Жиленкова была высоко оценена. Его предложение о создании «Комитета освобождения народов России» было доложено Гиммлеру, который согласился встретиться с Власовым, чтобы обобщить этот вопрос.

В сентябре-октябре 1944 года Жиленков, Власов, Малышкин и Закутный работали над составом КОНР, список которого был просмотрен, отредактирован и утвержден Гиммлером. 14 ноября 1944 года в Праге состоялось первое заседание КОНР, которое открыл Жиленков (он возглавлял в КОНР главное управление пропаганды). По поручению Власова он занимался вопросами объединения различных эмигрантских и националистических организаций с КОНР.

В марте 1945 года встал вопрос, что делать дальше. Советская Армия, преодолевая ожесточенное сопротивление вермахта, приближалась к центру империи. Жиленков предложил занять один из южных районов Германии, между Инсбруком и Зальцбургом, полагая, что советские войска туда не дойдут, и начать переговоры с американцами. 19 апреля Жиленкову было поручено выехать в Северную Италию и принять под командование КОНР находившиеся там «казацки» формирования. Однако этому плану сбыться не удалось. Поселок Майергофен в долине Цилерталь, через которую Жиленков намеревался попасть в Италию, 3 мая 1945 года был занят американскими войсками. 6 мая Жиленков распустил свой отряд, а 18-го он был интернирован американцами.

26 мая Жиленков и Малышкин вступили в контакт с американской разведкой. 7 января 1946 года Жиленков и его спутники были переведены в отдельное здание лагеря для интернированных, где встретились с представителем американской разведки лейтенантом Максимом. Был разработан план их использования. Однако 1 мая 1946 года Жиленков был передан американцами советскому командованию.

31 июля Жиленков вызвал следователя и сообщил, что в Германии встречался с разработчиком немецкой атомной бомбы и готов выполнить любое задание Советского правительства в этой области.

1 августа 1946 года Жиленков был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение.

В последнем слове, признав свою вину, он сказал: «...если суд найдет возможным использовать мою жизнь, то я готов загладить мою вину чем угодно и в любых условиях».

¹ См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 1. — С. 57-58.

² Ашенбреннер — генерал-лейтенант, бывший военно-воздушный атташе в Москве. Во время войны инспектор восточных кадров люфтваффе, отвечал за русских добровольцев и советских военнопленных в люфтваффе.

³ В. В. Бродников — бывший командир стрелкового полка 48 сд. В плену — начальник штаба ПЦБ. Действовал под псевдонимом Лилин.

⁴ Хеннинг фон — полковник, с 1948 г. — генерал-майор, занимался добровольческими формированиями, последняя должность — командир 599-й «русской» бригады в Дании.

⁵ В. И. Боярский (настоящая фамилия Баерский Владимир Гелярович) — полковник, с марта 1941-го по январь 1942 г. начальник штаба 31 ск, с января 1942-го по июнь 1942 г. — командир 41 сд 2-го формирования ЮЗФ. Попал в плен в Харьковском сражении. Пошел на службу к немцам. Повешен 7 мая 1945 года чехословацкими партизанами.

⁶ С. К. Буняченко — полковник Красной Армии, бывший командир 389 сд, генерал-майор РОА. Добровольно сдался в плен. Приговорен к высшей мере наказания. Повешен.

⁷ Шернер Фердинанд (1892-1973) — участник первой мировой войны, затем — в рейхсвере. В 1942-1943 гг. командовал дивизией на севере Финляндии, осенью 1943 года — группировкой войск, оборонявшей Никополь. В марте 1944 года назначен начальником национал-социалистского воспитания сухопутных войск. Командовал группами армий «Южная Украина», «Север», «А», «Центр». Генерал-полковник, с марта 1945 года — генерал-фельдмаршал. Пленен американскими войсками, передан советскому командованию.

Отличался особой жестокостью, санкционировал массовые казни. Осужден за военные преступления. После освобождения в 1955 году вновь осужден в ФРГ за расстрелы немецких солдат. Освобожден из тюрьмы в 1960 году.

⁸ С. Н. Иванов — политический руководитель РННА, с 1945 года — начальник разведки РОА.

⁹ И. К. Сахаров — сын генерал-лейтенанта царской армии, начальника штаба у адмирала А. В. Колчака. Участник гражданской войны в Испании на стороне Франко. Адъютант А. А. Власова. Полковник РОА.

¹⁰ К. Г. Кромиади, («Санин») — полковник царской армии, эмигрант. Начальник личной канцелярии А. А. Власова.

¹¹ Клюге Ханс Гюнтер фон (1882-1944) — участник первой мировой войны. С 1934 года командующий войсками военного округа. С 1940 года — генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал 4-й армией, группой армий «Центр». В 1942 году уволен в отставку. Установил контакты с антигитлеровским офицерским движением. В июле 1944 года назначен главнокомандующим войсками «Запада», но вскоре отозван и по пути в Берлин покончил с собой.

¹² Рунштедт Герд фон (1875-1953) — участник первой мировой войны, офицер генштаба. С марта 1938 г. генерал-полковник, с июля 1940 г. — генерал-фельдмаршал. На советско-германском фронте командовал группой армий «Юг». Снят с должности в ноябре 1941 г. за сдачу Ростова. До конца войны — на Западе. Отправлен в отставку из-за разногласий с Гитлером в июле 1944 г., но в ноябре возвращен, возглавил контрнаступление в декабре 1944 г. Вновь отстранен в марте 1945 г. Находился в английском плену до 1949 г.

¹³ Кестринг Э. — немецкий генерал добровольческих формирований, генерал кавалерии, генерал-инспектор «восточных» («добровольческих») войск.

**Л. Е. РЕШИН,
В. С. СТЕПАНОВ**

(Продолжение следует)

Н.Г. КУЗНЕЦОВ

ПОВОРОТЫ

ИЗ ЗАПИСОК АДМИРАЛА

КРУТЫЕ

В 1934 году крейсер «Червона Украина» был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ за успехи в боевой подготовке. Командир крейсера Н. Г. Кузнецов (в центре вверху) с артиллеристами.

Только что созданный отдельный Наркомат ВМФ, да еще с молодым наркомом во главе, требовал особой осмотрительности в поведении. Я же был неопытен. Казалось бы, по совети и как коммунист я должен был отстаивать интересы флота, но они часто входили в противоречие с интересами других видов Вооруженных Сил. Получался заколдованный круг. Не случайно уже после войны вопросы строительства флота стали для меня роковыми. Я осмелился настаивать (и очень резко) на своих

предложениях перед такими могущественными фигурами, как И. В. Сталин, Н. С. Хрущев и Г. К. Жуков. Не надо было идти напролом, а как-то сманеврировать, отступить, затем наступать снова. Однако это было не в моем характере. Высокий руководитель должен не считаться со своими личными интересами и опасностью быть снятым с поста, если дело касается принципиальных вопросов. Но не будем уклоняться...

Итак, после трехлетнего командования крейсером, командировки в Испанию и командования Тихоокеанским флотом в 1937-1939 гг. на мои плечи легла ответственность за

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 12.

подготовку ВМФ к войне. Наркомат обороны, как пишет Г. К. Жуков, был занят по горло своими сухопутными делами, и даже начальник Генштаба не мог выделить времени, «чтобы познакомиться с флотом». Я был представлен в решении оперативных вопросов самому себе. К Сталину попасть было не всегда просто. Никто другой ответ давать не хотел. Но уже летом 1939 года стало очевидно, что война на носу, и, коль скоро ты нарком, принимай все меры, чтобы она не застала флоты врасплох.

Я хорошо помнил уроки старого царского флота, когда японцы потопили русские корабли на внешнем рейде Порт-Артура, и знал по своим личным наблюдениям в Картахене, в Испании, как может внезапно налететь авиация и причинить вред. В этом я убедился и на Дальнем Востоке, ожидая возможного налета японской авиации на Владивосток в 1938 году.

Кроме того, я знал, что восстановление потерянных кораблей, особенно крупных, в годы войны дело

тяжелое, и поэтому без труда убедил всех своих заместителей и руководителей на флотах в необходимости иметь детальные разработки и проводить многочисленные тренировки по повышению готовности флотов в короткое время. В ноябре 1939 года вышла первая основная директива Наркомата на этот счет, которая действовала и уточнялась на практике вплоть до рокового рассвета 22 июня 1941 года.

Сколько учений было проведено на флотах! Сколько вы-

водов сделано в предвоенный период!

Зная обстановку на границе, я в канун войны, в субботу 21 июня, не выходил из кабинета, ожидая указаний от правительства или из Наркомата обороны, но они не поступали. Однако это не снимало с меня ответственности за судьбу флотов. Вечером 21 июня, около 18 часов, я переговорил по телефону ВЧ с комфлотами. Отдавать приказания об отражении нападения я еще не мог, но убедиться, что они все на месте, что флоты находятся в повышенной готовности, я имел возможность, считал это своим долгом и делал это. Последний разговор был с военно-морским атташе в Германии М. А. Воронцовым. Вывод напрашивался один: нужно ожидать нападения, а вызова в Кремль или в НКО пока нет. Он последовал около 23 часов от наркома обороны. «Возможно нападение немцев», — передал С. К. Тимошенко. А сколько осталось времени до этого нападения, никто не мог сказать¹.

Бывший со мной заместитель на-

В рабочем кабинете наркома ВМФ.
Н. Г. Кузнецов и И. С. Исаков. Москва. 1939 год.

(Публикуется впервые)

чальника Главного морского штаба контр-адмирал В. А. Алафузов по моему приказу тут же бежит в Наркомат и посылает срочную телеграмму, но уже без всяких условностей, о боевой готовности № 1, к чему мы готовились несколько лет. Но мне и этого казалось мало. Особенно для Балтики. Ведь она граничит с Германией. Придя в кабинет, звоню в Таллинн. Комфлотом В. Ф. Трибуц на проводе: «Телеграмма послана, не ждите ее, приводите флот в готовность № 1». Это было в 23 ч 30 мин, а в 23 ч 32 мин, как записано в журнале боевых действий флота, «объявлена фактическая боевая готовность № 1»...²

Таким образом, допущенные промахи политического руководства по части повышения готовности всех Вооруженных Сил не повлияли отрицательно на флот, а были в значительной степени исправлены. Флоты не потеряли ни одного корабля в первый день войны, хотя враг стремился нанести нам удары по базам в Севастополе, Кронштадте, Полярном, Измаиле и др.

Телеграммы и донесения с флотов к вечеру 22 июня уже показывали, что внезапного нападения противнику, как он хотел, совершить не удалось. Но борьба с сильным врагом была еще впереди. Я ожидал больших трудностей, хотя и не думал, что нам доведется пережить неудачное начало и, как следствие этого, тяжелый период войны — до начала 1943 года. Уже через неделю-две выяснилось, что перед личным составом флотов стоит задача не только воевать на море, но и, исходя из единой стратегии, повернуться лицом к берегу, а когда нужно, то и сойти на него с кораблей, чтобы оборонять свои базы, приморские города и побережья с суши.

Военно-Морской Флот выдержал испытание и до конца выполнил свой долг перед Родиной, но это в первую очередь следует отнести к отваге и храбрости личного состава, воспитанного Родиной в духе патриотизма. Либава, Таллинн, Одесса, Севастополь, Ханко, Ленинград — вот знаменательные вехи борьбы с врагом. Флотам, оперативно подчи-

ненным сухопутному командованию, вопреки ожиданиям приходилось налаживать тесное взаимодействие. Здесь было много трудностей. До войны этот вопрос не был полностью разработан, ибо не собирались в такой степени привлекать моряков к войне на суше. Но разбираться в ходе войны было уже поздно, и мы стремились согласовывать все вопросы на ходу, не придавая первостепенного значения тому, кто кому будет подчинен, лишь бы бить врага. И «морская душа» в полосатой тельняшке оказала немалую помощь не только при обороне баз, но и в Ленинграде, Сталинграде, под Москвой и даже на Карельском фронте.

Больших упреков я в годы войны не получал.

Если в первые месяцы новой службы в Москве я чувствовал, что преждевременно оказался в этом кресле, то постепенно уверовал, что справляюсь с работой на этом высоком посту. Возможно, в этом есть доля преувеличения. Видимо, человек не всегда достаточно самокритично подходит к себе и склонен скорее переоценивать свои способности, чем недооценивать их. Однако мне так казалось, и в этом я признаюсь. Мне кажется, у меня не было зазнайства, и я всегда понимал, что карьера в условиях работы при Сталине (то, что теперь называется в период расцвета культа личности) — вещь весьма зыбкая и самонадеянность может обернуться самым неожиданным образом.

Стоит признаться, что со временем я стал уверен в себе, упорнее отстаивал интересы флота и осмеливался возражать даже самому Сталину, когда считал это нужным для дела. На этом, собственно, я и «свернул себе шею». Внешне, казалось, не было крутого поворота, на котором рекомендуется «быть осторожнее, чтобы не вывалиться». Вот что запомнилось мне. В один из дней весной 1946 года у меня состоялся разговор со Сталиным по телефону. Он предложил разделить Балтийский флот на два. Сначала я, как всегда, попросил время подумать, а потом, дня через два, ответил ему, что считаю это неправильным. Театр неболь-

шой и с оперативной точки зрения неделимый. Сталин, как выяснилось позднее, остался моей позицией недоволен, но тогда, ничего не сказав, повесил трубку. Я еще не догадывался, что «быть грозе».

Что же происходило за кулисами, как это известно теперь?

А. И. Микоян³, не знаю, по своей инициативе или по поручению Сталина, решил переговорить на эту тему с И. С. Исаковым. Тот, узнав позицию Сталина, счел более благоразумным согласиться с нею, хотя это не укладывалось ни в какие рамки нормальной точки зрения адмирала, хорошо подготовленного в оперативном отношении. Исаков, при его прекрасных отдельных качествах, всегда опасался за свое служебное место. К тому же он был честолобив и, «греша перед своей совестью», по его же словам, в те дни выступил против меня, лишь бы не идти против течения. Позднее (когда у власти был Н. С. Хрущев) он сжег записки (25 посещений Сталина), относящиеся к встречам его со Сталиным. В другой раз объявил в печати авианосцы «покойниками», а мне, смущаясь, говорил, что это дело редакции. Чепуха! Исаков знал, как вести дела с редакциями.

Сталин, которому была доложена точка зрения Исакова, приказал рассмотреть этот вопрос на Главном военно-морском совете. Послал туда А. А. Жданова и А. И. Микояна. Все моряки были согласны со мной, кроме И. С. Исакова, хотя и тот только воздержался.

Это один из примеров, когда принималось «волевое» решение, что я признаю иногда необходимым. Но в данном случае А. А. Жданов и А. И. Микоян, не являясь специалистами, могли поддержать мнение Сталина, а решающую роль сыграл высококвалифицированный адмирал И. С. Исаков.

Вызванные на следующий день в кабинет к Сталину, мы докладывали ему свое мнение. Еще в приемной я почувствовал, что в воздухе пахнет грозой. А. Н. Поскребышев⁴ несколько раз, пока мы сидели, бегал на звонок из кабинета и возвращался сердитым. «Не в добрый

час», — подумал я и, к сожалению, не ошибся. Уже предварительное обсуждение нашего флотского вопроса с ближайшими помощниками испортило настроение Сталину, и теперь он ждал тех, на кого собирался сыпать свои упреки и таким образом разрядиться. А когда, войдя, я встретился с ним взглядом, уже не оставалось сомнения — быть грозе.

Я остался на своих позициях, будучи глубоко убежденным в своей правоте. И. С. Исаков молчал, А. И. Микоян, сославшись на него, сказал, что Исаков за предложение Сталина.

Сталин начал ругать меня, а я не выдержал и ответил, что, если я не подхожу, прошу меня убрать. Сказанное обошлось мне дорого. Сталин ответил: «Когда нужно, уберем», и это явилось сигналом для подготовки последовавшей позднее расправы со мной. Правда, снят я был почти год спустя, но предreshен этот вопрос был именно на том злополучном совещании.

Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что поступил так, как надлежит поступать честному человеку. А как бы поступил теперь? Безусловно, я, как и тогда, высказал бы свое мнение, однако постарался бы не гордиться.

Позднее моя точка зрения была признана правильной, и два флота на Балтике снова объединены, но голова моя была уже (по первому разу) «снесена». Как следствие этого с помощью Булганина я был в 1948 году даже отдан под суд чести, судим Военной коллегией Верховного суда и разжалован до контр-адмирала. С печалью еще раз вспоминаю этот «крутой поворот» главным образом потому, что три адмирала, кроме меня, понесли более суровые наказания: были посажены в тюрьму.

Предвоенный период и все годы войны для меня были исключительно тяжелыми, потому что, с одной стороны, нужно было, отбросив все сомнения и отложив философские рассуждения, делать все возможное для победы, а с другой — я не был в состоянии доказать иногда элементарных вещей в деле руководства флотами. «Почему так, а не иначе?» — все чаще и чаще возникало у

Н. Г. Кузнецов на крейсере «Молотов».
Поти. 1943 год.

(Фото Е. Халдея)

меня в голове. Это не относилось, так сказать, к генеральной линии, но зарождалось при решении практических вопросов. Закончился этот период, когда был в 1946 году «ликвидирован» Наркомат ВМФ. Я тогда окончательно убедился, что не в моих силах бороться с теми порядками, которые сложились. Ведь я, по существу, сам (на что есть документы), первым и предложил иметь единое военное командование — это вытекало из опыта войны. Но то, что было сделано, не походило на мои предложения. Окончательно вывело меня из равновесия заявление Кагановича⁵ на одном из совещаний по этому поводу: «Следует Наркомат ВМФ ликвидировать за ненужностью». Так и было записано через пару дней в постановлении...⁶.

Уже тогда, за несколько месяцев до снятия меня с поста главкома ВМС⁷, я чувствовал, что «доживаю» последние месяцы или дни моего командования. Чем это объяснить, трудно сказать. Я имел самое искреннее намерение работать при новой организации, и тот, кто говорит, что я был против этой организации, — не прав.

Мои представления о новой организации были сделаны еще за несколько месяцев до проведения ее в

жизнь и находятся в архиве, чем я и могу подтвердить свою точку зрения того времени. Будучи сторонником единой организации Вооруженных Сил в стране, я в то же время был против значительного сокращения прав наркома ВМФ как главнокомандующего по отношению ко всем флотам. Ведь для конкретного руководства флотами ему нужны и все права для этого. Я не понимал и не понимаю сейчас, как можно флоты подчинять одновременно нескольким инстанциям.

Мне кажется, что министр Вооруженных Сил, будучи их (флотов) прямым начальником, всегда может отдать им любые приказания через главкома или даже, в случае нужды, непосредственно. Я считал также неправильным отнятие у главкома многих функций, которые только формально могли решаться (и решаются сейчас) в высшей инстанции. При этом теряется ответственность конкретного лица. Такими вопросами являются все штатные вопросы назначения, присвоения званий и т.д.

Мне представлялось, что было исключительно много вопросов и координационного порядка, и оперативных, требующих увязки и совместного обучения различных родов Вооруженных Сил, и что у министра Вооруженных Сил или начальника Генштаба не было необходимости и возможности брать на себя функции главкома

ВМС. При замыкании слишком многих вопросов на себя образуется пробка, тормозящая все дело.

Кроме того, я был против создания промежуточных рабочих инстанций между министром и главкомом ВМС, между Главморштабом и Генштабом. Мне казалось правильным, что главком ВМС, являясь заместителем министра, должен непосредственно докладывать обо всем ему и на основании этого доклада и должны приниматься решения (так же по линии начальника Главморштаба и начальника Генштаба). Исходя из этого, я был против введения должностей различных заместителей, создания отделов и отделений управления кадров (по морской части) в Генштабе и т. д. Я считал безусловно правильным, что Главморштаб должен являться аппаратом Генштаба.

Мое возражение по этому вопросу было искажено и при моем снятии фигурировало как нежелание давать людям или даже как противодействие новой организации. Я справедливо опасался, что если завести аппарат ВМФ в Генштабе и других инстанциях Министерства обороны, то он будет фактически контролирующим органом всего исходящего от ВМС. На практике так и получилось. Скажем, все назначения офицерского состава, проработанные управлением кадров ВМС и утвержденные главкомом ВМС, шли в морской отдел Главного управления кадров и снова обсуждались там, сводя на нет решения заместителя министра — главкома ВМС. Главное же — терялось время, и докладчиком у министра практически был не главком ВМС, чье мнение прежде всего нужно знать министру, а начальник Главного управления кадров, который не в состоянии знать флотские вопросы и вынужден смотреть на них глазами своего начальника морского отдела, как правило, офицера в небольших чинах и недостаточно авторитетного на флоте. Подобно этому, и другие вопросы продвигались и решались также медленно, контролировались аппаратом менее квалифицирован-

ным, чем раньше (непосредственно главком ВМС — министр Вооруженных Сил).

Я пишу об этом, чтобы доказать, что фактической причиной снятия меня с должности было, конечно, не мое несогласие с новой флотской организацией. Я думаю, что истинной причиной было и мое искреннее стремление сделать все нужное для ВМС, и всегда выражаемое в настойчивой форме в этой связи собственное мнение. При моем болезненном реагировании на непринятие должных мер, переходившем часто в споры, я оказался неугодным человеком. Я должен был быть снят.

Я признал совершенно правильным мое снятие. И тогда же сказал на военном совете, что я, по-видимому, не в состоянии дальше проводить твердую линию руководства Военно-Морскими Силами, так как не сумел доказать свою точку зрения, и поэтому надо назначить нового руководителя⁸.

Я считал нормальной также и работу комиссии⁹, назначенной для участия в приеме и сдаче дел, мне было вполне понятно и многое из тенденциозно излагаемого в мой адрес отдельными людьми, уже «перестроившимися» под новое руководство. Я стремился, призвав всю свою выдержку, признать недостатки и отмести неправильные обвинения...

Теперь мне надо было без лишней обиды приняться за новую работу там, куда меня пошлют. Мне только не хотелось в то время идти командовать флотом, как мне предлагал Булганин, потому что я знал, что новый главком ВМС против моего назначения, а также потому, что мне было бы трудно ломать то, что я создавал. Тем более, что я понимал: новое руководство, настроенное недоброжелательно ко мне, будет всячески мне не помогать, а лишь стремиться сделать хуже, а от этого будет страдать тот флот, которым бы я стал руководить.

Желая оглянуться на годы войны и собраться с мыслями, я решил пойти на более спокойную работу¹⁰. Однако все пошло по иному пути.

В деле «крутых поворотов» моим злым гением, как в первом случае (отдача под суд), так и во втором (уход в отставку), был Н. А. Булганин. Почему? Когда он замещал наркома обороны при Сталине, у меня произошел с ним довольно неприятный разговор из-за помещения для Наркомата ВМФ. Он тогда беспардонно приказал выселить из одного дома несколько управлений флота. Я попросил замену, он отказал. Согласиться с ним я не мог и доложил Сталину. Сталин, встав на мою сторону, упрекнул Булганина: как же выселяете, не предоставляя ничего взамен? Булганин взбесился. Придя в свой кабинет, он заявил мне, что «знает, как варится кухня», пообещав при случае все вспомнить.

Вскоре подросла кампания по борьбе с космополитами, и ряд дел разбирался в наркоматах. Некий В. Алферов¹¹, чуя обстановку (конъюнктуру), написал доклад, что вот-де у Кузнецова было преклонение перед иностранцами, и привел случай с парашютной торпедой. Подняли все архивы в поисках еще чего-либо более «криминального». Я только удивлялся, как за всю бытность мою во главе Наркомата и в течение всей войны при очень больших связях, которые я вынужден был поддерживать с англичанами, американцами и другими союзниками, и всякого рода взаимных передачах во исполнение определенных директив и личных указаний нашлось так мало или почти ничего сколько-нибудь существенного, что нарушало бы самые строгие нормы поведения. Булганин подхватил это и, воодушевившись, сделал все возможное, чтобы «раздуть кадило». В тех условиях это было нетрудно сделать. Действовали и решали дело не логика, факты или правосудие, а личные мнения. Булганин к тому же мало разбирался в военном деле, хотя и хорошо усвоил полезность слушаться. Он и выполнял все указания, не имея своей государственной позиции. Он был плохой политик, но хороший политикан.

Когда в 1947 году Сталин на Главном военном совете поставил вопрос о моем освобождении, я не

удивился: «кухня уже варилась» Булганиным. Морально я был к этому подготовлен. Сталин назвал моим преемником И. С. Юмашева. В этом я не видел логики. Тихоокеанский флот почти не воевал, и боевого опыта у Юмашева было мало.

...Вызванный из Ленинграда вместе с Л. М. Галлером, я не знал, в чем дело. Помнится, в поезде мы со Львом Михайловичем все гадали о причинах вызова. И не угадали. Оказалось, нам предстоит дать объяснение, почему было дано разрешение передать чертежи парашютной торпеды англичанам. Чертежи были несекретными, и их мог передать начальник Главного морского штаба. Но когда меня спросили, давал ли я разрешение, то я ответил, что, очевидно, давал, так как начальник ГМШ обычно такие вопросы не решал без моего ведома. Отвечаю я.

Было решено судить нас судом чести¹².

Нашли врагов народа! Все четыре адмирала честно отвоевали — и вот, пожалуйста, на суд чести! Во главе этого дела был поставлен маршал Л. А. Говоров. Порядочный человек, но «свое суждение иметь» не решился и по указке Булганина, где можно, сгущал краски.

На суде прежде всего выяснилось, что белое не всегда белое, а дважды два может быть и пять. Держались все подсудимые хорошо, не отрицая своей вины, не перекладывая ответственности друг на друга и под влиянием суда, подсказавшего, что лучше держаться скромно, иногда не отрицали и излишних упреков в свой адрес.

Как бы ни было тяжело судиться, зная, что ты ничего, кроме хорошего, никогда не делал на своем посту, а отдавал все свое здоровье работе, положение обязывало меня напрячь все силы и выдержать это испытание.

Весь ход «дела» показывал, что не было сколько-нибудь серьезных правонарушений со стороны всех «обвиняемых». Но пути господни неисповедимы: вместо, казалось бы, положенных (раз нужно!) выговоров на заключительном заседании были произнесены громкие речи обвини-

телей, и мы уже выглядели очевидными преступниками, которых следует судить только Военной коллегией Верховного суда. Было вынесено решение передать «дело» туда. Это уже поразило не только нас, «преступников», но и всех присутствующих. До сих пор звучит в ушах голос обвинителя Н. М. Кулакова¹³, который, уже называя нас всякими непристойными словами, требовал как можно более строго нас наказывать.

Всю жизнь я считал своим долгом защищать подчиненных и всегда был убежден, что лучше не наказывать виновного, чем наказывать безвинного. Мог бы доказать, что немало людей во время войны, над которыми висела угроза кары, мною были избавлены от нее, когда я был убежден, что они невиновны. И вот теперь я слушал выступления своих подчиненных, обвинявших меня и моих товарищей в таких грехах, в которые они, конечно, и сами не верили.

Но вот обвинения оглашены, решение о передаче дела в Военную коллегию Верховного суда объявлено, и все зрители этого представления, обмениваясь мнениями, разошлись, торопясь, видимо, поделиться сенсацией с родными и знакомыми и потом, посудавив по этому поводу, спокойно лечь спать. В зале остались только мы, обвиняемые, с одной стороны, ошеломленные таким неожиданным решением, а с другой — неуверенные, можем ли мы свободно выйти из помещения, чтобы идти домой, или теперь же последуют какие-то меры «предосторожности» против таких «преступников»...

Все «судьи» этого знаменитого «суда чести» впоследствии не раз встречались и доказывали, что они были вынуждены так поступить. Передача же дела в Военную коллегию Верховного суда от них, дескать, не зависела, но они, конечно, сделали все от них зависящее, чтобы угодить начальству. Главный «судья» — маршал Говоров, уже будучи больным, в Барвихе при встрече со мной без всякого повода с моей стороны сказал мне, что он понимал, что дело

раздуто искусственно, правда, не сказал кем. Я долго не верил и только теперь, после всех событий последних лет моей службы, допускаю достоверность утверждения, что еще при первом докладе ему этого вопроса он, даже не разобравшись, сказал: «Под суд, под суд...»

Обменявшись мнениями, мы пришли к выводу, что события, как бы они ни развивались, от нас не зависят и нам ничего не остается делать, как ждать их развития, не теряя присутствия духа. Несмотря на решение о предании суду, все еще оставалась какая-то искра надежды, что кто-то поймет несуразность всего происходящего и приостановит такой абсурдный ход дела. Прощаясь, мы, однако, со всей серьезностью признали возможность нашего ареста (при выходе или ночью) и на всякий случай договорились, если окажемся на свободе, завтра встретиться в здании Наркомата, чтобы обсудить, что же нам следует предпринять.

Как оказалось, почти все мы одинаково провели эту бессонную ночь. Утром довольно помятыми, с припухшими глазами мы встретились, с надеждой приостановить события, которые совсем нам не подчинялись. Решили раздельно написать заявления с просьбой отнестись к каждому из нас более милосердно. Но «кухня все варилась и варилась».

Пошли мучительные дни ожиданий, полные неизвестности. Наконец нас вызвали в военную прокуратуру для снятия официальных показаний. Ввиду того, что мне можно было только предъявлять различные моральные обвинения и формально не находилось ни одной статьи, по которой меня можно было судить, следователь был, видимо, в затруднении. После моих показаний он довольно быстро написал документ, в котором появились положения, противоречащие моим показаниям и фактам. Невозможно забыть и когда-нибудь перестать возмущаться тем, как полковник юридической службы предлагает адмиралу флота не противиться и подписать то, что ему больше нравится, «заверяя», что это наилучшее, что может быть им пред-

ложено, и что уж я должен положиться на его опыт в этих делах. Я категорически отказался принять его предложение, указав, что если потребуется обязательно меня наказать, то это сделают и без должных формальностей.

Вернувшись домой, я сначала пожалел, что грубо обошелся со следователем (ведь это могло мне повредить), но затем пришел к выводу, что, видимо, никакие мои показания или разговор со следователем уже не повлияют на окончательное решение, которое где-то созрело и под которое только подгоняется официальная сторона дела.

Через несколько дней снова вызов в прокуратуру, снова неприятный разговор с полковником, который исправил свою ошибку, но разговаривал со мной еще более дерзко. При второй беседе мне уделил внимание и А. Чепцов¹⁴, который, видимо, хотел держать в своих руках это сложное дело. Так или иначе, дело закончилось моей подписью согласованного протокола допроса.

Снова несколько томительных дней ожидания и каких-то надежд на благоприятный исход — и снова все напрасно. «Кухня варилась» при активном участии того товарища, который, как он сказал, «хорошо знает, как она варится», и дело неумолимо двигалось к своему роковому концу.

В субботу мы все получили приглашение явиться в понедельник¹⁵ в Наркомат ВМФ без указания цели и причин. В воскресенье обменялись мнениями насчет цели вызова и робко высказали предположение о возможности прекращения дела. Настолько все чувствовали себя невиновными, настолько казалось это несправедливым и просто диким...

Понедельник принес нам мало приятного. К 10 часам мы были отправлены на машине в Военную коллегия Верховного суда в полурестованном состоянии. Около нас еще не было часовых, но в то же время нам не разрешалось отлучаться из здания, в которое нас привезли и где, как скоро оказалось, и состоялся в тот же день суд над нами.

С понятным нетерпением мы ждали вызова и начала допроса. Распо-

ложившись в одной маленькой комнате, пытались уловить атмосферу, царившую вокруг нас. Все еще надеялись, что вызовут, объявят о прекращении дела и мы разъедемся по домам. Но с каждым часом наши надежды таяли. Нам уже не позволяли звонить по телефону или сходить купить папирос. Приставленные к нам люди не были часовыми и по очереди находились в одной с нами комнате. Они вежливо говорили, что того или этого делать не следует, и убеждали, что «все скоро кончится».

Наконец через несколько часов нас по всем правилам судебного искусства ввели в судебный зал и посадили на скамью подсудимых. Мы сидели как арестованные, но около нас не было ни одного часового. Это успокаивало и вселяло надежду на благополучный исход. Разочарование наступало постепенно: к вечеру мы поняли, что тучи над нами явно сгустились.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно об обстоятельствах последнего мирного дня 21 июня 1941 года читайте в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне» (М.: Воениздат, 1966. - С. 324-343).

² Сразу после разговора с В. Ф. Трибуцем Н. Г. Кузнецов связался по телефону с командующим Северным флотом А. Г. Головкин и начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым, известив их о посланной телеграмме.

³ Микоян Анастас Иванович (1895-1978) — государственный и партийный деятель. В 1926-1946 гг. — нарком внешней и внутренней торговли, возглавлял ряд других наркоматов. В годы Великой Отечественной войны руководил комитетом продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии, в 1942-1945 гг. — член Государственного Комитета Обороны (ГКО). Член Политбюро (Президиума) ЦК партии в 1935-1966 гг.

⁴ Поскребышев Александр Николаевич (1891-1965) — генерал-лейтенант, секретарь И. В. Сталина. С августа 1935 года — заведующий канцелярией генерального секретаря ЦК ВКП(б), секретарь Президиума ЦК КПСС.

⁵ Каганович Лазарь Моисеевич (1893-1991) — партийный и государственный деятель. В 1935-1944 гг. — народный комиссар путей сообщения, руководил рядом других наркоматов. С 1938 г. — заместитель председателя СНК СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1930-го по 1956 год.

⁶ Народный комиссариат Военно-Морского Флота упразднен 25 февраля 1946 года в связи с образованием Народного комиссариата Вооруженных Сил СССР.

⁷ Н. Г. Кузнецов занимал должность главнокома ВМФ — заместителя министра Вооруженных Сил СССР до 19 февраля 1947 года.

⁸ Н. Г. Кузнецова на посту главнокомандующего ВМФ — заместителя министра Вооруженных Сил сменил адмирал Юмашев Иван Степанович (1895-1972). В 1950-1951 гг. был военно-морским министром СССР, в 1951-1957 гг. — начальником Военно-морской академии.

⁹ В конце 1946 года И. В. Сталин поручил комиссии под руководством Маршала Советского Союза Л. А. Говорова (1897-1955) проверить деятельность Главного морского штаба. Адмирал Ю. А. Пантелеев (р. 1901) вспоминал впоследствии, что «проверяющих особенно интересовала деятельность Кузнецова и что в акте проверки от 13 февраля 1947 г. было много несправедливых и неверных обвинений в адрес Николая Герасимовича и других адмиралов» (см. Красная звезда. — 1990. — 16 июня).

¹⁰ Н. Г. Кузнецов в феврале 1947 года был назначен в Ленинград начальником управления военно-морских учебных заведений, находился на этой должности до ноября того же года.

¹¹ См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 12. — С. 45. Примеч. 8.

¹² 28 марта 1947 года ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР (по записке А. А. Жданова) приняли совместное постановление «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах СССР», в котором отмечалось, что суды чести создаются в целях содействия «делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства... Для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На суды чести также возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных про-

ступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств и центральных ведомств СССР, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке».

Суды чести избирались сроком на один год в составе 5-7 человек из числа работников министерств и ведомств «тайным голосованием на собрании руководящих, оперативных и научных работников». Суды чести имели право объявлять следующие виды наказаний: общественное порицание, общественный выговор, передача дела следственным органам для направления в суд в уголовном порядке. Решение суда чести обжалованию не подлежало. Суды чести функционировали до конца 1949 года.

¹³ Кулаков Николай Михайлович (1908-1976) — вице-адмирал, с 1939 г. член военного совета Северного флота, в 1940-1943 гг. — член военного совета Черноморского флота, в 1944-1946 гг. — начальник Высших военно-политических курсов ВМФ, с 1946 г. — член военного совета — заместитель главнокома ВМФ по политической части, с 1950 г. — член военного совета Черноморского флота, в 1956-1971 гг. — начальник политотдела Кронштадтской крепости, Ленинградской военно-морской базы и военно-морских учебных заведений Ленинграда.

¹⁴ Чепцов А. А. — генерал-лейтенант юстиции, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР (1958).

¹⁵ Имеется в виду субботний день 31 января 1948 года, понедельник — 2 февраля.

*Публикация и комментарии
кандидата исторических наук
Р. В. КУЗНЕЦОВОЙ
при участии В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ
Фотошумки предоставлены
В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ*

(Продолжение следует)

Приказом Министра обороны
Российской Федерации
№ 135 от 5 сентября 1992 года
реализация функций учредителя
«Военно-исторического журнала»
возложена на Генеральный штаб
Вооруженных Сил РФ.

МИНИСТЕРСТВО ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
СВИДЕТЕЛЬСТВО	
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	
номер	01978
от	30 декабря 1992.
Название	"Военно-исторический журнал"
(на бланке прилагается 1 ксерокоп на отдельном листе)	
Форма оперативного распространения	журнал
Язык(и)	русский
Учредитель (соучредитель)	Министерство обороны Российской Федерации (Москва, ул. Шаповникова, 141).
	
Заместитель Министра печати и информации РФ	

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Переход от капитализма к социализму в результате Октябрьской революции и гражданской войны на территории бывшей царской России сопровождался острыми классовыми столкновениями.

Политика продразверстки, хотя и носила вынужденный характер, была отвергнута широкими крестьянскими массами, сопротивление которых экспроприаторским мероприятиям Советской власти приняло характер восстаний. В 1920–1922 гг. волнениями были охвачены Заволжье, Западная Сибирь, Левобережная и Правобережная Украина, Минская и Витебская губернии.

Мы расскажем только об одном из мощнейших крестьянских движений, которое не смогла обойти молчанием официальная историография в предшествующие годы, — восстании в Тамбовской губернии и прилегающих к ней территориях Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний в 1920–1921 гг.

Это крестьянское восстание имеет ряд особенностей. К примеру, оно в той или иной степени было подготовлено эсерами и имело свою руководящую структуру — «Союз трудового крестьянства» (СТК). Организаторы восстания выдвинули свою политическую программу, создали регулярную повстанческую армию, к которой по ходу развития событий присоединялись жители окрестных деревень и сел.

Восстание вспыхнуло в конце августа 1920 года в селе Каменка Сампурского уезда. Причин было более чем достаточно: еще в конце 1919 года прошли по Тамбовской губернии продотряды. Продразверстка, по плану которой из губернии в 1920 году намечалось вывезти 11 млн. пудов хлеба¹, была нередко равносильна голодной смерти крестьян многих волостей. Даже в докладе одной из многочисленных комиссий, посланных для выяснения причин неудачных действий против повстанцев в январе 1921 года, отмечалось: «Продовольственная кампания в Тамбовской губернии в 1919 и 1920 гг. не носила нормального характера»².

Продовольственное положение в ряде местностей Центральной России к 1920 году было действительно катастрофическим. Так, в докладе Главкома С. С. Каменева в октябре 1920 года говорится о толпах голодных крестьян в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях, просивших у местных властей выдачи хотя бы части зерна со ссыпных пунктов. Зачастую, как пишет С. С. Каменев³, «эти толпы расстреливались из пулеметов»⁴.

«Одним из факторов, ухудшающих отношение крестьян к Советской власти, были, как указывалось в сводках политотдела группы войск Тамбовской губернии, нетактичные, часто граничившие со злоупотреблениями действия ревкомов, занимающихся взяточничеством, пьянством и другими бесчинствами». Местные власти характеризовались как «неопытные и преступные»⁵. В ответ на это крестьяне поджигали сельсоветы, убивали советских работников и местных партийных руководителей. Вначале восстание носило ограниченный характер. Плохо вооруженные крестьянские отряды осуществляли налеты на волостные исполкомы и железнодорожные разъезды. Губернскому военкому С. Н. Шикинову казалось, что восстание удастся подавить небольшими силами, при-

меня жестокие меры против «бандитских» сел и деревень.

Части Красной Армии в Сампурском уезде насчитывали к концу августа около 1500 штыков, 500 сабель, 10 пулеметов и 2 орудия.

Вот фрагменты приказа командующего войсками Тамбовской губернии С. Н. Шикунова, отданного в начале сентября 1920 года:

«Наша задача — окончательное уничтожение банд противника, конфискация всего скота и имущества у крестьян, замешанных в пособничестве бандам... Отряду, действующему против с. Коптево, энергичным наступлением через Кензарь овладеть с. Коптево, конфисковать весь скот, отобрать инвентарь, хлебные припасы и вообще продовольствие... зажечь с. Коптево с четырех сторон, самим же отойти в Кензарь... Уничтожить банду в Новосильске, конфисковать скот, хлеб и все продовольствие. Хлеб и все продовольствие отправить на подводах в Тамбов»⁵.

Приказ, подписанный начальником штаба группы войск Тамбовской губернии К. В. Бриммером, тоже заслуживает внимания: «...вследствие того, что села Новосильское, Коптево и Кензарь сожжены и фуражировки в полной мере сделать не удалось, а только захватили (то), что возможно было донести, приказываю: в районе деревни Периксы и Кензарь произвести усиленную фуражировку в полной мере за то, что Кензарь и Периксы поголовно участвовали в восстании...»⁶

Вряд ли можно придумать лучший способ агитации против Красной Армии и Советской власти, чем этот. Ограбленным, оставшимся без крова крестьянам не оставалось ничего, кроме борьбы с теми, кто лишил их всего нажитого нелегким трудом имущества.

Тем не менее, начав свою деятельность с жесточайших репрессий, ни С. Н. Шикунов, ни сменившие его на этом посту Ю. Ю. Аплот и К. В. Редзько не прекращали их, считая, что с «бандитизмом» можно справиться только такими методами. Превосходящие в технике и вооружении войска нанесли ряд поражений плохо вооруженным повстанцам.

Однако свести на нет повстанческое движение только посредством боевых операций и репрессий было невозможно из-за сочувствия ему местного населения. Крестьяне предупреждали повстанцев о приближении крупных отрядов Красной Армии, помогали продуктами и пополняли их ряды.

Причем, как указывалось в докладе уже упомянутой комиссии, неоправданная жестокость, репрессии, уничтожение деревень, ставшее системой при командовании Ю. Ю. Аплота, все более и более озлобляли

население. Разумеется, не были агнцами божьими и повстанцы, уничтожившие в период с сентября по декабрь 1920 года 800 коммунистов и около половины всех местных чекистов.

В декабре 1920 года была создана регулярная партизанская армия, имевшая около 20 полков, сведенных в 4-5 дивизий. До 5 марта 1921 года повстанцами командовал Токмаков, один из соратников Антонова, а в последующем — сам Антонов. Энергичную агитацию против Советской власти среди населения и даже среди красноармейцев развернули губернский и уездные «Союзы трудового крестьянства». Под их влиянием повстанческое движение распространилось по всей губернии. Нередкими были случаи перехода красноармейцев на сторону повстанцев.

В конце ноября «Союз трудового крестьянства» разработал свою программу. Приводим ее текст:

«Союз трудового крестьянства ставит своей задачей свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, голода и позора, для уничтожения этой власти союз организует добровольческие отряды, ведет вооруженную борьбу, преследуя нижеследующие цели:

1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы.

2. Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни.

3. Всемирное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами.

4. Созыв Учредительного собрания по принципу равного всеобщего прямого тайного голосования, не предвешая его воли в выборе установления политического строя с сохранением права за избирателями отзыва представителей не выполняющих волю народа.

5. Впредь до созыва Учредительного собрания установление временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавшими в борьбе с коммунистами.

6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний.

7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме, принятого и утвержденного бывшим Учредительным собранием.

8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы.

9. Регулирование цен за труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства.

10. Частичная денационализация фабрик и заводов, крупная промышленность, каменноугольная и металлургическая, должна находиться в руках государства.

11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.

12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны.

13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.

14. Свободное самоопределение народов, населяющих бывшую Российскую империю.

15. Открытие широкого кредита для восстановления мелких сельских хозяйств.

16. Свободное производство кустарной промышленности.

17. Свободное преподавание в школе и всеобщее обучение грамоте.

18. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распущены до созыва Учредительного собрания и решения им вопросов о постоянной армии»⁸.

Это была программа демократизации экономической и политической жизни страны, многие положения программы были впоследствии использованы государством при введении нэпа.

В ноябре-декабре 1920 года боевые действия затихли. Одновременно вновь усилился террор против крестьян, осуществлявшийся чекистами и красноармейцами, особенно бойцами продовольственной бригады (была и такая). Ее части при крайне малой боеспособности «прославились» грабежами и насилиями не только в Тамбовской, но и в Воронежской, Курской и Орловской губерниях.

Нельзя не упомянуть и о другой особенности боевых действий того периода. Повстанцы весьма умело пользовались несогласованностью действий губернских командований, ускользая от преследования путем быстрого перемещения из одной губернии в другую.

Неспокойно было и в соседних губерниях: повстанческие отряды под командованием Вакулина (а после его гибели в бою 17 февраля — Попова) и Колесникова появлялись соответственно под Саратовом и Воронежем. В середине января 1921 года в ряде уездов Воронежской губернии вспыхнуло восстание, в результате чего создавалось, если верить командующему войсками Полковникову, критическое положение¹⁰.

2 января в Тамбов прибыл командующий Орловским военным округом Я. А. Скудре, который охарактеризовал войска, действовавшие в губернии, как деморализованные и разложившиеся. Для подавления восстания, считал Скудре, необходимо прислать свежие дисциплинированные полевые части, сменить командование и более гуманно отнестись к местному населению.

Вскоре из Белоруссии в Тамбов приехал новый командующий — бывший агроном,

бывший штабс-капитан А. В. Павлов. А с Украины прибыли 15-я кавдивизия, несколько стрелковых полков, два бронепоезда. Самолеты и бронепоезда поступили из других областей России.

Следует отметить, что Павлов в отличие от предшествовавших и последующих командующих войсками вел жестокую борьбу с мародерством и самовольными поборами, хотя, конечно, не мог полностью контролировать действия всех красноармейцев.

Первый бой с повстанцами оказался для нового командующего неудачным: 28 января в районе с. Инжавино кавполк под командованием Переведенцева вынужден был под ударом партизан отойти, в результате чего понес поражение стрелковый батальон¹¹.

7-8 февраля части тамбовской группы, имевшие к тому моменту 22 тыс. штыков, 4,5 тыс. сабель, 312 пулеметов, 44 орудия и 10 броневиков¹², начали наступление по сходящимся направлениям из районов Балашов — Новохоперск и Тамбов — Кирсанов.

Повстанцы потерпели ряд серьезных поражений в районе ст. Жердевка, Токаревка, Мучкап, с. Пановы Кусты. К 18 февраля их основные отряды были рассеяны, но Антонову и Богуславскому (командиру одной из дивизий в армии Антонова) удалось уйти в леса Моршанского уезда.

В самом конце февраля — начале марта 1921 года повстанцы осуществили ряд удачных налетов на отдельные гарнизоны. Так, например, отряд Селянского 1 марта захватил ст. Отхожая и, разоружив около двух рот красноармейцев, увез четыре орудия¹³. Затем объединенный отряд Токмакова, Антонова и Селянского численностью 5 — 5,5 тыс. человек при 15 пулеметах и 5 орудиях перешел границы губернии и направился в район г. Чембар (ныне г. Белинский Пензенской области). Этот поход, совершенный с целью расширения масштабов восстания, был ошибкой руководителей. Не имея такой поддержки, как на Тамбовщине, действуя в трех расходящихся направлениях (сердобском, чембарском и нижнеомовском) против превосходящих сил Красной Армии, партизаны потерпели с 6 по 17 марта тяжелые поражения, понесли значительные потери в людях (убит был и Токмаков) и в вооружении (3 орудия и 8 пулеметов). После этого они вернулись в Моршанский уезд, где укрылись в районе Рамзенских озер, недоступных в половодье.

Павлов планировал блокировать этот район, а затем и ликвидировать восстание, но отсутствие кожаной обуви у бойцов вынудило его приостановить боевые действия.

Не было спокойно и на остальной территории губернии. Вновь появился отряд Ко-

лесникова. Его внезапные налеты на станции Уварово, Отхожая и другие важные пункты вновь принесли повстанцам удачу.

11 апреля они совершили налет на станцию Рассказово (35 км восточнее Тамбова), где находились штаб 2-го боевого участка, штаб 2-го полка ВЧК, два батальона этого полка, полубатарея (два 76-мм орудия) и еще несколько воинских команд и отрядов. Гарнизон станции был застигнут врасплох. Партизаны овладели станцией и захватили одно орудие, 11 пулеметов, 300 снарядов, 70 тыс. патронов, а также 150 ведер спирта и 250 пленных, большую часть которых они вскоре отпустили¹⁴.

В начале мая на посту командующего армией по борьбе с бандитизмом А. В. Павлова сменил М. Н. Тухачевский. Остается только предполагать, что явилось причиной этого назначения. Возможно, Главкому и Реввоенсовету надоели рапорты Павлова о плохом снабжении войск. Может быть, и методы борьбы прежнего командарма кое-кому показались чересчур мягкими. Скорее же всего решающим фактором стали разногласия между ним и председателем полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антоновым-Овсеенко. Сыграло, видимо, свою роль и то, что незадолго до этого Тухачевский успешно, хотя и отнюдь не малой кровью, подавил Кронштадтский мятеж.

Тем временем в губернию были дополнительно переброшены 10-я стрелковая дивизия, кавбригада Г. И. Котовского, 46-я бригада 16 сд, лагерный сбор военных школ Московского и Орловского ВО, среди которых была рота химических курсов. Общая численность армии по борьбе с бандитизмом достигла к 15 мая 56,5 тыс. человек (из них 35 тыс. штыков, 8,5 тыс. сабель, более 1,5 тыс. артиллеристов). На ее вооружении было 168 пулеметов, 103 орудия, 21 бронемашина, 18 самолетов, пять бронепоездов и семь бронелетучек¹⁵.

23-25 мая в губернии развернулись ожесточенные боевые действия, продолжавшиеся более месяца. Именно в тот период была введена практика взятия в заложники семей восставших крестьян и высылки их в северные губернии. Число высланных до сих пор не подсчитано. Однако оно наверняка было немалым, поскольку в конце июня только в концлагерях на территории губернии находилось около 50 тыс. повстанцев и членов их семей¹⁶.

Основные силы партизан были разгромлены 5-19 июня у реки Ворона, когда сводная группа Уборевича (две кавбригады и бронеотряд) настигла отряды Богуславского и Антонова. Потерпели поражение и отряды Селянского, Кузнецова и других формирований.

Я не буду цитировать приказ полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня

1921 года, поскольку он уже увидел свет в книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России». Приведу другой, подобный ему, подписанный Тухачевским. Он не требует, по-моему, комментариев.

«... Участники белобандитских шаек, партизаны, бандиты, сдавайтесь! Или будете беспощадно истреблены. Ваши имена известны. Ваши семьи и все ваше имущество объявлено заложниками за вас. Скроетесь в деревне — вас выдадут соседи. Если у кого ваша семья найдет приют, тот будет расстрелян и семья того будет арестована... Если укроетесь в лесу — выкурим. Полномочная комиссия решила удушливыми газами выкуривать банду из лесов...»¹⁷.

Приказ этот, похоже, не был просто угрозой. Ведь сам Тухачевский в своей «Инструкции по борьбе с бандитизмом» писал, что никогда не следует угрожать тем, чего не можешь выполнить, а уж если угрожаешь, то надо все угрозы проводить в жизнь вплоть «до жестокости»¹⁸.

В это же время освобождается от всех нарядов рота химических курсов, а 20 июня в Тамбов из Москвы по прямому проводу было передано следующее: «Комиссия по борьбе с бандитизмом постановила предложить тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и в случае полной обеспеченности успеха»¹⁹.

К концу июля Тухачевский потопил в крови восстание в Тамбовской губернии, лишь отдельным небольшим группам удалось уйти в леса в Моршанском и Борисоглебском уездах. В декабре 1921 года были расформированы тамбовское и воронежское губернские командования²⁰.

Многие тысячи убитых, несколько десятков тысяч сосланных в отдаленные районы России — вот результат репрессий только в одной губернии против крестьянства, пытавшегося защитить свои права.

П. А. АПТЕКАРЬ

Помещенные далее архивные документы расширяют и дополняют авторский текст.

П Р И К А З № 1

Командующего всеми вооруженными силами Тамбовской губернии

22 января 1921 года

Безумное восстание, руководимое Антоновым и увлекшее зеленую молодежь и авантюристов всех сортов, будет подавлено самыми решительными и суровыми военными мерами.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Всему населению губернии перейти к мирному труду в твердом сознании, что только Советской власти — власти трудящихся под силу разрешить наблевшие вопросы — разруху в стране, вызванную долгой войной и контрреволюционными выступлениями внутри страны.

2. Точно и неуклонно выполнять все распоряжения советских органов власти на местах, во всех случаях оказывая ей полное содействие.

3. Все оружие — пулеметы, винтовки, револьверы всех систем, патроны, снаряды и запасные части к оружию — немедленно сдать под расписку ближайшей войсковой части. В случае обнаружения по истечении трех дней по опубликовании этого приказа имущество домохозяина, у кого будет найдено все выше переименованное вооружение, будет конфисковано, а глава дома заключен в военный лагерь на принудительные работы.

4. Всем, принимавшим участие в восстании, явиться с повинной в ближайшие воинские части для регистрации, после чего они будут отпущены по домам с предупреждением, что при повторении с их стороны новых выступлений они, как враги трудового народа, будут объявлены вне закона.

5. О всех случаях появления отдельных бандитов в селах и деревнях или их шаек немедленно давать сведения ближайшей войсковой части.

6. Всех заведомых воров, конокрадов, неисправимых бандитов и вообще порочный элемент, нарушивших спокойную жизнь, выселять из деревень и сел, составив об этом мирской приговор, и препроводить их всех с документами в войсковую часть для выселения из пределов губернии на долгое время.

7. Всем кулакам, попам, бывшим помещикам, кабатчикам, лавочникам, офицерам и лицам интеллигентных профессий, примазавшимся к крестьянам, как злостный нарост, помнить, что вся сила репрессий при малейшей попытке нарушить спокойствие в крае может обрушиться на них.

Всем зараженным бандитизмом селам твердо помнить, что в случае повторения выступления тех или иных сел все мужское население этих мест известных возрастов будет поголовно выселено и заключено в концентрационные лагеря на долгий срок.

Приказ вывесить на всех видных местах.

Приказ вводит в силу со дня опубликования.

Старшим начальникам принять все меры к широкому распространению настоящего приказа.

Командующий войсками (подпись) ПАВЛОВ

Начштаба (подпись) НЕВЕЖИН

К о п и я
С р о ч н о

НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА РА П О Р Т

1). 27-го сего мая зарегистрировался и сделал доклад начальник агитпункта при Кирсановском лагере тов. Сморнов Михаил.

Кирсановский лагерь находится в стадии организации; расположен в 1/2 версты от города вблизи кавалерийских казарм. Вместимость лагеря приблизительно 3000 человек. Палатки и принадлежности получены; работа тормозится неимением нужного количества строительного материала, как-то: столбов, тесу, гвоздей и прочее.

Колючая проволока для ограждения еще не

получена, но обещана не позднее 28-го сего месяца.

Охраны пока нет, но по окончании оборудования лагеря обещано дать одну роту по первому требованию.

Штат сотрудников набран наполовину.

Комендант лагеря тов. Елисеев назначен на эту должность кирсановским увоенкомом; военком лагеря — тов. Бокарев.

По словам докладчика, работа для них новая, необходимы инструкции и указания. На месте ничего не знают и не имеют никаких распоряжений, откуда будут получать продовольствие для заключенных, а также сотрудников.

Многу даны указания, за исключением вопроса о довольствии.

2). 27-го сего мая зарегистрировался и сделал доклад военком Козловского концентрационного лагеря тов. Сазонов Петр.

Лагерь расположен вблизи города, вместимостью до 1200 человек, и находится в состоянии окончания работ по оборудованию: получены 994 палатки с принадлежностями, установлены провололочные заграждения, а также два котла и два кипятильника.

Из штата сотрудников налицо 32 человека.

Комендант лагеря — тов. Бонарев (беспартийный), по словам докладчика, очень слаб по работе и трус.

На месте расположения лагеря имеются два деревянных барака, вместимостью приблизительно на 800 человек, причем в одном из них будут размещены охрана, канцелярия и сотрудники.

Если на днях, как обещано, будет дано освещение и охрана, лагерь может быть готов к приему осужденных к заключению.

Докладчик особенно отметил неимение у них никаких инструкций: как в каких случаях поступать и чем руководствоваться, т. к. работа для них совершенно новая и они имеют о ней лишь слабое представление.

Тов. Сазонову многу были даны указания и предложено за содействием в случае надобности и для скорейшего оборудования лагеря обращаться в особое отделение особого отдела.

3). 27-го сего мая зарегистрировался и сделал доклад делопроизводитель Инжавинского лагеря тов. Якушинский Петр.

Инжавинский лагерь расположен в 1/4 версте от станции железной дороги, вместимостью 500 человек, и находится в стадии формирования.

Получены 248 палаток, веревки и колья, вырыты 44 ямы из 180 и привезены 20 столбов также из 180.

Работа по оборудованию тормозится недостаточным количеством предоставленных волревкомом рабочих-землекопов и подвод для подвоза строительных материалов.

Для постройки лагеря присланы 11 человек плотников.

Комендантом лагеря губернским военкомом назначен тов. Чуняев.

Охрана еще не дана. Нет также лошадей, повозок, кухонь и пишущей машинки для канцелярии.

Из штата сотрудников налицо 12 человек.

Лагерь не имеет никаких сведений, как и откуда будут довольствоваться заключенные и сотрудники.

4). Комендант вновь образованного Тамбовского лагеря до сего времени не является и

никакого доклада мне не делал, хотя мой заместитель тов. Матвеев отдал ему распоряжение явиться и представить доклад.

В заключение для более успешной работы прошу:

а) срочно утвердить выработанную мною инструкцию комендантам лагерей;

б) сделать распоряжение особым отделением и особым пунктам об оказании всяческого содействия комендантам лагерей в деле организации лагерей и получения охраны и довольствия.

Заведующий губернским управлением
принудительных работ (подпись)

С подлинным верно: делопроизводитель

Копия директивы № 0050/сг
Тамбов, 30 мая 1921 года, 23 ч 55 мин

С рассветом 1-го сего июня приказываю приступить во всех участках к массовому изъятию из сел бандитов, а где таковых не окажется, их семей. Эта операция должна проводиться настойчиво и методически, но вместе с тем быстро и решительно. Изъятие бандитского элемента не должно носить случайного характера, а должно определенно показать крестьянству, что бандитское племя и семья неукоснительно удаляется из губернии и что борьба с Советской властью безнадежна. Изъятие бандитского элемента и насаждение советских органов должно быть в первую очередь проведено в следующих районах, прочно занятых нашими войсками. Первое: Пересыпкино, Гавриловка. Второе: Иноковка. Третье: Козьмодемьянское, Карай-Салтыково, Подъячевка. Четвертое: Каравайня-Грушево, Ржевитино, Козьмодемьянское. Пятое: Разказово. Шестое: Бахаревка, Бакарево, Верхоценье. Седьмое: Бычки, Пахотный Угол, Базыванье. Восьмое: Выселки Енгуразовские, Охлябинино, Татаново. Девятое: Дубровка, Андреевка, Куньи

Липяги. Кроме того, начособотдела своими средствами очистить окрестности г. Тамбова.

Войскам и всем без исключения работникам напрячь все силы и провести операцию с подъемом и воодушевлением. Поменьше обывательской сентиментальности, побольше твердости и решимости. Надо помнить, что в искоренении бандитских корней кроется автоматическое умирание бандитских шаек.

В очищаемых местах вместе с ревкомом немедленно насаждать милицию. Не допускать грабежей со стороны воинских частей. Последовательность и железная дисциплина обеспечит успех. О получении сего и распоряжении донести. НР 0050/сг

Командвойск ТУХАЧЕВСКИЙ
Наштавойск КАКУРИН

С под. верно: пом. начштаба особгруппы

1 Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 6, оп. 4, д. 491, л. 7.

2 Там же, ф. 7, оп. 2, д. 483, л. 8.

3 Там же, ф. 6, оп. 12, д. 194.

4 Там же, ф. 235, оп. 1, д. 98, лл. 13, 20.

5 Там же, оп. 2, д. 56, л. 6.

6 Там же, л. 8.

7 Там же, д. 11, лл. 16, 36.

8 Там же, оп. 1, д. 29, л. 75.

9 Там же, ф. 25887, оп. 1, д. 23, лл. 11, 14.

10 Там же, д. 514, л. 16.

11 Там же, л. 60.

12 Там же, ф. 9, оп. 8, д. 177, л. 41; ф. 7, оп. 2, д. 403.

13 Там же, ф. 5, оп. 1, д. 171, л. 30.

14 Там же, ф. 25887, оп. 1, д. 411, л. 186.

15 Там же, ф. 235, оп. 2, д. 258, л. 279 об.

16 Там же, оп. 5, д. 133, л. 70.

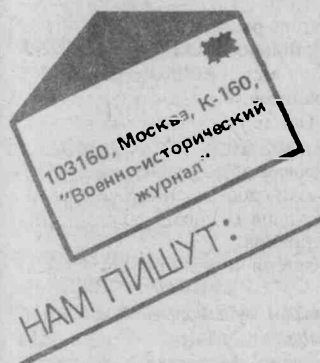
17 Там же, ф. 235, оп. 2, д. 13, л. 19.

18 Там же, д. 16, лл. 1, 2.

19 Там же, д. 82, л. 40.

20 Там же, ф. 25887, оп. 1, д. 392, л. 152.

(Окончание следует)

В газете «Костромской край» от 24 октября 1992 года я прочитала, что в «Книгу памяти» будут внесены и фамилии воинов, погибших осенью 1956 года в Венгрии. Эта же газета перепечатала из «Военно-исторического журнала» список костромичей, погибших на венгерской земле. Однако имени моего брата — Меньшикова Павлина Дмитриевича — в списке не оказалось, хотя он уроженец Костромской области и погиб 8 ноября 1956 года в Венгрии. Похоронен в братской могиле на кладбище советских воинов в г. Кечкелеме. В похоронном извещении было сказано, что он представлен к правительственной награде, но ее мы не получали.

В. Д. ГРЕЧИНА
(Кострома)

От редакции. В статье подполковника А. М. Кырова «Забудет ли Отечество погибших десантников?» (Военно-исторический журнал. — 1992. — № 6—7, 9) приводились данные о потерях, понесенных в Венгрии в 1956 году только воздушно-десантными войсками. Материалы, в которых будет рассказано о трагических судьбах советских воинов, участвовавших в послевоенных вооруженных конфликтах в Корее, Чехословакии, Вьетнаме, Афганистане и других странах, будут опубликованы в очередных номерах нашего журнала.

О МАСШТАБАХ РЕПРЕССИЙ

В КРАСНОЙ АРМИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В последнее время много говорится и пишется о размахе политических репрессий в Красной Армии и на Флоте накануне Великой Отечественной войны. При этом, как правило, свою аргументацию авторы подкрепляют цифрой из выступления К. Е. Ворошилова 29 ноября 1938 года на заседании Военного совета при наркомате обороны: «В ходе чистки Красной Армии в 1937-1938 годах мы вычистили более четырех десятков тысяч человек»¹.

Доктор исторических наук Г. А. Куманев в статье «22-го, на рассвете...» писал: «По архивным сведениям, только с 27 февраля 1937 года по 12 ноября 1938 года НКВД получил от Сталина, Молотова и Кагановича санкции на расстрел 38 679 военнослужащих. Если же к этим данным прибавить более трех тысяч уничтоженных командиров Военно-Морского Флота и учесть, что истребление военных кадров имело место и до 27 февраля 1937 года, и после 12 ноября 1938 года, то число безвинно погибших одних лишь военнослужащих командного состава приблизится к 50 тысячам, а общее количество репрессированных в армии и на флоте, несомненно, превысит и это число»².

В литературе можно также встретить сведения о том, что с мая 1937 года по сентябрь 1938-го в армии было репрессировано 36 761 человек, а на флоте — свыше трех тысяч³.

Как видим, данные о количестве жертв политических репрессий в Красной Армии разноречивы. Уточнить их позволила работа в архивах.

Изучение первичного архивного документа, на который ссылаются авторы цифрового сборника, показывает, что вероятнее всего это справка, составленная для заместителя наркома обороны Е. А. Щаденко.

Вот этот документ:

«Справка о числе уволенного комначполитсостава в 1937-1938 гг. Уволено из РККА:		
1937 г. —	20 643	(12 проц. к списочной численности),
из них арестовано	5811	(28,2 проц. к числу уволенных) (8,5 проц. к списочной численности),
1938 г. —	16 118	
из них арестовано	5057	(31,4 проц. к числу уволенных).

Начальник 6-го отдела УКНС РККА⁴
полковник Ширияев
19 сентября 1938 г.»⁵

Если мы сложим цифры уволенных из РККА, то получим 36 761 человек. То есть составители сборника, приводя эту цифру, исказили истину, зачислив уволенных из армии в число жертв политических репрессий и уничтоженных.

Данные о количестве уволенных из РККА были использованы Е. А. Щаденко в годовых докладах о работе Уп-

¹ Цит. по: Данилов В. Д. Советское Главное Командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. — 1988. — № 6. — С. 4.

² Правда. — 1989. — 22 июня.

³ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. (Цифровой сборник). — М.: Восницдат, 1963. — С. 11.

⁴ УКНС РККА — Управление командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

⁵ РГВА, ф. 37837, оп. 10, д. 142, л. 93.

равления по начальствующему составу РККА⁶. Причиной увольнения был не только арест, но и смерть, инвалидность и болезнь, а также пьянство, моральное разложение, исключение из ВКП(б). К тому же в то время под репрессией в уголовном праве понималось наказание, назначенное государством или от его имени судом.

Поэтому особый интерес представляют данные судебной статистики. Обра-

тимся к таблице, составленной на основе докладов о работе Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов, которые представлялись председателем Военной коллегии в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКО СССР, и сопоставим эти данные с содержанием докладов Генерального прокурора СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о состоянии правопорядка и законности в РККА.

Таблица 1

СУДИМОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАДРОВОГО СОСТАВА РККА⁷

Год	Число осужденных			
	Ком. нач. состав от среднего и выше	Младший ком. нач. состав	Рядовой состав	Всего
ВСЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ				
1936	376	740	2700	3816
1937	1559	1488	5634	8681
1938	1618	1420	5312	8360
1939	1277	1347	5203	7826
1940	1450	8192	28 885	38 527
в том числе:				
за контрреволюционные преступления				
1936	79	166	680	925
1937	957	578	2544	4079
1938	756	366	2010	3132
1939	365	98	636	1099
1940	61	160	1382	1603
за воинские преступления				
1936	40	113	1049	1202
1937	82	213	1769	2064
1938	109	260	1996	2365
1939	128	349	2799	3276
1940	1019	7119	24 891	33 029
за должностные и имущественные преступления				
1936	149	254	490	893
1937	327	513	980	1820
1938	599	629	978	2203
1939	597	593	1260	2450
1940	44	507	1544	2095

⁶ См.: Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 186-192.

⁷ Составлено по: РГВА, ф. 9, оп. 29, д. 383, лл. 19-20, 74-75; Архив Военной коллегии Верховного суда РФ, оп. 1, д. 1а, лл. 4-9, 44-47, 62-64; ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 540, лл. 108-109.

Год	Число осужденных			
	Ком. нач. состав от среднего и выше	Младший ком. нач. состав	Рядовой состав	Всего
за пьянство, хулиганство, дискредитацию власти и прочие преступления				
1936	112	110	176	398
1937	193	184	341	718
1938	156	176	328	660
1939	186	307	508	1001
1940	326	406	1068	1800

ПРИМЕЧАНИЕ. Данные за 1937 год приведены без учета так называемых участников «военно-фашистского заговора» и «правотроцкистских организаций», осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР. Резкий рост числа совершенных преступлений в 1940 году во многом объясняется крупными неудачами в ходе советско-финляндской войны.

Таким образом, в 1936-1940 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено 10 838 человек, из них 2218 военнослужащих среднего, старшего и высшего командно-начальствующего состава. Здесь мы должны учитывать, что эта цифра не полная, так как она не учитывает осужденных Особым совещанием НКВД СССР и другими внесудебными органами, статистика которых пока недостаточно исследована.

Попытаемся с помощью простейших математических вычислений восстановить эти данные. Предположим, что военнослужащие осуждались внесудебными органами с той же частотой, что и все граждане страны⁸. В этом случае получается, что в 1936-1940 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено и судебными, и внесудебными органами 9519 военнослужащих командно-начальствующего состава от среднего звена и выше.

Так как известно, кто из заключенных ГУЛАГа НКВД СССР каким органом осужден⁹, то можно проверить приведенные выше цифры. В результате элементарных математических вычислений получим: в 1937 году судебными и внесудебными органами

за контрреволюционные преступления было осуждено 1385 военнослужащих среднего, старшего и высшего командно-начальствующего состава, в 1938 году — 1506 человек, в 1939 году — 899, в 1940-м — 134, а всего в 1937-1940 гг. — 3924 человека.

Для проверки достоверности этих расчетов воспользуемся данными, приведенными в докладе Е. А. Щаденко. В 1937 году по причине ареста было уволено из армии 4474 человека, в 1938-м — 5032, в 1939-м — 73 человека (данные без ВВС)¹⁰. По Военно-Воздушным Силам за 1937-1939 гг. было уволено по разным причинам 5616 военнослужащих среднего, старшего и высшего начсостава и за этот же период восстановлено в кадрах РККА 892 человека этих категорий¹¹. Однако не все были осуждены по политическим статьям: нельзя же насильников, мародеров, самовольщиков и им подобных уголовников считать жертвами политических репрессий (см. табл. 1).

По данным Е. А. Щаденко, за 1937-1939 гг. в связи с арестом из РККА уволено 9519 человек, из них восстановлено за этот же период 1457 человек (данные без ВВС). Судебными органами за это же время осуждены 4454 человека командсостава, а всего — 8624 человека (по подсчетам на основе соотношения заключенных ГУЛАГа). Однопорядковость приведенных цифр свидетельствует об их высокой достоверности. Некоторые расхождения объясняются тем, что, во-первых, не все арестованные были осуждены, имелись среди них и оправданные; во-вторых, не все дожидались

⁸ За контрреволюционные преступления с 1921 года по 1 февраля 1954 года было осуждено 3 777 380 человек, из них 2,9 млн. (76,7 проц.) — внесудебными органами. (см.: Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и выславные. (Статистико-географический аспект) // История СССР. — 1991. — № 5. — С. 153).

⁹ Среди заключенных ГУЛАГа на 1 января каждого года осужденные судами и трибуналами составляли: в 1937 году — 6,9 проц.; в 1938 году — 50,2 проц.; в 1939 году — 40,6 проц.; в 1940 году — 45,5 проц. (см.: Земсков В. Н. ГУЛАГ (Историко-социологический портрет) // Социологические исследования. — 1991. — № 6. — С. 16).

¹⁰ Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 153.

¹¹ РГВА, ф. 29, оп. 56, д. 33, л. 210.

суда, многие умирали в ходе следствия (В. К. Блюхер, например); в-третьих, после осуждения некоторые были восстановлены в РККА (как, например, К. К. Рокоссовский).

При приеме С. К. Тимошенко должности наркома обороны 25 мая 1940 года председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих докладывал ему, что «в 1939 году число дел о невоеннослужащих, совершивших особо опасные государственные преступления (измена Родине, шпионаж, диверсии, террор), подлежащих рассмотрению в военных трибуналах окру-

тарю ЦК ВКП(б), что «в местах заключения содержится до 18 тысяч бывших военнослужащих, осужденных за такие воинские преступления, совершенные до начала войны, как самовольная отлучка, несвоевременная явка в часть и т. п.»¹³.

Проведенный анализ судебной статистики позволяет сделать вывод о том, что число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 раз меньше, чем приводят современные публицисты и исследователи. Более точные масштабы

Таблица 2

Меры наказания	1938 г.	1939 г.	1940 г.
ВСЕГО ОСУЖДЕНО	8360	7826	38 527
из них:			
— к высшей мере наказания	52	112	528
— к лишению свободы,			
в том числе	2201	3292	—
— до 3 лет			
— от 3 до 5 лет	2841	2283	17 053
— свыше 5 лет	2094	812	7733
— направлено в дисциплинарные батальоны	—	—	11 759
от 6 месяцев до 2 лет			
— прочие меры наказания, не связанные с лишением свободы	832	512	1454
— осуждено условно	340	842	—

Подсчитано по: Архив Военной коллегии Верховного суда СССР, оп. 1, д. 1а, л. 62; ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 540, л. 115.

гов, достигло очень значительных размеров. Всеми военными трибуналами РККА было осуждено в 1939 году 19 000 человек, причем за указанные выше преступления было осуждено 10 000 человек. В 1939 году было осуждено военнослужащих 7800 человек (1938 г. — 8300 чел.)¹². Мы видим, что цифры В. В. Ульриха округлены, то есть цифры в табл. 1 в целом верны.

Отдельно следует остановиться на мерах уголовного наказания военнослужащих (см. табл. 2).

Высокая достоверность данных судебной статистики подтверждается и документами ГУЛАГа. Так, 4 ноября 1941 года и. о. Генерального прокурора СССР Г. Сафонов докладывал секре-

репрессий против командно-политического состава армии и флота можно установить после изучения архивных документов внесудебных органов, которые должны храниться в архивах Министерства безопасности РФ (бывшего КГБ СССР).

*Генерал-майор юстиции
А. Т. УКОЛОВ,
заместитель председателя
Военной коллегии
Верховного суда
Российской Федерации;
подполковник В. И. ИВКИН,
адъюнкт Гуманитарной академии
Вооруженных Сил Российской
Федерации*

¹² Там же, ф. 4, оп. 14, д. 2678, л. 131.

¹³ ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 539, л. 3.

*Строго секретно
Хранить на правах шифра
Снятие копий воспрещается*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Андреев¹). Слово имеет тов. Ворошилов.

ВОРОШИЛОВ. Товарищи! Доклады гг. Молотова и Кагановича, вчерашнее выступление тов. Ежова со всей ясностью, как прожектором, осветили подрывную работу наших классовых врагов и показали, как глубоко проникли они в поры нашего социалистического хозяйства и государственного аппарата...

Разрешите перейти теперь к военному ведомству. Лазарь Моисеевич перед тем, как я пошел на трибуну, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать, это очень интересно». (Общий смех). Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, и совсем не потому, что я не люблю самокритики, — особенно больших любителей самокритики, впрочем, среди всех нас немного найдется (смех), — я тоже не особенный, так сказать, любитель, но я большевик, член ЦК, и мне не пристало бояться нашей партийной критики.

Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько особое. И потому, что я представляю армию, — это имеет «кое-какое» значение, — и потому, что в армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю «к счастью», надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного.

Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей. Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимавшие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно небольшой группы вскрыты также отдельные небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата. Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно. Нет, совсем не исключено, что в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем...

Товарищи! Не взыщите, если я сделаю самый короткий экскурс в недалекую нашу историю, для того чтобы было понятнее, откуда появились в Красной Армии эти мерзкие предатели, арестованные сейчас органами НКВД.

Троцкий еще в 1920-1921 гг., когда он пошел открытым походом на Ленина, на нашу партию, пытался опереться на кадры армии. Он считал тогда, что имеет в армии прочную базу и достаточное количество своих сторонников, чтобы начать бой с

нашей партией по всем правилам военного искусства.

На этом этапе своей вражьей вылазки против партии и Ленина Троцкий был бит. Но он не сложил оружия, а повел углубленную подрывную работу. И к 1923 году ему удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии.

В 1923-1924 гг. троцкисты имели за собой, как вы помните, — об этом помнить следует, — почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа ВЦИК, артиллерийская школа, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого.

ГАМАРНИК. И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого.

ВОРОШИЛОВ. Правильно. Троцкий пошел тогда в атаку на больного Ленина, а фактически на тов. Сталина. Но усилиями настоящих большевиков, главным образом тов. Сталина, Троцкий и на этом этапе был разбит наголову.

Нелишне напомнить, товарищи, потому что многие присутствующие здесь в то время не были членами ЦК ВКП(б), что в тот момент, когда в конце 1923-го и начале 1924 года Троцкий попытался нанести предательский удар нашей партии, Красной Армии как боевой вооруженной силы, способной вести войну с внешним врагом, не существовало. Троцкий, будучи тогда еще Наркомвоенмором, и его агентура в армии и вне ее больше всего думали не об армии и задачах, стоящих перед нею, а о том, как бы поудобнее рассадить своих людей для свержения партийного и государственного руководства. Если вы развернете протоколы ЦК ВКП(б) за февраль и апрель 1924 года, то из доклада тов. Гусева — председателя спец. комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), созданной для изучения вопросов текучести и состояния армии, выступлений тов. Сталина и других товарищей узнаете о полном развале Красной Армии. Армии как боеспособной силы в то время не существовало. Это было единодушное мнение всех военных чекистов и ответственных военных работников. Того же мнения были все командующие военными округами. Зато в армии сложились крупные группы троцкистов, которые, используя свое служебное положение, вели ожесточенную дикую борьбу с партией и ее руководством. При жизни Ленина Троцкий в роли Наркомвоенмора дважды пытался свергнуть партийное руководство, навязать партии свою политическую линию и руководство и оба раза был беспощадно бит. Но он и не думал складывать оружия, особенно после смерти великого Ленина.

В 1925-1927 гг. Троцкий во главе своей окончательно сложившейся организацион-

* Публикуется с сокращениями.

но и квалифицированной качественно группы в последний раз пошел на партию. К этому времени все военные гарнизоны были твердо за партию и против Троцкого. Только Ленинград представлял исключение. Тогдашнее ленинградское партруководство — Зиновьев и его присные Евдокимов, Бакаев, Залуцкий и другие изменили партии. Они пошли за контр-революционером Троцким. В этот последний раз, когда Троцкий вместе со своими новыми подручными Зиновьевым и Каменевым¹⁴ был не только побит, но и выброшен из наших рядов, как открытый враг, он оставил и в стране, и в армии кое-какие кадры своих единомышленников. Правда, количественно эти кадры были мизерны, но качественно они представляли известное значение. Вот к этим кадрам относятся и те господа, которые ныне себя снова проявили в армии уже по-новому, как открытые, подлые враги, как наемные убийцы. Что представляют собой эти изменники и предатели персонально, кто они такие? Это, во-первых, комкоры Примаков и Путьна — оба виднейшие представители старых троцкистских кадров. Это, во-вторых, комкор Туровский¹⁵, который, не будучи в прошлом троцкистом, тем не менее, невзирая на отрицание пока своей виновности, очевидно в скрытом виде, тоже является сочленом троцкистской банды.

Далее идут комдивы Шмидт¹⁶ и Саблин¹⁷ комбриг Зюк¹⁸, полковник Карпель¹⁹ и майор Кузьмичев²⁰.

Следовательно, к настоящему времени в армии арестовано 6 человек комсостава в «генеральских чинах»: Примаков, Путьна, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюк и, кроме того, полковник Карпель и майор Кузьмичев. Помимо этой группы командиров арестовано несколько человек инженеров, преподавателей и других лиц начальствующего состава «рангом и калибром» пониже...

Вся деятельность этих фашистских бандитов сконцентрирована на том, чтобы создавать в армии группки и ячейки, вылавливать отдельных недовольных лиц и вербовать их на свою сторону. План этих предателей столь же прост, сколь и мерзок. С одной стороны — готовить террористические акты над членами ЦК и правительства и, если представится случай, приводить их в исполнение, с другой стороны — ждать войны, ждать наиболее острого момента для государства, чтобы потом путем измены, подлого предательства и провокации помогать врагу против своей Родины и армии.

Отсюда нужно сделать соответствующие выводы, извлечь, как здесь все товарищи правильно говорили, нужные уроки. Я уже говорил и еще раз повторяю: в армии арестовали пока небольшую группу врагов; но не исключено, наоборот, даже наверняка и в рядах армии имеется еще немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов. Во всяком случае, для того чтобы себя обезопасить, чтобы Красную Армию — этот наиболее деликатный инструмент, наиболее чувствительный и важнейший государственный аппарат — оградить от проникновения подлого и коварного врага, нужна более серьезная и, я

бы сказал, несколько по-новому поставленная работа всего руководства в Красной Армии.

Мы без шума — это и не нужно было — выбросили большое количество негодных людей, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, и всякого подозрительного, недоброкачественного элемента. За время с 1924 года, с того времени, как Троцкий был изгнан из армии, — за это время вычищено из ее рядов большое количество командного и начальствующего состава. Пусть вас не пугает цифра, которую я назову, потому что сюда входят не только враги, но и всякая малопригодная для армии публика и некоторая часть хороших людей, подлежавших сокращению. За 12 лет уволено из армии около 47 тысяч человек начсостава. (За то же время призвана в армию из запаса 21 тысяча человек.) Только за последние три года — 1934-1936 [гг.] включительно — уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадежных, около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч человек как явные оппозиционеры.

Причем, — я должен об этом сказать, товарищи, — и я, и мои ближайшие помощники проводили эту работу с достаточной осторожностью. Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции. Я считаю необходимым и правильным — так учит нас тов. Сталин — всегда самым подробнейшим образом разобраться в обстоятельствах дела, всесторонне изучить и проверить человека и только после этого принять то или другое решение.

Частенько бывают у меня разговоры с органами тов. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной Армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист. Но, невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить.

Товарищ Сталин неоднократно говорил и часто об этом напоминает, что кадры решают все. Это — глубокая правда. Кадры — все! А кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которым тов. Сталин уделяет колоссально много времени и внимания, являются особыми кадрами. Мы должны постоянно и упорно работать над тем, чтобы эти кадры увеличивать численно и улучшать качество, чтобы непрерывно повышались их специальные знания и их политическая стойкость и ценность.

Армия располагает по штату 206 тысячами человек начальствующего состава, из которых 107 тысяч командиров, а остальные — это политсостав, инженерно-технический, медицинский, ветеринарный, административно-хозяйственный и прочий начальствующий состав. Этот огромный человеческий массив требует к себе очень большого, серьезного и постоянного вни-

мания со стороны руководящих органов армии.

Как мы готовим наши кадры, как мы с ними работаем? Я об этом обязан вам сказать, чтобы не создалось впечатления, что в Красной Армии так плохо, что нужны какие-нибудь сверхординарные и срочные меры. В Красной Армии, конечно, есть много недочетов и недостатков, но армия обладает такими кадрами командного и начальствующего состава, которые обеспечивают ей не только нужную боеспособность, но и преданность и верность нашей партии и пролетарскому государству.

Готовим мы наши кадры усиленно и в большом количестве. Армия имеет 12 академий и 1 ветеринарный институт с 11 тысячами слушателей, 75 военных школ, в которых обучается 65 тысяч курсантов и слушателей. За 12 лет школы дали армии 134 700 человек командиров и разных начальников — теперешних лейтенантов, военотехников и пр. Академии за тот же период дали армии 13 тысяч командиров, инженеров и других специалистов.

Как видите, Красная Армия укомплектована командным и начальствующим составом неплохо. Но над этим командным составом необходимо работать еще очень много, работать непрерывно, умело и организовано. Мы знаем немало фактов, когда неплохо подготовленные в военном отношении, честные и долгое время находившиеся в армии люди вследствие нашей нерадивости, вследствие того, что мы ими не занимались и упускали их из поля зрения, портились, становились никудышними и даже вредными. Мы провели вместе со всей партией в 1933-1934 гг. чистку партийного состава Красной Армии. В армии — как многие из секретарей обкомов и нацкомпартий это знают — был, пожалуй, наименьший процент вычищенных...

КОСИОР²⁴. Так и должно быть.

ВОРОШИЛОВ. Правильно, потому что страна дает армии лучших людей. Если бы мы имели такие же результаты по чистке парторганизаций РККА, какие имелись в гражданских ячейках, — это было бы плохо, потому что мы имеем отборных во всех отношениях людей. Хотя мы и имеем, казалось, незначительный процент вычищенных, все же в абсолютных цифрах вычищено довольно много — 3328 человек, из которых за троцкизм и контрреволюционную агитацию — 555 человек. Из этих 555 человек было уволено сразу же из армии 400 человек. При обмене партдокументов исключено из партии, как бывших троцкистов и зиновьевцев, 244 человека.

Из числа бывших троцкистов и зиновьевцев и исключенных в разное время из партии оставлено в армии 155 человек. Кроме того, в армии находятся на различных должностях 545 человек бывших участников антипартийных группировок, получивших новые партбилеты. Всего, таким образом, в армии имеется без партбилетов и с партбилетами бывших троцкистов, зиновьевцев и правых 700 человек. Этих людей мы знаем, все они находятся под нашим непосредственным наблюдением. Однако последние события показывают,

что этот народ нужно взять под еще более тщательный контроль и партийное наблюдение.

Я уже говорил, что из 206 тысяч начальствующего состава 107 тысяч падает на командиров. 67 проц. командного состава — партийцы и, кроме того, около 8 проц. — комсомольцы.

Из 107 тысяч командиров: бывших рабочих — 50 942 человека, или 47,5 проц.; с законченным военным образованием — 96 390 человек, или 90 проц. всего командного состава.

Военно-технический состав. Здесь мы имеем свыше 60 проц. членов партии, почти 15 проц. комсомольцев. Бывшие рабочие составляют почти 65 проц. всего военнотехнического состава. Свыше 90 проц. военнотехнического состава имеет законченное специальное образование.

Военно-политического состава в армии 22 тысячи, все 100 проц. — члены партии, 58 проц. — бывшие рабочие, 50 проц. политсостава имеют законченное военное или политическое образование. Тут многое еще не сделано. Признать нормальным положение, когда 50 проц. политсостава не имеют военной или политической подготовки, нельзя, тем более что этим людям приходится вести постоянно ответственную политическую работу среди рядового и начальствующего состава...

Теперь больше, чем раньше, должно быть уделено внимания воспитанию кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы обязаны упорно и умно работать над тем, чтобы возможно большее число беспартийных командиров и начальников сделать подлинными большевиками. Нужна упорная, хорошо продуманная работа над непрерывной политической, классовой, партийной шлифовкой кадров армии. Кадры армии должны быть на все 100 проц. сознательными, большевистски твердыми, сталински верными. Мы, однако, не можем не допускать беспартийных в кадры Красной Армии. Беспартийные есть и будут оставаться в кадрах армии в значительном проценте. Но ни один беспартийный командир не может, не должен быть безразличным к советскому строю, власти, социализму. Мы не можем допустить, чтобы беспартийный начальствующий состав был аполитичен. Впредь мы не допустим, чтобы беспартийный командир был безразличен к тому, что делается вокруг него, чтобы он не знал, не интересовался нашей партией, ее задачами и стремлениями, чтобы он не являлся активным участником социалистического строительства. Если будут появляться беспартийные с маской аполитичности, безразличия, стало быть, это полувраги или агенты врага.

Красная Армия и теперь занимается не только военной учебой. Она ведет большую работу по политическому воспитанию командных и рядовых кадров. Мы и впредь обязаны еще усиленнее и более продуманно, тов. Уборевич²⁵, — это вы должны все запомнить, — работать по воспитанию бойцов и командиров в марксистско-ленинско-сталинском духе, добиваться, чтобы красные бойцы и командиры были действи-

тельно знающими, стопроцентными большевиками. Это основной и главный залог, первое условие, могущее гарантировать нас от проникновения врагов в ряды нашей армии...

*Публикацию подготовил
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат исторических наук*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Андреев Андрей Андреевич (1895-1971) — секретарь ЦК ВКП(б) в 1935-1946 гг. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932-1952 гг.

² Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969) — Маршал Советского Союза, народный комиссар обороны СССР в 1934-1940 гг. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926-1960 гг.

³ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986) — председатель Совета Народных Комиссаров СССР в 1930-1941 гг., одновременно в 1930-1937 гг. председатель Совета Труда и Обороны СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926-1957 гг.

⁴ Каганович Лазарь Моисеевич (1893-1991) — народный комиссар путей сообщения СССР в 1935-1937 гг., член Комиссии партийного контроля в 1934-1939 гг. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-1957 гг.

⁵ Ежов Николай Иванович (1895-1940) — генеральный комиссар государственной безопасности. В 1935-1939 гг. председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно в 1936-1938 гг. народный комиссар внутренних дел СССР. В 1934-1939 гг. член Оргбюро ЦК ВКП(б). Расстрелян 4 февраля 1940 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Не реабилитирован.

⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) — в 1918-1925 гг. народный комиссар по военным и морским делам и председатель РВС СССР (до 1923 г. — РСФСР). В 1929 г. выслан за границу, в 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в пригороде г. Мехико в результате покушения.

⁷ Гамарник Ян Борисович (1894-1937) — армейский комиссар I ранга, начальник Политуправления РККА в 1929-1937 гг., одновременно в 1934-1937 гг. первый заместитель наркома обороны СССР. 13 марта 1937 г. назначен уполномоченным Наркомата обороны СССР при СНК РСФСР, а 20 мая 1937 г. — членом военного совета Среднеазиатского военного округа. Покончил жизнь самоубийством 31 мая 1937 г. Реабилитирован в 1955 г.

⁸ Муравов Николай Иванович (1877-1937) — в 1921-1924 гг. командующий войсками Московского военного округа. В 1927 г. исключен из ВКП(б). В момент ареста 23 февраля 1936 г. начальник сельхоздела УРСа комбината «Кузбассуголь». Реабилитирован в 1963 г.

⁹ Гусев (Драбкин) Сергей Иванович (1874-1933) — в 1923-1927 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Похоронен на Красной площади в Москве.

¹⁰ Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (Евсей-Гершен Аронович) (1883-1936) — в 1917-1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, одновременно в 1919-1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Репрессирован: в октябре 1932 г. по постановлению коллегии ОГПУ осужден к ссылке; 16 декабря 1934 г. арестован; Военной коллегией Верховного суда СССР 16 января 1935 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, а 24 августа 1936 г. — к расстрелу. Реабилитирован в 1988 г.

¹¹ Евдокимов Григорий Еремеевич (1884-1936) — с 1922 г. председатель Петроградского совета профсоюзов. В 1925 г. секретарь Ленинградского комитета партии. В декабре 1934 г. арестован; 16 января 1935 г.

Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 8 годам тюремного заключения, а 24 августа 1936 г. — к расстрелу. Реабилитирован в 1988 г.

¹² Бакаев Иван Павлович (1887-1936) — после Октябрьской революции на партийной и советской работе в Ленинграде. До ареста 9 декабря 1934 г. управляющий «Главэнергосетью». Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 8 годам тюремного заключения, а 24 августа 1936 г. — к расстрелу. Реабилитирован в 1988 г.

¹³ Залуцкий Петр Антонович (1887-1937) — в 1924-1925 гг. секретарь Ленинградского губкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В декабре 1934 г. арестован, особым совещанием НКВД СССР 16 января 1935 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения; Военной коллегией Верховного суда СССР 10 января 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1962 г.

¹⁴ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883-1936) — в 1918-1926 гг. председатель Моссовета, одновременно с 1922 г. заместитель Председателя СНК РСФСР (с 1923 г. — СССР), председатель СТО СССР. В октябре 1932 г. осужден к ссылке; 16 декабря 1934 г. арестован; Военной коллегией Верховного суда СССР 16 января 1935 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения, 27 июля 1935 г. — к 10 годам, 24 августа 1936 г. — к расстрелу. Реабилитирован в 1988 г.

¹⁵ Примаков Виталий Маркович (1897-1937) — командир, до ареста 14 августа 1936 г. заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, член военного совета при наркомате обороны. 11 июля 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁶ Путня Витовт Казимирович (1893-1937) — командир, до ареста 20 августа 1936 г. военный и военно-воздушный атташе в Великобритании. 11 июля 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁷ Туровский Семен Абрамович (1895-1937) — командир, до ареста в сентябре 1936 г. заместитель командующего войсками Харьковского военного округа. Приговорен к расстрелу 1 июля 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁸ Шмидт Дмитрий Аркадьевич (1895-1937) — командир, до ареста в сентябре 1936 г. командир 8-й мехбригады. Приговорен к расстрелу 19 июня 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁹ Саблин Юрий Владимирович (1897-1937) — командир, до ареста в сентябре 1936 г. командант Летичевского укрепрайона. Приговорен к расстрелу 19 июня 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

²⁰ Зюк Михаил Осипович (1895-1937) — комбриг, до ареста в августе 1936 г. командир 25-й Чапаевской кавалерийской дивизии. Приговорен к расстрелу 19 июня 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

²¹ Карпель Исай Львович (1899-1938) — полковник, до ареста 17 декабря 1936 года начальник штаба 66-й стрелковой дивизии. Приговорен к расстрелу 25 марта 1938 г. Реабилитирован в 1957 г.

²² Кузьмичев Борис Иванович (1900-1937) — майор, до ареста 7 июля 1936 г. начальник штаба 18-й авиабригады. Приговорен к расстрелу 19 июня 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

²³ Косиор Станислав Викентьевич (1889-1939) — в 1928-1938 гг. генеральный (первый) секретарь ЦК КП(б) Украины. С января 1938 г. заместитель Председателя СНК СССР и председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР. В мае 1938 г. арестован, 26 февраля 1939 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

²⁴ Уборевич Иероним Петрович (1896-1937) — командарм I ранга, кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1930-1937 гг. В 1931-1937 гг. командующий войсками Белорусского военного округа, а с 20 мая 1937 г. — Среднеазиатского военного округа. 29 мая 1937 г. арестован. 11 июня 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г.

Примечания В. И. ИВКИНА

А.И. ВЕРХОВСКИЙ

Россия на Голгофе

(Из походного дневника 1914–1918 гг.)

А. И. Верховский
с сыновьями
Игорем
и Николаем
и женой
Лидией
Федоровной.
Конец 20-х годов

30 декабря
Гусятин

Верно, убийственно верно говорит Ле-чицкий: «Дикие мы, неумные люди. Из лесу вышли. Когда мы научимся воевать?» Это ужасная правда. У нас ни порядка, ни самостоятельности, ни организации. Но ведь мы же в этом не виноваты. При нашем государственном строе иначе и быть не могло, ибо гнет абсолютизма душил всякое живое движение в стране. Хорошо было Англии на своем острове в полной безопасности от постороннего вторжения написать свою хартию вольностей¹ в тринадцатом веке и с тех пор уже свободно развивать все силы, все способности народа. У нас исторические условия были другие. До Петра без перерыва да и после него мы только и делаем, что ведем борьбу за существование в прямом смысле слова. Все силы государства были направлены на одно: только бы жить, только бы не быть уничтоженными соседями. Половцы и печенеги, 200-летнее

татарское иго, поляки, шведы, двухсотлетняя борьба с турками и т. д. Вся наша история — это почти непрерывная война за существование страны. Все государство и каждый человек всю жизнь должны были служить самообороне. Вся петровская система обеспечивала ведь именно службу в войсках, ведь в этом первопричина крепостного права. Строй должен был быть таков, чтобы каждого человека можно было вызвать в поле на борьбу за свою страну. Отсюда вся страна в крепостной зависимости от войны, отсюда лишение свободы, отсутствие самостоятельности и дикость народа.

Самодержавие было необходимо на поле сражения. Но вот, Бог даст, кончим войну, освободимся от последнего германского ига, напишем свою хартию вольностей. Тогда весь свет увидит, что народ, у которого есть Петр Великий, Суворов, есть Толстой и Достоевский, Менделеев и Лобачевский, этот народ сумеет создать свою культуру. Забудут время, когда мы были «дикими» людьми. Ведь мы же обладаем всеми качествами, необходимыми большому народу.

¹ Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 10, 11, 12.

На протяжении всей истории России наряду с государственным строительством центра можно проследить эпические страницы борьбы на окраинах, полные беззаветного мужества, искания новых путей и, главное, той широкой самодеятельности, которая всегда была и будет истинным показателем великого народа. Новгородские ушкуйники, Ермак Тимофеевич и Дежнев, покорители Сибири, донские казаки, закрывшие за Россией богатую долину Дона. В наши почти дни Черняев², Кауфман³, Скобелев⁴, присоединившие к России Туркестан, Невельской⁵ и Муравьев-Амурский⁶, давшие России Дальний Восток. Вот имена, вот дела, которые хочется вспомнить в минуту тоски, в минуту, когда колеблется вера в свой родной край.

Как тяжело слагалась жизнь нашего народа! Непосильная борьба за существование тормозила его развитие, зажимая его железной рукой нужды, нищеты. Это постоянная необходимость быть все время готовым к войне давала в стране и в армии перевес дисциплины над самодеятельностью. Когда же лицо войн переменилось, потребовав от страны и армии широкого развития самодеятельности, чтобы добиться успеха, мы этой самодеятельности дать не смогли ни там, ни тут — вот расплата.

Но если легко объяснить политическим укладом то, что не оказалось самодеятельности в стране, как же это случилось в армии, специально готовившейся к войне?

Вся наша армия екатерининской поры, организованная Потемкиным⁷ и воспитанная Румянцевым⁸ и Суворовым⁹, первая в мире нашла и насадила в командном составе принципы самодеятельности и инициативы. Суворов терпеть не мог «немогузнаек», за одного ученого трех, четырех неученых давал. Ведь это впервые у нас в армии было еще в начале восемнадцатого века указано «не держаться устава, как слепой стены» (Петр) и позднее сказано Суворовым: «Ближнему на месте виднее. Я говорю направо, ты видишь налево, меня не слушать». И вот Александр Васильевич Суворов, воспитывавший своих «чудо-богатырей» на этих принципах, оказался при перемене режима при Павле I¹⁰ изгнанным из армии за вольный дух. И это фельдмаршал-победитель, воевавший армию от победы к победе, сердцем русским понимавший, как надо вести и воспитывать русское войско.

Но русские принципы воспитания сменились при Аракчееве¹¹ фридриховской палкой капрала, одинаковой для страны и для армии. Аракчеевщина развилась в стройную систему, хорошо одобренную татарчиной, плетью, шпирутенами¹² и ссылками. Сильные люди, победители, сразу оказались не нужны, и с трудом их соглашались терпеть лишь на «погибельном» Кавказе. Система эта, вполне отвечавшая всему политическому укладу управления Россией, привилась и, развиваясь, по наследству дошла до наших дней.

В это время наши прежние идеи развития инициативы как-то переселились в прусскую армию. Клаузевиц¹³ и Мольтке¹⁴ сумели дать им жизнь, и в 1870 году мы видим блестящее творчество германского командного состава, в то время как наша война

1904 года¹⁵ с полной наглядностью доказала весь вред системы, убивающей живой дух армии. За два почти года этой войны в старшем командном составе не выдвинулось ни одного имени, ни одного блестящего дарования. Но эти талантливые люди есть, и младшее поколение выдвинуло целый ряд людей, заслуги которых перед армией несомненны и которые вполне оправдали себя в эту войну.

Как ни хочешь уйти от вопросов внутренней политики, до которых нам, военным, не так-то много дела, жизнь силой к ним возвращает. Мука и позор, переживаемые в каждом бою, даже и не нас, молодежь, а стариков наших заставляют головой биться о стену, думая: что же делать? Нужно открыто сказать, что и офицерство сейчас настроено революционно.

Армия и народ ведь живут одной жизнью. Расцвет народного духа неизбежно ведет за собой и появление таланта в армии. Забитый и темный народ имеет всегда забитую и темную армию, которой будет необычайно трудно выполнить свою задачу на войне. Славный век Екатерины в армии ознаменовался рядом талантливых вождей: Суворов, Румянцев, Багратион¹⁶, Кутузов¹⁷, Тучков¹⁸ и другие. Эти офицеры были героями Рымника, Фокшан, Праги, Измаила, Треббии, эти люди совершили единственный в истории переход через Сен-Готард, Чертов мост и Паникс.

Император Павел не мог в три года выбить славные традиции екатерининской армии. Суворовских птенцов и его школу мы встречали еще в 1812 году, но постепенно шпирутены и слепая субординация забили творчество и талант в нашей армии, и мы имеем в нашей истории ряд бесславных походов Николая Павловича¹⁹ и Севастополь²⁰, где доблесть войска резко противостоит поразительной неопытности, даже неграмотности руководства.

Новая вспышка народного духа — прекрасная пора великих реформ царя-освободителя²¹. Новая армия создается, и целый ряд вождей украсил страницы истории войн в Малой Азии и на Балканском полуострове. Таковы Гурко²², Скобелев, Радецкий²³, Кауфман, Черняев, Милютин²⁴ и т. д.

Но вот снова темнеет солнце, снова усиливается гнет, снова все талантливое бежит из армии, и с тех пор мы не имеем ни одного имени, ни одной славной победы.

Одно остается неизменным во все войны — это душа армии. Честно исполняет она свою присягу, безропотно умирает, выполняя свою задачу, испуская кровью все грехи подготовки и командования. Так было, так есть и теперь.

Очень больно чувствуется, что, пока мы несем всю эту муку лета и зимы, наши союзники как бы ничего не делают. Два маленьких наступления, и это все. Правда, мы знаем, что они лихорадочно готовят тяжелую артиллерию и снаряды, которых у них к началу войны не было. Мы знаем, что у них нет запаса людей, что английскую армию нужно всю формировать заново и лучше подождать, чем рисковать неготовой армией. Но ведь темная масса наша этого не знает. Мы ведь живыми человеческими телами закрываем недо-

статки нашей подготовки, и поэтому молчание союзников у нас чувствуется больно.

В то время, как мы выбиваемся здесь из сил, за нашей спиной в тылу идет какая-то вакханалия внутренней политики. Назначения носят характер общественного скандала. После призвания никому неизвестного чиновника Штюмерера²⁵ (с немецкой фамилией во время войны с Германией! Неужели не нашлось ни одного русского человека?) на пост председателя Совета министров главнокомандующим Северным фронтом назначается Куропаткин²⁶, человек, который больше каждого другого доказал свою неспособность командовать. Немцы, которые каждую свою радость и победу сообщают по радио всему свету, не забыли и этого случая в своих радиобюллетенях.

31 декабря
Гусятин

Кончился этот страшный 1915 год, год крестной муки, непрерывного отступления, год великого страдания армии. В этом году морем крови, горами трупов и громадной территорией русской земли заплатили мы за свою неготовность, за неспособность самодержавного строя организовать борьбу и подобрать настоящих людей у власти. Тем не менее разбить себя мы не дали, и германский удар на нашем фронте, как в 1914 году на французском, никаких военных результатов не дал. Это главное. Этой борьбой выиграно время, использованное нашими союзниками, чтобы закончить свою военную подготовку.

Казалось бы, что за 1914 год, когда все недостатки наши выявились в полной мере, можно было бы многое исправить. Но нет, этого не случилось, и даже в [19]15-м году мы все еще живем мечтами, что следующий год принесет нам исправление всех наших горестей.

Но этот год не прошел даром для народного самосознания, и негодование существующим строем разливается все шире и шире, охватывая страну, армию, офицерскую и солдатскую среду. Позора муки нашей народ не может простить тем, кого он считает виновником пережитых поражений.

С глубокой скорбью должен я отметить, что главная причина наших неудач — система подбора людей у власти, на фронте и в тылу — остается в полной силе, и верховное командование, видимо, не сознает того решающего и губительного влияния, которая эта причина имеет на ход войны. Если в этой области мы не пойдем на героические меры, то победы нам не видать и впредь, даже при хорошем вооружении. Одно только может нам помочь сейчас. Нужно дать право каждому начальнику выбирать себе ближайших непосредственных помощников, не считаясь ни с каким старшинством, а лишь с действительными качествами избираемого офицера. Только тогда будем мы в состоянии обновить свой командный состав серьезно, выдвинув из всех слоев армии на ответственные посты людей, отмеченных искрой Божией, иначе последствия работы мирного времени над командным составом, убивая в людях само-

деятельность и характер, погубят нам армию, погубят Россию.

Еще одно болезненно, оскорбительно тяжело чувствуем мы сейчас в армии. После первого впечатления войны, когда вся жизнь как бы сосредоточилась в одном усилии, теперь нас забыли. Люди, приезжающие из России, оправившись от ран, говорят, что в России идет сплошной праздник, рестораны и театры полны. Никогда не было столько элегантных туалетов. Армию забыли... Так неужели же наши усилия, кровь и муки никому не нужны и даже русское общество настолько мало любит свою родину, что может веселиться в то время, когда здесь летится кровь и армия изнемогает в смертной борьбе за Россию? Но ведь борьбу ведет теперь не одна только армия, а весь народ, и если огонь патриотизма не горит в стране, то он потухнет и в армии; а бороться и идти на смерть без веры в свою правоту, в то, что это кому-то нужно, — нельзя.

НАШ ПЕРЕХОД К НАПАДЕНИЮ

1916 год
1 марта
Гусятин

Кампанию этого третьего года войны мы начинаем в сравнительно благоприятных условиях. Ценою великого страдания армии в 1915 году мы спасли нашу вооруженную силу от разрушения, ради которого пять месяцев на протяжении 500 верст немцы наносили всеокрушающий удар, разбившийся о наше упорство, потонувший в наших необъятных пространствах.

Потребовав у народа нового колоссального напряжения, мы не только значительно оправившись, но даже сильно подвинулись вперед во всех отношениях. С 3 млн. 800 тыс. человек численность армии доведена ныне почти до 9 млн. Соответственно этому возросли, конечно, и требования на все, что нужно для армии: на лошадей, повозки, снаряды, металл, железнодорожные перевозки и, в особенности, на деньги. Государственные расходы с 3 1/2 млрд. поднялись до 11 млрд. в год. Но зато в армии теперь есть все, что нужно, хоть не в избытке, но без кричащего недостатка. Есть и тяжелая артиллерия, есть и снаряды; довольно прилично поставлена авиация; вопрос с пополнениями налажен; прапорщики-офицеры произведены ускоренно в следующие чины и действительно за время войны многому научились и стали ценными руководителями своих подчиненных. А душа офицерского корпуса, его готовность на жертвы, чувство долга и умение умирать преемственно передались и новому, обновившемуся офицерскому составу. Дисциплина в армии в связи с этим значительно возросла, и войско наше во всех отношениях стало похоже на современную армию. Если же принять во внимание, что мы на своем русском фронте в полтора раза сильнее австро-германцев, то наши шансы на успех в этом году несомненны, и совместно с развившейся мощью наших союзников, казалось бы, в этом году мы сможем отбиться от немцев и кончить войну почетным миром.

Одно лишь основное наше несчастье — наше неумение в общей массе воевать — осталось с нами, и этот тормоз способен все наши блестящие шансы в этом году свести на нет.

6 апреля
Трапезунд

Штаб высадки на посольном судне
«Александр Михайлович»

Моя работа с моряками в Одессе во время формирования штаба 7-й армии предоставила мне случай принять участие в интереснейшей операции десанта, направленной на овладение Трапезундом²⁷ с моря.

Сегодня операция благополучно закончена, полная победа одержана — нами занят Трапезунд. Как страшно радостна первая победа после всех мучительных неудач, перенесенных зимой! Как сейчас в Трапезунде хорошо! Небо и море голубое. Громада снеговых гор наверху, а внизу весна, роскошная южная весна, с огромными южными цветами.

Вход в Трапезунд был совершен по тому самому церемониалу, по которому входили в побежденные города победители в старых красивых сказках. Депутации от духовенства и горожан встречали победителей на пристани, сплошь усталой лавровыми ветками, дождь цветов из окон, торжественное молебствие в старинном соборе и действительно искренняя радость, что, наконец-то, их город перешел во власть культурного народа.

По словам американского консула, турки за последний месяц своего господства в Трапезунде вырезали всех жителей армянского происхождения. Его рассказ о зверствах, совершенных турками, переносит нас во времена средневековья. Были, например, случаи, когда они живого человека распинали на деревянном кресте и пускали плыть в море. Плавай, пока не умрешь. Или, связав целую семью веревкой, отца бросали в воду первым, и он тянул за собой всю семью. Неудивительно, что люди благодарят Бога за наш приход, за освобождение от турецкого ига.

Вот в здедних условиях мы можем воевать. Здесь наше превосходство культуры, здесь мы и в организационном, и в техническом отношении сильнее. Здесь мы могли бы добиться решительных результатов. Но для этого снова нужны большие решения верховного командования. А ведь пританув сюда 3-4 корпуса с Западного фронта, мы могли бы совершенно вывести турок из игры, соединиться через Босфор с нашими союзниками, получив от них все, что нужно и чего у нас не хватает, освободить нашу Кавказскую армию, завязнувшую в горах Малой Азии, и развивать операции дальше и дальше с юга на Болгарию и Австрию. Пользуясь свободой перебросок на Черном море, где наш транспортный флот может поднять одновременно два корпуса, мы здесь хозяева положения и... ничего. Снова безвольно опущенные руки, снова инициатива захвачена нашим врагом. Говорят, что все это очень трудно, очень рискованно, как будто можно без риска и труда чего-нибудь достичь на войне.

Горькая судьба нашего поколения! Мы уже родились и выросли при другой вере, с другими идеалами. Мы воспитаны на других началах, выучены в другой школе. Мы ясно видим, что вся жизнь пошла бы по-другому, если бы удалось на практике осуществлять то, что угодно называть нашими мечтами и что в то же время является лишь здоровой и смелой стратегией.

Но сделать мы ничего не можем. Мы должны лишь учиться на чужих ошибках старого поколения и донести нашу веру и наше желание работать до того времени, когда станем хозяевами жизни.

25 мая
Гусятин

После занятия Трапезунда операции на малоазиатском побережье временно затихли, и меня вернули снова в 7-ю армию, в Галицию, где уже шла полным ходом подготовка к летнему наступлению. И вот снова Гусятин, снова те же поля и леса перед окном. На этот раз подготовка к наступлению была проведена систематически и планомерно. Произведена детальнейшая разведка всей позиции противника перед фронтом армии, вся позиция сфотографирована с воздуха, каждый кусочек изучен, проверен с передовых наблюдательных пунктов. Каждая батарея противника найдена, зарегистрирована, точно определены до нее все данные для обстрела нашей артиллерии. Вся артиллерия, которую только можно было стянуть со всего фронта армии, подтянута к месту атаки, каждой батарее точно указаны ее цели на разные периоды подготовки. Рассчитано и заготовлено все нужное количество снарядов, наконец подготовлены плацдармы для пехотной атаки. И вот наступление началось. Сегодня третий день боя всего Юго-Западного фронта. Каждая армия наносит удар противнику на своем участке со скромной задачей приковать противника к месту, не дать ему стянуть резервы на участок, противостоящий нашему Западному фронту, где верховным командованием предположено нанести главный удар. Сообразно задаче, и средства, нам данные, не велики. В 7-й армии удар наносит собственно одна дивизия пехоты и один тяжелый дивизион*. Для демонстрации против австрийцев и этого довольно, так как недавно же мы провели все декабрьское наступление, не сходя с наблюдательных пунктов, каждый на своем участке. Техника атаки укрепленной позиции была изучена нами детально, и теперь наступление разыграно, как по нотам. Полный успех увенчал нашу работу. Позиция противника, о которую мы разбились зимой, с бетонными убежищами, тремя полосами проволочных заграждений, отсеками, наблюдательными пунктами, блестяще разработанной фланговой, артиллерийской и пулеметной обороной — все досталось нам. Тысячи пленных, десятки орудий*.

Победа наполняет сердца радостью.

После блестящего успеха французов под

* Сравнить это с ударом, нанесенным сейчас германцами на Амьен, где участвовало 106 дивизий и до 10 тыс. орудий всех калибров.

Вердеюм этот наш успех, не менее грандиозный, а по числу пленных превышающий французский во много раз, быть может, приблизит конец войны, почетный, славный, достойный великого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великая хартия вольностей была подписана английским королем 15 июня 1215 года. Ей предшествовало восстание баронов, недовольных усилением королевской власти и нарушением феодальных обычаев. Победа баронов над королем и была закреплена в хартии, которая защищала интересы феодалов и городской верхушки. Это был первый документ в истории Англии, ограничивший королевскую власть в пользу феодалов. Великая хартия вольностей в начале XVII в. использовалась лидерами парламентской оппозиции накануне и в начале английской буржуазной революции для доказательства древности права контролировать английского короля.

² Черняев Михаил Григорьевич (1828-1898) — генерал. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник обороны Севастополя в период Крымской войны 1853-1856 гг., затем — начальник штаба 3-й пехотной дивизии. В 1859 году служил в Кавказской армии, принимал участие в боевых действиях против Шамиля. В 1864 году — начальник Особого западносибирского отряда, взявшего штурмом Чимкент, а в 1865 году — Ташкент. В 1865 году — генерал-губернатор Туркестанской области, под руководством которого была завоевана обширная среднеазиатская территория. В 1873-1878 гг. — редактор консервативного журнала «Русский мир». Являлся противником военных реформ, проводившихся в армии под руководством Д. А. Милюткина.

³ Кауфман-Туркестанский Константин Петрович (1818-1882) — генерал-адъютант, образование получил в инженерном училище. С 1844 года служил на Кавказе. Во время Крымской войны (1853-1856) командовал кавказским саперным батальоном, участвовал в штурме Карса. В 1861 году — директор канцелярии Военного министерства. Принимал активное участие в подготовке и проведении военных реформ. С 1865 года — генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа. В 1867-1882 гг. — командующий войсками Туркестанского военного округа, генерал-губернатор. Войска под его командованием овладели Хивой (1873) и Кокандским ханством (1875).

⁴ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882) — генерал от инфантерии. Окончил Академию Генерального штаба. Участник Хивинского похода 1873 года. В январе-феврале 1876 года войска под его командованием нанесли поражение восставшим под Андиганом и Асаке. С 1876 года — военный губернатор и командующий войсками Ферганской области. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В 1880-1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией. В военном искусстве придерживался прогрессивных взглядов.

⁵ Невельский Геннадий Иванович (1813-1876) — адмирал, русский исследователь Дальнего Востока. В 1848-1849 гг., будучи командиром военного транспорта «Байкал», прошел из Кронштадта вокруг мыса Горн в Петропавловск-Камчатский, исследовал и составил описание о. Сахалин, Сахалинского залива, устья р. Амур, доказав, что Сахалин — остров, а не полуостров, как ранее считалось. В 1850-1855 гг. руководил Амурской экспедицией, созданной для изучения Амура, Приамурья, Сахалина, Уссурийского края и других районов Дальнего Востока. В 1850 году основал пост Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре), в 1853 году — посты в заливе императора Нико-

лая (ныне Совгавань) и в южной части Сахалина (ныне г. Корсаков).

⁶ Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809-1881) — граф, генерал от инфантерии, участник нескольких экспедиций на Амур, прославился приобретением у Китая по Айгунскому договору в 1853 году левого берега Амура в верхнем и среднем течении и обоих берегов Амура в нижнем течении.

⁷ Потемкин Григорий Александрович (1739-1791) — князь Таврический, генерал-фельдмаршал. В 1774 году в ходе первой русско-турецкой войны за личную храбрость произведен в генерал-адъютанты, а затем в генерал-аншефы и назначен вице-президентом Военной коллегии. После заключения мира с Турцией получил графское достоинство и назначен наместником Новороссийского края. Г. А. Потемкин заложил г. Херсон и окончил строительство кавказской линии укреплений. В 1783 году добился отречения от престола крымского хана Шагин-Гирея и присоединил Крым к России, за что в 1784 году был произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен президентом Военной коллегии.

⁸ Руманцев Петр Александрович (1725-1796) — граф Задунайский, генерал-фельдмаршал. В кампанию 1769 года — главнокомандующий русской армией, одержал ряд блестящих побед над турками при Ларге, под Кагулом, взял крепости Журжу, Измаил, Килию и Бухарест, в 1774 году заключил Кючук-Кайнарджийский договор, по которому Турция отказалась от своих прав на Крым и Кубань.

⁹ Суворов Александр Васильевич (1730-1800) — граф Рымникский, князь Италийский. В 1768 году командовал русскими войсками в Польше, взял Краков. В 1773 году сражался с турками, окончательно подавил пугачевский бунт. В 1787 году в ходе второй русско-турецкой войны разбил турецкие войска при Кинбурне, в 1789-м — при Фокшанах и Рымнике, в 1790-м штурмовал Измаил, в 1794-м взял штурмом Прагу, занял Варшаву, затем освобождал северную часть Италии от французских войск, под его командованием русские войска совершили с боями переход через Альпы.

¹⁰ Павел I (1754-1801) — русский император с 1796 года. Внутреннее управление при нем отличалось крайней подозрительностью и жестокостью. Павел I отменил закон Петра I, по которому по воле государя определялся его преемник, и установил порядок престолонаследия, просуществовавший до 1917 года. 11 марта 1801 года был задушен в Михайловском (Инженерном) замке Петербурга.

¹¹ Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834) — граф, ближайший сподвижник императора Александра I. С 1808 года — военный министр, основатель военных поселений.

¹² Шпицрутены — длинные гибкие деревянные прутья для телесного наказания, часто заканчивавшегося смертью наказуемого. Применялись в армии, а также для наказания гражданских лиц (например, участников крестьянских восстаний).

¹³ Клаузевиц Карл Филипп Готфрид (1780-1831) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). В мае 1812 года перешел на службу в русскую армию. Участник Отечественной войны 1812 года. С 1813 года начальник штаба сводного русско-прусского корпуса. В 1814 году вернулся на прусскую службу. Написал ряд военно-исторических работ. Среди них исследование «О войне» (М.: Воениздат, 1936. — Т. 1-2), в котором сделал вывод, что война есть орудие политики и носит характер последней. Много сделал для разработки теории военного искусства, выступал против вечных принципов военного искусства, рассматривал явления войны в развитии, но отрицал наличие закономерностей в развитии военного дела, утверждая, что война — область случайностей.

¹⁴ Мольте Хельмут Карл Бернхарт (1800-1891) — прусский и германский военный деятель, генерал-фельдмаршал, военный теоретик.

В 1819 году начал военную службу офицером в датской армии. В 1822 году перешел на службу в прусскую армию. С 1848 года — начальник отделения генерального штаба. В 1858-1888 гг. — начальник прусского, а с 1871 года — имперского генштаба. Служил при Бисмарке, был близок к германскому императору Вильгельму I. Провел ряд мер по усилению армии. Во время австро-прусской (1866) и франко-прусской (1870-1871) войн Мольте занимал пост начальника полевого штаба. Фактически в это время являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами. В своих военных трудах проводил мысль о неизбежности войн и их «цивилизующей» роли. Считал необходимым использовать все возможности страны в интересах ведения войны.

¹⁵ Имеется в виду русско-японская война 1904-1905 гг., участником которой являлся автор.

¹⁶ Багратион Петр Иванович (1765-1812) — князь, русский военачальник. В 1815 году умелыми действиями вырвал русскую армию в битве под Шенграбеном; участвовал в сражениях под Аустерлицем, Эйлау, Фридландом. Умер от раны, полученной при Бородине.

¹⁷ Голицынев-Кутузов Михаил Илларионович (1745-1813) — князь Смоленский, генерал-фельдмаршал. Прославился как победитель Наполеона I в Отечественной войне 1812 года.

¹⁸ Тучков Павел Алексеевич (1776-1864) — получил в 25 лет генеральский чин, отличился при отступлении русских войск из Смоленска в 1812 году.

¹⁹ Речь идет о так называемой четвертой русско-турецкой войне (за независимость Греции), в которой Россия участвовала в союзе с Англией и Францией. Был уничтожен турецкий флот при Наварине, взяты Карс и Эрзерум, занят Адрианополь. По Адрианопольскому мирному договору 1829 года признаны независимость Греции и автономия Молдавии и Валахии. Согласно договору, к России отошли устье Дуная с островами, все кавказское побережье Черного моря от устья реки Кубань до северной границы Аджарии. Турция признавала присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, а также ханств Эриванского и Нахичеванского, присоединенных к России в 1828 году по Туркманчайскому мирному договору с Ираном. Кроме того, Турция открывала проход через Босфор и Дарданеллы русским и другим иностранным торговым судам, подтверждала права России свободно торговать на всей территории Османской империи.

²⁰ Речь идет об одиннадцатимесячной осаде Севастополя в Крымскую (так называемую пятую русско-турецкую) войну 1853-1856 гг., в ходе которой последние объединились с Англией, Францией и Сардинским королевством. В марте 1856 года был подписан Парижский договор, по которому Россия уступила часть Бессарабии и обязалась не иметь на Черном море военного флота.

²¹ Имеются в виду реформы Александра II (1818-1881), царствовавшего с 1855 года. После падения Севастополя заключил Парижский мир и приступил к проведению коренных реформ. Наиболее крупные из них: уничтожение крепостного права (1861), преобразование судебных уставов и делопроизводства (1862), отмена телесных наказаний и клеветения преступников (1863), университетская реформа (1863), введение земства (1864), новые правила о печати (1865), реформа городского управления (1870), введение всеобщей воинской повинности (1874). При Александре II разработан проект русской конституции, который не был утвержден в связи с убийством императора 1 марта 1881 года на Екатерининском канале в Петербурге.

²² Гурко (Ромейко) Иосиф Владимирович (1828-1901) — генерал-фельдмаршал. Проявил себя талантливым военачальником во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Командовал передовым отрядом русской армии, успешно преодолевшим труднопроходимые Хайнкий-

ский и Шипкинский перевалы на Балканах. Под Плевной командовал кавалерией Западного отряда, затем специально созданным из частей гвардии отрядом, завершившим окружение Плевны. В декабре 1877 года отряд под командованием Гурко совершил труднейший переход через Балканы, считавшиеся недоступными в зимних условиях. В 1879-1880 гг. Гурко — помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, временный генерал-губернатор Петербурга, а в 1882-1883 гг. — генерал-губернатор Одессы. В 1883-1894 гг. — генерал-губернатор Привислинского края и командующий войсками Варшавского военного округа. В обучении войск был последователем Суворовской школы.

²³ Радецкий Федор Федорович (1820-1890) — генерал от инфантерии, окончил Главное инженерное училище и Академию Генерального штаба. Военную службу начал на Кавказе. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., был начальником Южного отряда, оборонявшего перевалы через Балканы. Русские войска под его командованием в тяжелых боях на Шипке в августе 1877 года отразили турецкое наступление, а затем участвовали в обороне Шипкинского перевала. В декабре 1877 года войска, входившие в отряд Радецкого, окружили турецкие войска под Шипкой-Шейново и вынудили их к сдаче. После войны командовал корпусом, а в 1888-1898 гг. — войсками Киевского военного округа.

²⁴ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816-1912) — генерал-фельдмаршал, крупный военный и государственный деятель. В течение 20 лет (1861-1881) занимал пост военного министра. С его именем связаны подготовка и проведение военных реформ 60-70-х годов XIX в. Милютин был не только крупным военным реформатором, но и видным ученым и военным писателем, оставившим большое военно-научное наследие, посвященное полководческой деятельности А. В. Суворова и проблемам военной истории России конца XIX — начала XX вв., а также мемуары, представляющие большую научную ценность.

²⁵ Штюрмер Борис Владимирович (1848-1917) — председатель тверской губернской земской управы (1892-1894), новгородский (1894-1896), ярославский (1896-1902) губернатор, директор департамента общих дел министерства внутренних дел (1902-1904), с 1904 года — член Государственного совета, в 1916 году — председатель Совета министров, с марта по июнь — одновременно министр внутренних дел, с июля по ноябрь — министр иностранных дел.

²⁶ Куропаткин Алексей Николаевич (1848-1925) — генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой (1877-1878) войны и присоединения Средней Азии к России. В 1890-1897 гг. — начальник Закаспийской области, в 1898-1904 гг. — военный министр. В русско-японскую войну — главнокомандующий русскими армиями в Маньчжурии, затем командующий 1-й армией. В 1906-1916 гг. в отставке. В первую мировую войну — командир корпуса, командующий 5-й армией, Северным фронтом. В 1916-1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор. После Октябрьской революции проживал в своем бывшем имении в селе Шешурино Псковской губернии. Занимался общественной и преподавательской деятельностью.

²⁷ Трапезунд (совр. — Трабзон) — город и порт в Турции на берегу Черного моря, имевший в годы первой мировой войны важное стратегическое значение.

**Примечания В. А. АВДЕЕВА
и М. Н. ОСИПОВОЙ**

Фото из архива О. И. ВЕРХОВСКОЙ

(Продолжение следует)

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

РУССКИЕ ЗАКОНЫ О ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

УСТАВ 1874 ГОДА И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

В последний период существования крепостного права все классы общества, сколько-нибудь возвышавшиеся над уровнем народных масс, были освобождены от обязательной воинской службы. Это изъятие распространялось на дворян, купцов, почетных граждан и лиц, обладавших образованием. Освобождением от воинской службы пользовались также немецкие колонисты и переселенцы из других стран. Кроме того, предоставлялись льготы по отбыванию воинской службы жителям Бессарабии, отдаленных областей Сибири, инородцам и т.д. В общем, более 30 проц. населения или вовсе было освобождено, или могло откупиться денежным взносом от поставки рекрутов¹. Комплектование армии носило на себе яркий отпечаток сословного строя: вся тяжесть воинской повинности выпадала на низшие классы русского населения, на так называвшиеся тогда податные сословия. Среди них и производились рекрутские наборы. Самый выбор рекрутов из помещичьих крестьян фактически зависел от власти помещика. Рекрутский же набор в среде прочих крестьян (государственных, удельных) и в среде мещан производился на основании «Рекрутского устава» 1831 года. Последний устанавливал «очередной» порядок, принимая во внимание интересы семей, из которых должны были братья рекруты. До 1834 года действительная служба продолжалась 25 лет. Затем срок был уменьшен до 20 лет, с тем что остальные 5 лет нижний чин числился в

бессрочном отпуске. Длительность службы совершенно отрывала взятых рекрутов от прочей массы населения и потому фактически превращала всех чинов армии как бы в отдельное сословие.

После освобождения крестьян в 1861 году подобный порядок комплектования вооруженной силы не мог продолжать существование. Правительство императора Александра II, перестраивавшее Россию на новых социальных началах, не могло оставить в силе столь несправедливое распределение воинской повинности. Вместе с тем победы Германии в войне 1870-1871 гг. совершенно ясно показывали, что вооруженная сила современного государства не может основываться на прежних, сравнительно небольших и оторванных от народа, чисто профессиональных армиях. Вооруженная сила, выставляемая государствами во время войны, все более и более приближалась к вооруженному народу.

В докладе императору Александру II, поданному военным министром генералом (впоследствии графом) Милютиним, значится: «Ваше Императорское Величество, обратив свое внимание на чрезвычайное усиление численности вооруженных сил Европейских Государств, на необыкновенно быстрый переход их армий, особенно германской, от мирного положения к военному и на обширно подготовленные ими средства к постоянному пополнению убыли чинов в действующих войсках, повелели военному министру представить соображения о средствах к развитию военных сил империи на началах, соответствующих современному состоянию вооружений Европы»².

В манифесте же императора Александра II от 1 января 1874 года, в котором объявлялась в России всеобщая воинская повинность, прави-

Печатается в сокращении по кн.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. — Т. I. — Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939.

¹ Для одной Европейской России (без Польши и Финляндии), по данным 10-й народной переписи 1858 г., этот процент равнялся 20; но к этой цифре нужно еще добавить население Бессарабии, некоторых областей Сибири, всех инородцев, а также население Польши и Финляндии.

² Военно-статистическое обозрение России. — Ч. IV. — Изд. Военного министерства, 1871.

тельство считало нужным выдвинуть новую идею всенародной государственной защиты в качестве основной идеи общеобязательной воинской службы.

«Сила государства, — говорится в манифесте, — не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высокого развития только тогда, когда дело защиты Отечества становится общим делом народа, когда все без различия званий и состояний соединяются на это святое дело».

Закон об общеобязательной воинской службе был издан в виде «Устава 1874 года о всеобщей воинской повинности». Параграф первый этого закона гласил: «Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного...» Таким образом, воинская служба объявлялась общеобязательной, всеобщей и личной.

Согласно принципам нового устройства вооруженной силы армия, содержащаяся в мирное время, должна прежде всего служить школой для подготовки запаса военнопобуженных людей, посредством призыва которых, при мобилизации, разворачивалась армия военного времени. В связи с этим «Устав о воинской повинности» назначает совсем иные, нежели раньше, сроки службы. Первоначально таковой срок был установлен в пять лет, а затем сокращен до четырех и трех лет. Стена, разделявшая армию от народа, таким образом рушилась, и социальная связь между ними устанавливалась чрезвычайно тесная.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯГОТ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Согласно уставу 1874 года полное освобождение от воинской службы предоставлялось всему инородческому населению Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Сибири, а равно самоедам, обитающим в Мезенском и Печорском уездах Архангельской губернии. Это освобождение было сохранено и законом 1912 года.

До 1887 года все население Закавказья, а равно и инородцы Северного Кавказа были тоже совершенно освобождены от воинской службы. Но затем нетуземное население всего Кавказа было постепенно привлечено к отбыванию воинской повинности на общем основании. Кроме того, привлечены были к воинской службе (но согласно особому облегченному положению) некоторые из горских племен Северного Кавказа.

Освобождено было также от воинской службы все население Туркестанского края, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных местностей Сибири. По мере проведения железных дорог в Туркестане и Сибири это изъятие сокращалось.

Финляндия до 1901 года отбывала воинскую повинность на основании особого положения. Но

в 1901 году, из опасения за столицу империи — Санкт-Петербург в случае войны с Германией, правительство расформировало финские войска и впредь до разработки нового положения вовсе освободило население Финляндии от воинской повинности.

Наконец, на основании особых казачьих уставов отбывало воинскую службу казачье население областей: Войска Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского. Но казачьи уставы не только не представляли собой облегчения в отбывании воинской службы, но в некоторых отношениях предъявляли к населению большие требования, нежели общий устав. Существование особых казачьих уставов объяснялось желанием правительства дать казакам закон, хотя и построенный на тождественных с общим уставом основаниях, но в то же время приспособленный к их быту и историческим традициям.

Подводя итог вышесказанному, можно выразить следующими цифрами распределение тягот воинской повинности на все население Российской империи в 1914 году:

- а) подлежало воинской повинности:
на основании общего устава	87,5 проц. населения;
на основании казачьих уставов	2,5 проц. населения;
всего	90 проц. населения;
- б) было вовсе освобождено от воинской [ой] повинности] 10 проц. населения.

Отсюда мы видим, что по сравнению с прежним «Рекрутским уставом» наши законоположения о воинской повинности значительно расширяли базу, на которой строилось комплектование вооруженной силы. Освобождение части населения от воинской службы хотя и сохраняется, но это освобождение утрачивает прежний сословный характер; оно обуславливается причинами общегосударственного порядка, и его можно уподобить освобождениям от воинской службы, предоставляемым прочими европейскими государствами населению своих колоний. Таким образом, в указанных выше освобождениях нельзя еще видеть нарушение основных начал, а именно: общеобязательности, всеобщности и личного долга, на которых стремился базироваться наш закон о воинской повинности.

СРОКИ СЛУЖБЫ

Идея личного долга каждого гражданина защищать свое Отечество составляет основной принцип закона об обязательной воинской службе.

Проведение этой идеи в среде коренного населения России получало особое моральное значение. Но для того, чтобы в сознании народных масс, в особенности малокультурных, эта идея укоренилась, необходимо было, чтобы закон об обязательной воинской службе в самой

полной степени стремился к социальной справедливости. Всеми европейскими государствами в основу законоположений об обязательной воинской службе положены возраст и физическая годность призываемого гражданина. Подобная постановка вопроса в самом деле наиболее отвечает идее всеобщей обязательной воинской службы. Молодой и здоровый человек является лучшим воином и легче переносит все тяготы боевой жизни. С понижением возраста бойцов уменьшается и число многосемейных солдат, которым военная служба несравненно труднее, чем холостым солдатам. Поэтому молодая армия способна проявить большую энергию, нежели армия, заполненная пожилыми людьми, часто обремененными многочисленным семейством.

Призыву подлежали молодые люди, которым только что минул 21 год. В мирное время принятые на службу молодые люди поступали в постоянные войска, состоявшие из армии, флота и казачьих войск. После отбывтия действительной службы в течение установленного законом срока чины армии, флота и казачьих войск перечислялись в запас. Ко времени издания закона 1912 года срок действительной службы равнялся для пехоты и артиллерии (кроме кон-

ной) 3 годам, для прочих сухопутных войск — 4 годам и для флота — 5 годам. В запасе чины, служившие в пехоте и артиллерии (кроме конной), числились 15 лет, чины прочих сухопутных войск — 13 лет и чины флота — 5 лет.

Чины запаса предназначались для укомплектования в случае мобилизации частей действующей армии. В мирное время чины запаса могли призываться на учебные сборы, но не более двух раз за все время и каждый не более как на шесть недель. Из стремления к экономии продолжительность учебных сборов была на деле сокращена: так, лица, состоявшие на действительной службе более трех лет, призывались только раз и на две недели, а лица, прослужившие менее трех лет, — два раза, но каждый раз лишь на три недели.

По окончании установленного законом срока пребывания в запасе лица, в нем состоявшие, перечислялись в государственное ополчение, в котором и состояли до 43-летнего возраста.

СРАВНЕНИЕ С ГЕРМАНСКИМ ЗАКОНОМ

Отсюда мы видим, что русский закон распределял обязанности воинской службы на три возрастных слоя. Для того, чтобы убедиться, насколько подобное упрощенное решение вопроса не обладало гибкостью для полного проведения в жизнь возрастного принципа, мы отсылаем читателя к схеме 1. В ней мы указываем, для сравнения, решение того же вопроса германским законодательством. В то время, как наше законодательство подразделяло тяготы воинской повинности на три слоя, германское законодательство подразделяло их на шесть. В мирное время это различие не могло непосредственно сказываться, ибо на мирном положении тяготы обязательной воинской службы несли только те лица, которые состояли на действительной службе, остальные же, числившиеся в запасе или ополчении у нас и в резерве, ландвере и ландштурме в Германии, не отрывались от своей частной жизни. Но в военное время различие между указанными в таблице категориями было существенным. У нас I и II категории шли сразу же с объявлением войны в ряды действующих войск умирать на полях битвы, а III категория частью шла на пополнение потерь действующей армии, частью же — на формирование особых ополченских частей для тыловой службы, т. е. без риска увечий и смерти. В Германии с объявлением

СХЕМА №1.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ СОГЛАСНО РУССКОМУ И ГЕРМАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМЪ.

ВЪ РОССІИ				ВОЗРАСТЪ	ВЪ ГЕРМАНИИ			
КАТЕГОРІЯ								КАТЕГОРІЯ
				17				
				18				
				19				
				20		ЛАНДШТУРМЪ I ПРИЗЫВА		I
				21				
I			ДѢЙСТВИТЕЛЬН. СЛУЖБА ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ	22		ДѢЙСТВИТЕЛЬН. СЛУЖБА ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ		II
				23				
				24		РЕЗЕРВЪ		III
				25				
				26				
				27		ЛАНДВЕРЪ I ПРИЗЫВА		IV
				28				
				29				
				30				
				31				
				32				
				33				
				34				
				35		ЛАНДВЕРЪ II ПРИЗЫВА		V
				36				
				37				
				38				
				39				
				40				
				41				
				42				
				43		ЛАНДШТУРМЪ II ПРИЗЫВА		VI
				44				
				45				

ПРИМѢЧАНІЕ: СРОКИ СЛУЖБЫ ВЗЯТЫ ДЛЯ ПЕХОТЫ И АРТИЛЛЕРІИ (КРОМѢ КОННОЙ), Т. Е. ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ГЛАВНОЙ МАССѢ ВОЙСКЪ.

войны сразу же предназначались для активных военных действий II и III категории. IV категория (ландвер I разряда) предназначалась для формирования особых частей, на которые предполагалось первоначально возложить второстепенные боевые задачи. V категория (ландвер II разряда) формировала особые части, предназначенные первоначально для тыловой службы, но они могли быть также привлечены впоследствии для второстепенных боевых задач. VI категория (ландштурм старше 39 лет) формировала особые части, предназначавшиеся исключительно для тыловой службы и для охраны границ. Наконец, I категория (ландштурм моложе 20 лет) могла быть призвана, в случае надобности, в виде досрочных призывов на укомплектование действующих войск.

В предвидении громадной потребности в живой силе в случае европейской войны германское законодательство предоставляло военному министерству известную свободу в распоряжении возрастными классами. Так, например, младшие возрасты ландвера, в случае надобности, могли быть употреблены на укомплектование полевых и резервных войск, а младшие возрасты ландштурма II разряда — на укомплектование ландвера.

Из сравнения данных приводимой нами схемы I мы прежде всего видим, что Германия готовилась к проявлению большего напряжения на войне, нежели Россия. Германия считала нужным для своей защиты иметь в распоряжении армии 28 возрастов, в то время как Россия — только 22.

Здесь нужно обратить внимание на различие отношения русского и германского законодательства к вопросу об использовании более молодых возрастов. Призывной возраст, согласно русскому законодательству, определялся так: ежегодный призыв происходил в октябре месяце, причем призывались молодые люди, которые к 1 октября этого же года достигли 21 года. По германскому же законодательству привлекались молодые люди, которым в предыдущем году исполнилось 19 лет. Предъявляя вместе с тем очень строгие требования к физической готовности новобранца, германское законодательство предоставляло отсрочку для поступления на службу физически не вполне доразвившимся молодым людям. Это приводило к тому, что средний призывной возраст несколько повышался, равняясь 20 с половиной годам. Подобная система позволяла, не форсируя слабосильную часть мужского населения, все-таки иметь призывной возраст на год моложе нашего.

Но мало того. Германское законодательство предвидело необходимость, в случае войны, досрочных призывов. Оно устанавливало порядок, согласно которому всякий немец по достижении им 17-летнего возраста зачислялся в ландштурм, т.е. делался военнообязанным.

Наш устав 1874 года совершенно не предвидел возможности в случае войны досрочного призыва. Закон 1912 года сделал попытку исп-

равить этот недочет. Но наше молодое народное представительство — Государственная дума — не отдавало себе отчета в том грандиозном напруге, которое потребует от России через два года. Не вполне отдавало себе отчет в этом и наше военное ведомство. И вышеуказанная попытка вышла очень робкой. Закон 1912 года хотя и предусматривал возможность досрочных призывов, но говорил о них очень неопределенно.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯГОТ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ ПО ВОЗРАСТАМ

Отсталость русского законодательства об обязательной воинской службе от требований современной войны обнаруживается еще ярче, если мы углубим наш анализ.

Выше мы уже упоминали о том, что закон об обязательной воинской службе при проведении на практике принципа долга каждого гражданина защищать свое Отечество вынужден делать некоторые отступления от абсолютного для всех одинакового исполнения этого долга.

Подробно мы остановимся на этом вопросе в следующих главах. Здесь же мы затронем другой вопрос, связанный с только что указанным, а именно вопрос о том, в какую из указанных на схеме I категорий зачислялись лица, получавшие в мирное время освобождение от действительной службы. На первый взгляд может показаться, что этот вопрос имеет только формальное значение, но на самом деле это не так.

Согласно русскому «Уставу о воинской повинности» 1874 года лиц, не принятых в мирное время на действительную службу, зачисляли сразу же при призыве в государственное ополчение. Последнее подразделялось нашим законом на два разряда:

I разряд предназначался не только для формирования особых ополченских частей, но мог быть также использован для укомплектования действующих войск;

II разряд предназначался исключительно для укомплектования особых ополченских частей, которые применялись только как охрана тыла или как рабочая сила.

Как мы увидим дальше, наибольшее развитие в области льгот получила в нашем законодательстве льгота по семейному положению. Ею пользовались до 48 проц. призываемых. И вот приблизительно половина этого числа (льготные I разряда) зачислялась прямо в ополчение II разряда, т.е. в случае войны освобождалась законом от настоящей боевой службы. Другая половина льготных по семейному положению зачислялась в ополчение I разряда. Хотя по смыслу закона ратники ополчения II разряда могли быть привлечены в случае надобности на пополнение действующих войск, но согласно нашим же законоположениям учет велся лишь ратникам I разряда, служившим ранее в войсках (т.е. в возрасте от 39 до 43 лет), и только младшим четырем возрастам прочих ратников I

разряда. Численность этой части ополчения I разряда считалась достаточной для вероятной потребности: 1) в дополнительном укомплектовании для постоянных войск и 2) для формирования ополченских частей.

Таким образом наш закон наме- релся освободить не только от боевой службы, но и от всякого вида военной службы также и рат- ников I разряда, за исключением ранее служивших на действитель- ной службе и четырех младших возрастов.

В итоге вместо распределения тягостей воинской службы по воз- растным слоям наш закон как бы отсекал часть мужского населе- ния, предназначая ее для воинской службы вплоть до 43-летнего воз- раста, и освобождал совершенно другую от боевой и даже от всякого вида военной службы.

Мировая война, вспыхнувшая в 1914 году, нарушила все расчеты Российского военного ведомства. Пришлось во время войны спешно изменять законоположения. Но основные дефекты «Устава о воин- ской повинности» сказались во всей своей силе. На схеме 2 указаны сроки призывов возрастных клас- сов в различных категориях наших военнообязанных. Из этой карто- грамы ярко видно, что возрастной принцип был совершенно нарушен.

Для пояснения нашей мысли на примере посмотрим, как отразилась мировая война на призыве 1897 года.

В 1914 году люди этого призыва находились в возрасте 38 лет.

Согласно изложенному нами выше они могут быть в отношении тяготы, выпадающей на них с объявлением войны, разделены на три катего- рии:

п е р в а я — прошедшие действительную службу, числящиеся последний год в запасе;

в т о р а я — зачисленные в 1897 году в опол- чение I разряда;

т р е т ь я — зачисленные в 1897 году в ополчение II разряда.

Первые в первый же день объявления моби- лизации были призваны в действующую армию и выступили в ее рядах в поход. Вторые начали призываться лишь 25 марта 1916 года, т. е. через двадцать месяцев после начала войны; а третьи начали призываться только 25 октября 1916 года, т. е. через двадцать семь месяцев. Для того, чтобы эта третья категория могла быть привле- чена к боевой службе, а не оставалась в частях ополчения, потребовалось даже радикальное из- менение закона.

С Х Е М А №2.

СРОКИ ПРИЗЫВОВЪ ВЪ РОССІИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1914-1917 гг.

ВОЗРАСТЪ 18 ІЮЛЯ 1914г.	НАХОДЯЩІЕСЯ ВЪ РЯДАХЪ ПОСТОЯННЫХЪ ВОЙСКЪ И РАНЬШЕ ПРОШЕДШІЕ СЛУЖБУ ВЪ ПОСТОЯНН. ВОЙСКАХЪ	ЗАЧИСЛЕННЫЕ ВЪ 21ЛѢТНЕМЪ ВОЗРАСТѢ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОПОЛЧЕНИЕ	
		I РАЗРЯДЪ	II РАЗРЯДЪ
21	СЪ ОБЪЯВЛЕНІЕМЪ ОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦІИ 18 ІЮЛЯ 1914г.	22 ІЮЛЯ и 22 СЕНТ. } 1914г.	5 СЕНТЯБРЯ 1915г.
22			30 ОКТЯБРЯ 1915г.
23		19) 2030000 и 20) НОЯБРЯ 1914г.	1 ФЕВРАЛЯ 1916г.
24			25 МАРТА 1916г.
25		ОСТАЛЬНОЕ 2 ЯНВАРЯ } 1915г.	25 АВГУСТА 1916г.
26			20 СЕНТЯБРЯ 1916г.
27		1 АПРѢЛЯ }	
28			
29		15 АВГУСТА } 1915г.	25 ОКТЯБРЯ 1916г.
30			
31		15 СЕНТЯБРЯ }	
32		25 МАРТА 1916г.	
33			
34			
35		20 СЕНТЯБРЯ 1916г.	
36	22 ІЮЛЯ 1914г.		
37			
38			
39			
40			
41			
42			
43			

ПРИМѢЧАНІЕ: 1) ЧИСЛА ПО СТАРОМУ СТИЛЮ;
2) ПРИЗЫВЫ НОВОБРАНЦЕВЪ ВО ВРЕ-
МЯ ВОЙНЫ НА СХЕМУ НЕ НАНЕСЕНЫ.

Это громадное различие в требованиях госу- дарства к вышеуказанным трем категориям предreshалось еще в 1897 году в большинстве случаев в зависимости от того, каким работни- ком был тогда в семье своего отца (или деда) призываемый. С тех пор прошло 17 лет. Семья отца, а тем более деда распалась (при этом по мере удаления от крепостного права выделение молодых семей происходило все раньше и рань- ше). К 1914 году семья призываемого стала совершенно самостоятельной единицей. Между тем создавалась такая картина: глава многочис- ленной семьи, с детьми-малолетками, идет на поле брани, а здоровый бобыль блаженствует в тылу и только через 27 месяцев кровавой бойни призывается, и часто лишь для того, чтобы в далеком тылу окарауливать запасы.

Социальная несправедливость получилась гро- мадная. Она еще увеличивается, если сравним 42-летнего многосемейного бывшего солдата, хо- тя уже и числившегося ратником I разряда, но призванного уже через пять дней после объявле- ния мобилизации и вскоре затем попавшего в ряды действующих войск, с 21-летним холостым молодым человеком, по положению в семье отца попадающим в ратники II разряда. Могло слу- читься так, что этот молодой человек, освобож- денный от боевой службы, оказывался сыном

того бывшего солдата, который сам шел умирать за Родину.

С целью компенсировать нарушение экономических интересов семей, из которых уходил глава, правительство назначило выдачу особого денежного пайка. Мера эта была разумная и справедливая. Но этими деньгами восстанавливалась лишь экономическая справедливость, но не социальная: жизнь, увечье деньгами не искупаются.

Отсюда мы видим, что наш закон коренным образом нарушал принцип использования живой силы по возрастам. Вместо деления мужского населения по горизонтальным возрастным слоям, как это мы видим на схеме 1, в действительности мужское население Российской империи было разделено как бы по вертикалям (см. схему 2), причем это деление крайне неравномерно распределяло тяготу воинской службы во время войны, налагая всю ее на плечи одной части населения и почти освобождая от нее другую. Вместе с нарушением принципа возрастного использования населения идея всеобщей воинской повинности терялась. В нарушении возрастного принципа наш закон проявлял своего рода последовательность. Призыв ратников ополчения I разряда производился после исчерпания лиц всех возрастов, прослуживших в мирное время в войсках, а призыв ратников ополчения II разряда производился только после использования почти всех возрастных классов ополчения I разряда.

Схема 2 с обозначенными на ней сроками призыва представляет в этом отношении весьма интересную иллюстрацию.

Такая постановка дела не могла во время войны упрочить в наших народных массах сознание всеобщей обязанности долга защищать свое Отечество. Для малокультурных масс русского народа практическое осуществление закона было гораздо убедительнее, нежели слова о священном долге, напечатанные в первой статье закона. После революции на солдатских митингах часто слышалась фраза: «мы тамбовские» или «мы пензенские», «до нас неприятель еще далеко, так нам незачем сражаться». Эта фраза формулировала не столько отсутствие патриотизма в низах русского народа, сколько отсутствие понимания идеи общей обязанности воинской службы. Наши законоположения о «воинской повинности», как мы видели, и не воспитывали народное сознание в этом направлении.

Германское законодательство, в противоположность нашему, крайне внимательно относилось к этому вопросу, и главным воспитательным приемом ему послужило тщательное проведение возрастного принципа в своих требованиях к гражданам. Вынужденное, так же как и русское (хотя и в меньшей степени), считаться с освобождениями от действительной службы в мирное время, оно создает для этих лиц особую категорию под названием эрзац-ре-

зерва. Все физически годные для службы в военное время, но освобожденные от действительной службы в мирное время, а также отпущенные из войск до истечения общего срока службы зачислялись в этот эрзац-резерв³.

С объявлением войны чины эрзац-резерва, не достигшие 28-летнего возраста, призывались наравне со своими сверстниками, числившимися в резерве, на укомплектование полевых и формирование резервных войск. Чины эрзац-резерва 28-32-летнего возраста призывались наравне со своими сверстниками, числившимися в ландвере 1-го призыва. Наконец, чины эрзац-резерва в возрасте 32-38 лет призывались опять-таки наравне со своими сверстниками — ландверистами для формирования частей ландвера 2-го призыва. По достижении 38-летнего возраста чины эрзац-резерва зачислялись на общем основании в ландштурм.

Отсюда мы видим, что с объявлением войны все освобождения и льготы, которые вынуждено было сделать германское законодательство для мирного времени, теряли свое значение и все население Германской империи уравнивалось в своих обязанностях по защите Отечества.

Необходимо остановить здесь внимание читателя на одном чрезвычайно интересном факте.

КАЗАЧЬИ УСТАВЫ О ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

Мы уже упоминали выше о том, что 21/2 проц. населения Российской империи в отношении воинской повинности подчинялось особым казачьим уставам. Мы говорили также, что причина выделения казачьего населения объяснялась стремлением не нарушать тех исторических традиций, которые сложились у казаков.

Основным типом для казачьих уставов послужил «Устав о воинской службе Войска Донского» (издан в 1875 году)⁴.

Согласно этому уставу вооруженная сила Войска Донского состояла из служилого состава войска и войскового ополчения.

Служилый состав разделялся на три разряда: а) приготовительный разряд, в коем казаки получали предварительную подготовку к военной службе;

б) строевой разряд, из которого комплектовались выставляемые войсками строевые части;

в) запасной разряд, предназначенный для пополнения убыли в строевых частях в военное время и для формирования в военное время новых воинских частей.

Служба каждого казака начиналась по достижении им 18 лет и продолжалась 20 лет. В этот период он находился в служилом составе, причем в приготовительном разряде он пребывал три года, в строевом — 12 лет и в запасном — пять лет.

В течение первого года нахождения в приго-

³ Ежегодно в эрзац-резерв зачислялось около 80 000 человек.

⁴ См. схему 3.

товительном разряде казаки освобождались от личных податей, как натуральных, так и денежных, и должны были готовить необходимое для службы снаряжение. С осени второго года казаки подготовительного разряда начинали получать первичную индивидуальную военную подготовку в своих станицах. В третьем же году сверх этого обучения для них назначались лагерные сборы на один месяц.

По достижении 21 года казаки зачислялись в строевой разряд, и из них такое число, какое было необходимо для пополнения строевых частей, зачислялось в феврале следующего года на действительную службу, на которой и оставалось непрерывно в течение четырех лет. Выставлявшиеся казаками полки и батареи разделялись на три очереди, из которых в мирное время 1-я очередь находилась на службе, а 2-я и 3-я — «на льготе». Вышеупомянутые казаки строевого разряда первых четырех возрастных классов состояли на службе в частях 1-й очереди; затем, по окончании 4-летней действительной службы, они зачисляются на четыре года в части 2-й очереди и, наконец, на остальные четыре года — в части 3-й очереди. Льготные казаки,

принадлежавшие к полкам 2-й очереди, подлежали ежегодно двум контрольным сборам и одному трехнедельному учебному сбору. Принадлежавшие же к полкам 3-й очереди подлежали сбору только один раз, а именно на третий год пребывания их в этой очереди, также на три недели.

Казаки запасного разряда в мирное время ни на какие сборы не собирались. В военное время они призывались на службу по мере надобности, начиная с младшего возраста.

Наконец, в войсковом ополчении состояли все казаки, способные носить оружие, не принадлежащие к служилому составу, причем казакам ополчения до 48-летнего возраста велся учет.

Мы нанесли на схему 3 распределение воинской службы согласно казачьим уставам, по возрастным слоям. Сравнивая это распределение с таковым же, созданным нашим общим уставом, и таковым же, созданным германским законодательством, мы не можем не увидеть большее сходство со вторым, нежели с первым. В казачьих уставах так же, как и в германском законоположении, мы видим чрезвычайно внимательное распределение тяготы военной службы по возрастным слоям, причем даже число таких возрастных слоев совпадает.

Этим сходство между казачьими уставами и германским законодательством не исчерпывается. Оно идет глубже.

Согласно казачьим уставам молодые люди, физически годные к воинской службе, но по той или другой причине освобожденные от действительной службы в мирное время, зачислялись в льготные полки. Таким образом, они не делались сразу же ратниками ополчения, как это происходило по общему уставу, а попадали в строевой резерв 2-й очереди. Вследствие этого с объявлением войны они теряли свои льготы мирного времени и шли наравне со своими сверстниками на защиту Отечества.

Сходство между казачьими уставами и германскими законоположениями об обязательной воинской службе тем более разительно, что о каком-либо взаимном заимствовании не может быть речи.

Мы встречаемся здесь лишь с крайне интересным социальным явлением: одни и те же идеи, логично и последовательно проведенные в жизнь, привели к одним и тем же следствиям.

Различие заключалось лишь в том, что Германия осуществила идею общеобязательной воинской службы в более грандиозном размере. Она подошла к этому осуществлению путем эмпирическим (сильный толчок в этом отношении дал Тильзитский мир 1807 года, секретной статьей которого Наполеон запретил Пруссии содержать в мирное время более 42 000 войск) и путем глубокой научной разработки под руководством такого гениального организатора, как фельдмаршал Мольтке. Казаки же шли исключительно эмпирическим путем. Вековая

СХЕМА №3.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ СОГЛАСНО УСТАВУ О ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ ВОЙСКА ДОНСКОГО (1875г.)

ВОЗРАСТЪ	НАИМЕНОВАНИЕ ПОДРАЗДѢЛЕНІЙ	КАТЕГОРІЯ
18	ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ РАЗРЯДЪ	I
19		
20		
21	СТРОВОЙ РАЗРЯДЪ	II
22		
23		
24		III
25		
26		
27		IV
28		
29		
30	ЗАПАСНОЙ РАЗРЯДЪ	V
31		
32		
33	ВОЙСКОВОЕ ОПОЛЧЕНІЕ	VI
34		
35		
36		
37		
38		
39		
40		
41		
42		
43		
44		
45		
46		
47		
48		

борьба, которая выпала на их долю для защиты России от захватчиков, потребовавшая участия в этой борьбе всего способного носить оружие мужского населения, не только воспитала казаков в идее общей обязательности воинской службы, но и отработала четкие формы осуществления этой идеи на практике.

Таким образом, в распоряжении русских государственных деятелей наряду с опытом рекрутского укомплектования армии был также и исторически сложившийся опыт казачьей общеобязательной воинской службы. Невольно возникает вопрос, почему же этот казачий опыт не был использован в общем уставе, раз на всю империю распространялась идея всеобщей воинской повинности.

Ответ на этот вопрос нужно искать в области общих социальных и политических условий.

Проведение в жизнь идеи общеобязательности воинской службы очень тесно связано с демократизацией общественного строя. Прусские архивы сохраняют целый ряд проектов интересных реформ, рассматривавшихся до Иены (1806 г.). Один из них, Кнезебека, предлагавший установление всеобщей воинской повинности, был отвергнут в 1803 году. Критик этого проекта писал: «Государственный строй и военные учреждения тесно связаны; выбросьте одно кольцо — и развалится вся цепь. Всеобщая воинская повинность возможна только при реформе всего политического строя Пруссии». Эти архивные проекты свидетельствуют о невозможности проведения всеобщей воинской повинности при наличии препятствий, коренившихся в общеполитических условиях тогдашней Пруссии. Точно так же выдающиеся военные умы XVIII века высказывали идеи в области тактики, те идеи, которые впоследствии осуществил Наполеон, но старый порядок был бессилён воспринять их. Так и в Пруссии — потребовался жестокий удар, потрясение до основ феодальных пережитков, чтобы перевести реформу из области пожеланий в жизнь. Только после Иены стал возможен Шарнгорст как творец военной реформы. Полное же вступление Пруссии на путь всеобщей воинской службы, путь, ведущий к «вооруженному народу», стало возможно только после революции 1848 года.

В силу исторических условий казачье население носило в своих традициях и общественных навыках печать глубокой демократичности. Остальная же Россия только с освождением крестьян делала первый шаг по этому пути. История не может не отметить все величие реформ императора Александра II. Но вместе с этим является совершенно естественным, что для сотрудников этого великого императора, направлявших развитие России по новым путям, трудно было отрешиться от влияния устарелых идей. Поэтому и в военном отношении идеи «Рекрутского устава» 1831 года были ближе для состави-

телей «Устава о воинской повинности» 1874 года, чем опыт общеобязательной службы казаков. Между тем «Рекрутский устав» 1831 года был построен на совершенно иных началах, а именно на идее профессиональной армии, обособленной от остальной части населения; этот устав вполне логично обосновывался, если можно так выразиться, на вертикальном делении мужского населения страны: одна небольшая часть мужского населения должна была сражаться до физической своей негодности, в то время как остальная могла спокойно пребывать в тылу, считая, что защита Отечества не ее дело. Влияние «Рекрутского устава» и внесло в устав 1874 года непоследовательность в проведении на практике возрастного принципа.

Влияние идей «Рекрутского устава» 1831 года на составителей устава 1874 года находит еще одно объяснение. В 1874 году идея «вооруженного народа» была новой не только для России, но и для всех прочих европейских государств, кроме Германии. Совершенно естественным являлось со стороны составителей нового устава стремление по возможности сгладить тот разрыв со старыми формами, который совершался при новом устройстве вооруженной силы. При естественном ходе вещей «Устав о воинской повин-

ности» 1874 года с течением времени совершенствовался бы, утрачивая вредные пережитки, заимствованные из «Рекрутского устава». Но взрыв бомбы, убивший 1 марта 1881 года императора Александра II, поставил кровавую точку на дальнейшем развитии его реформ, ориентировав царствование императора Александра III по другому пути. В лучшем случае мероприятия императора Александра II оставались без дальнейшего усовершенствования. Подобная участь постигла и закон о всеобщей воинской службе.

Вызванная неудачной войной с Японией революция 1905 года заставила русское правительство опять искать путь в направлении, указанном великими реформами императора Александра II. Но при наступившем успокоении страны правительство принимает все меры, чтобы уклониться от начинаний, возвещенных в Манифесте императора Николая II от 17 октября 1905 года. Правительство императора Николая II после революции 1905 года уже не верило в старые политические идеи и в то же время не хотело воспринять новые. Эта двойственность политики придает управлению государством характер безыдейности.

Колебания и безыдейность отражаются и в области устройства вооруженной силы.

Под непосредственным впечатлением поражений на полях Маньчжурии на посты высоких руководителей русской вооруженной силы были выдвинуты такие просвещенные и понимавшие современное военное дело лица, как великий

князь Николай Николаевич и генералы Палицын и Редигер. На великого князя было возложено, в качестве председателя Совета государственной обороны, общее руководство деятельностью начальника Генерального штаба генерала Палицына и военного министра генерала Редигера. Вместе с тем была проведена важная организационная реформа в виде выделения из военного министерства Главного управления Генерального штаба. Подобное выделение было особенно важно для России данной эпохи, так как позволяло сосредоточить внимание на научной разработке основных идей устройства вооруженной силы России. Под непосредственным руководством генерала Палицына и началась такая работа.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР ГЕНЕРАЛ В. А. СУХОМЛИНОВ

Но уже в 1908 году на небосклоне петербургской бюрократии появляется новое светило — генерал Сухомлинов. Совет государственной обороны упраздняется, и вместе с тем от общего руководства устройством вооруженной силы устраняется великий князь Николай Николаевич. Генералы Палицын и Редигер смещены со своих постов. Генеральный штаб вновь подчиняется военному министру, коим и становится генерал Сухомлинов.

Появление последнего на посту военного министра не является случайностью. В каждом социальном организме складывается своего рода социальный подбор. Известный английский афоризм «the right man on the right place» есть лишь результат такого подбора в здоровом социальном организме. В больном же организме социальный подбор выражается в том, что подбираются наиболее «удобные» люди. При подобном положении вещей появление «надлежащих людей» является в свою очередь случайностью. Появление в качестве начальника Генерального штаба генерала Палицына и военного министра генерала Редигера и являлось «случайностью», объяснявшейся только остротой впечатлений от неудач в японской войне и тем давлением, которое оказывала революция. Генералы Палицын и Редигер имели гражданское мужество указывать на отсталость нашей военной подготовки и на необходимость долгой, упорной работы, поставленной на научном основании; этим они разрушали легенду о нашей врожденной непобедимости.

По мере того как острое впечатление от поражения стало сглаживаться, а вспыхнувшая было революция улеглась, генерал Сухомлинов оказался более отвечающим политике «поворота вспять». Окончивший в 70-х годах прошлого столетия Академию Генерального штаба и украшенный Георгиевским крестом за войну 1877-1878 гг., он отсталость предполагать в себе сочетание высшего образования и боевого опыта. Но при быстром ходе развития военного дела

полученное высшее военное образование без постоянной напряженной работы по изучению эволюции военного дела теряет свою ценность. Сухомлинов пребывал в полном убеждении, что полученные им десятки лет тому назад знания, при этом часто уже устаревшие, остались незбылемыми истинами. Невежественность генерала Сухомлинова сочеталась с паразитическим легкомыслием. Эти два недостатка позволяли ему удивительно спокойно относиться к сложнейшим вопросам организации военной мощи. У не понимающих всю сложность современного военного дела людей создавалось ложное впечатление, что Сухомлинов быстро разбирается в деле и очень решителен. Между тем он просто уподоблялся человеку, который, гуляя около пропасти, не видит ее.

Нам пришлось остановиться несколько подробнее на фигуре генерала Сухомлинова, ибо этот ставший всесильным в области военной подготовки страны военный министр обусловил возвращение в этой области к безыдейности и бессистемности.

Насколько отсутствовало понимание необходимости обратного, свидетельствует следующий факт.

Органом, на который возлагается подробная научная разработка и в то же время синтез решений по всем частным вопросам военной подготовки государства, является учреждение, соответствующее по немецкой терминологии Большому Генеральному штабу. В России имелось Главное управление Генерального штаба, но вследствие многих причин оно далеко не соответствовало той высокой и ответственной миссии, которая на него возлагалась. Одной из главных причин тому была постоянная смена начальников Генерального штаба. Со времени вступления в управление военным министерством генерала Сухомлинова до начала войны, т. е. за шесть лет, на этом посту перебивало четыре лица (генералы Мышлаевский, Гернгросс, Жилинский, Янушкевич). Между тем в Германии последовательное пребывание на таком же посту тоже четырех лиц (графа Мольтке, графа Вальдерзее, графа Шлиффена, графа Мольтке-младшего) продлилось 53 года. Всякая смена начальников Генерального штаба неминуемо разрушающе отражается на всех работах по подготовке к войне. Поэтому говорить серьезно о возможности объединения в эпоху Сухомлинова всех многочисленных и многообразных мероприятий по подготовке вооруженной мощи и не приходится. В зависимости от способности, степени подготовки и даже вкуса того или другого лица у нас обращалось внимание на тот или иной вопрос; этот вопрос так или иначе разрешался, но того научно обоснованного синтеза, который имелся налицо во Франции или Германии, у нас не было.

Бессистемность и безыдейность управления министерством генерала Сухомлинова ярко обнаружилась при составлении таких основных

военных законоположений, как «Положение о полевом управлении войск».

«Венцом всех работ по реорганизации армии, — пишет генерал Ю. Данилов⁵, — должна была послужить переработка «Положения о полевом управлении войск в военное время». Этим положением должны были определяться: организация высших войсковых соединений, управление ими, устройство тыла и служба всякого рода снабжений. Действовавшее положение было издано в девяностых годах прошлого столетия и при современных условиях являлось совершенно неприменимым. Это показала еще война 1904–1905 гг., в период которой пришлось внести массу коренных изменений. Несмотря на ряд комиссий, работавших над новым проектом, дело не клеилось, и только к январю 1913 года, когда составление проекта по ходатайству отдела генерал-квартирмейстера было изъято из тормозивших его комиссий и сосредоточено при названном отделе Генерального штаба, работу удалось окончить. Проект встретил, однако, много возражений, преимущественно со стороны ведомств, занимавших привилегированное положение и желавших видеть своих представителей более самостоятельными, нежели это было определено общей схемой. Рассмотрение его затянулось на срок выше года, и только надвинувшиеся события 1914 года ускорили благополучное разрешение дела. То, что казалось неразрешимым при мирных условиях жизни в течение многих месяцев⁶, было разрешено в предвидении войны в одном ночном заседании. Только 16(29) июля 1914 года, т. е. всего за три дня до начала войны, было утверждено

верховой властью одно из самых важных для военного времени положений».

Еще в большей степени проявилась несостоятельность министерства Сухомлинова при проведении необходимой реформы в законоположениях о всеобщей воинской службе, ибо подобная реформа требовала не только углубленного научного понимания современной войны, но и широкой точки зрения на все стороны государственной жизни.

Мы опять приведем здесь выдержки из книги генерала Ю. Данилова «Россия в мировой войне».

«Основанием всей нашей военной системы являлся Устав о воинской повинности, изданный еще в царствование императора Александра II и, конечно, значительно устаревший. Чувствовалась и в правительственных кругах, и в думских сферах настоятельная необходимость его полной переработки. Но на это необходимо было время. И вот, чтобы надежнее и поскорее двинуть дело, Государственная дума приняла решение отказывать правительству в увеличении ежегодно утверждавшегося ею контингента новобранцев до тех пор, пока не будет проведен через законодательные учреждения новый устав...»

«Сложность вопроса, внутренние междоветственные трения, которых всегда было немало, привели к тому, что новый устав о воинской повинности был утвержден в 1912 году. Став, таким образом, законом незадолго до войны, он почти не оказал влияния на условия фактического комплектования армии и порядок приведения ее на военное положение. К тому же новый устав недалеко ушел от своего предшественника и ни в какой мере не обеспечивал русской армии мирного времени превращения ее с объявлением войны в вооруженный народ».

«Теоретически необходимость построения вооруженной силы современного государства на приведенном базисе, может быть, и признавалась, но реального осуществления это положение не получило».

*Публикацию подготовил
И. А. АНФЕРТЬЕВ*

⁵ Генерал Ю. Данилов до войны, с 1908 г. по 1914 г., занимал ответственную должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. При быстрой смене начальников Генерального штаба он, пребывая в должности ближайшего помощника начальника Генерального штаба, приобрел большое влияние на решение всех вопросов оперативной подготовки. Тем больший интерес имеют страницы в его книге «Россия в мировой войне», критикующие сухомлиновский режим. В данном случае мы цитируем выдержку со стр. 51 и 52 его книги.

⁶ Вернее сказать, годов (автор).

(Продолжение следует)

ПРАЗДНИКИ РУССКОЙ АРМИИ

Специфической, ныне, к сожалению, совершенно забытой областью духовной культуры и общественной жизни России до октября 1917 года являлись воинские праздники, тесно связанные, как вся жизнь и быт народа и армии того времени, с традициями православной церкви и церковным календарем, с тысячелетней историей страны. В одной статье невозможно рассказать обо всех этих праздниках и памятных днях — ведь у каждой части, от прославленного гвардейского полка и до последнего дисциплинарного батальона, был свой праздник, соответствовавший храмовому празднику полковой церкви и известной всей армии, а у большинства учебных заведений было по два праздника — корпусной (училищный, академический) и храмовый. Кроме того, существовали праздники отдельных родов войск, множество дней памяти чтимых церковью выдающихся князей-полководцев, знаменательных военно-исторических дат, годовщин сражений, в которых принимал участие тот или иной полк. К датам памятных для полка сражений нередко приурочивались и полковые праздники. «День св. мученика Мирона 17 августа (по старому стилю) отгал полковым праздником лейб-гвардии Егерского полка в память о его подвигах во время сражения под Кульмом. За мужество, явленное в бою, полк был награжден почетными георгиевскими знаменами. При постройке в 1855 г. полкового храма его левый придел, давший впоследствии название всему храму, был посвящен св. мученику Мирону в честь полкового праздника и в память об отличии полка»¹. Подобных примеров можно привести достаточно много.

На традициях ежегодно повторяющихся патристических праздников, органично связанных с привычным солдату церковным, народным календарем, воспитывался российский воин. Приведем лишь основные из старых военных праздников и те дни памяти увековеченных церковью героев, о которых, безусловно, интересно и полезно знать любому культурному человеку.

Символично, что первым в нашем перечне стоит имя народного героя, дошедшее до нас из глубокой древности. 1 января² церковь чтит память преподобного Ильи Муромца. Дел его не сохранили летописи, лишь примерно, из более поздних фольклорных источников, можем мы определить время, в которое жил Илья, но главное для нас — живая память о конкретном воине — защитнике степного порубежья.

7 января — Рождество Христово. К этому празднику приурочено было в Российской империи, и в первую очередь в армии, «вспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцать языков». Как известно, последние остатки бывлой «великой армии» покинули российские пределы под новый 1813 год. Этот день считали своим праздником пять армейских полков³. 14 января собирався войсковой круг войска Донского, а 15-го, на Богоявление, отмечали корпусной праздник кадеты Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса⁴.

Военные топографы тоже имели свой праздник. 10 февраля — день памяти преподобного Ефрема Сирина, праздник Корпуса военных топографов и военно-топографического отдела управления Главного штаба. 16 февраля, в день «всех святых преподобных в подвиге просиявших» и памяти Анны Праведной, отмечался кавалерский праздник Ордена св. Анны. 17 февраля, в память о злосчастном побоище на реке Сити (1238 г.) и гибели там последней надежды на отражение монголо-татарского нашествия, церковь чтит память убиенного великого князя Владимирского Георгия Всеволодовича.

1 марта — масленица, славный языческий праздник, который мы ныне называем «проводами русской зимы». В этот день корпусной праздник отмечал 1-й Санкт-Петербургский кадетский корпус. 14 марта в частях служили панихиды по погибшему от бомбы народовольца «в Бозе почившему» императору Александру II. В этот день предписывалось на разводах и иных построениях «барабанам не бить, музыке не играть». 17 марта церковь и армия чтит память двух исторических личностей: первого московского князя Даниила Александровича и Василия Константиновича Ростовского, взятого в плен татарами на Сити, пощаженного тогда ими за доблесть в бою, но замученного двумя неделями позже за отказ служить Батыю. 27 марта юнкера и офицеры Константиновского артиллерийского училища отмечали свой (не храмовый) праздник, а 30-го, в день Алексия — «человека Божия», именниками были казаки-дальневосточники (все части Забайкальского, Амурского и Уссурийского войск).

В апреле праздновали свои дни многие гвардейские части: лейб-драгуны — на мученика Хрисанфа (4 апреля); лейб-гвардии Конный полк и бригада Восточно-Сибирских стрелков —

¹ Шаталов С. Полковые церкви русской армии // Воронежский епархиальный вестник. — 1992. — № 1-2. — С. 43.

² Все даты приводятся по новому стилю.

³ Подсчеты полков — на 1908 г.

⁴ Далее будут упоминаться праздники лишь отдельных корпусов и училищ.

на Благовещение (7-го числа); лейб-гвардии Уральская Его Императорского Величества казачья сотня — на Мефодия Моравского (19 апреля); лейб-гвардии Гренадерский полк — на святого мученика Артемона (26 апреля). 10 апреля, дату официального образования своего войска, отмечали казаки-астраханцы, а 27-го собирался Войсковой круг Кубанского казачьего войска. Пасха была праздником множества армейских полков.

Самым почитаемым праздником у русских военных был «Юрьев день весенний», по новому стилю приходящийся на 6 мая — «День памяти Великомученика Георгия Победоносца — покровителя воинства российского». Этот праздник отмечался во всех частях, на кораблях, в учебных заведениях и учреждениях. Обязательно служился молебен, проводились другие торжественные мероприятия, офицеры устраивали пикники, а личный состав отправлялся в увольнение. Кроме того, этот праздник считали своим, т.е. храмовым, в Главном штабе, в Александровском, Одесском, Оренбургском казачьем военных училищах, десяти пехотных и стрелковых и в пяти кавалерийских, в том числе 13-м драгунском Военного ордена, полках, а также во всех частях Оренбургского и Семиреченского казачьих войск. День святого Георгия Победоносца и ныне по праву мог бы стать праздником новой Российской армии⁵.

19 мая, в день рождения императора Николая II и день памяти Иова многострадального, собирался Войсковой круг Донского казачьего войска. Заметным еще со времен царя Петра воинским праздником был день пророка Исайи. Его как свой праздник отмечали Николаевское кавалерийское училище, офицерская кавалерийская школа, Владимирское (СПб.) военное училище и двадцать четыре полка, десять из которых были кавалерийскими, в том числе кирасиры Ее Величества. 25 мая праздновалось основание (1570 г.) Всеволодского войска Донского.

2 июня — память благоверного князя Довмонта-Тимофея Псковского. Сын «Литвы хороброй», непобедимый воевода, он стал грозой ливонских рыцарей. В июне свой праздник отмечали тридцать восемь частей, например 3-го числа, в день памяти равноапостольных царей Константина и Елены, — праздники Павловского военного училища, московских драгун и многих других частей. Особенно много частей-именинниц приходилось на Троицу: лейб-гвардии Измайловский, семнадцать армейских пехотных и стрелковых, три кавалерийских полка. 27 июня — день памяти благоверного князя Мстислава Новгородского Храброго — отца знаменитого Мстислава Удалого. Удачливый полководец, прославившийся на Юге, Мстислав-старший завоевал для Новгорода почти всю Эстонию и был (уникальный случай) похоронен в главной святыне Новгорода — храме св. Софии. 28 июня — праздник лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. К перечисленному можно добавить, что 1 июня был установлен день поминовения благоверного кня-

зя Дмитрия Донского, уже в наше время причисленного к лику святых.

Июль богат знаменательными датами — годовщинами побед. 9 июля — морской праздник, годовщина Чесмы. В этот день служили благодарственный молебен и провозглашали вечную память основателю русского флота. 10 июля, в день памяти проповедника Сампсония, в годовщину Полтавской битвы, отмечал свой праздник Петровско-Полтавский кадетский корпус. 4 июля, на память св. Иулиана, праздновали кирасиры Его Величества, а также собирался Войсковой круг Забайкальского войска. 7-го числа, на Рождество Иоанна Предтечи, отмечались храмовые праздники Пажеского Его Императорского Величества и 1-го кадетского корпусов. День Святого Духа был праздником Варшавской крепостной артиллерии и двух боевых армейских полков, многократно прославившихся за свою долгую историю: 41-го Селенгинского и 78-го Навагинского. На день апостолов Петра и Павла приходятся праздники двадцати частей, а также Инженерной академии и училища (не храмовые), 1-го Московского и Донского императора Александра III кадетских корпусов. 18 июля — память преподобного Сергия Радонежского, молитвенного покровителя русского воинства, благословившего его на Куликовскую битву. 28 июля, в день памяти равноапостольного князя Владимира, — праздник Владимирско-Киевского кадетского корпуса. Всего же в июле свои праздники отмечали 38 полков, например прославленные Ахтырские гусары — 15-го, в день празднования обретения иконы Пресвятой Богородицы Ахтырской, а не менее знаменитые Гродненские лейб-гусары — 24-го, в день представления Ольги, княгини русской. 17 июля — день памяти убиенного благоверного князя Андрея Боголюбского, в молодости безупречного рыцаря, отличившегося во множестве битв, в зрелые годы — незаурядного стратега, организатора успешных походов и коалиционных войн.

2 августа — Ильин день, праздник офицерской воздухоплавательной школы. 4 августа — день памяти равноапостольной Марии Магдалины — считался праздником всех учебных заведений. На 9 августа — день памяти святого великомученика и целителя Пантелеймона — приходится еще один военно-морской праздник — годовщина побед русского флота при Гангуте и Гренгаме в 1714 и 1720 годах.

Так называемый Мокрый Спас, совпадающий 14 августа с византийской традицией «Изнесения древ Креста Господня», — древнейший воинский праздник Владимиро-Суздальской Руси, установленный отцом собственно российской государственности князем Андреем Боголюбским в честь победы над волжскими булгарами в 1164 году.

Среди августовских воинских праздников выделяется Преображение Господне (19-е число) — праздник тезоименитства старейшего гвардейского полка. Вместе с преображенцами его отмечали Псковский кадетский корпус, лейб-гвардии Санкт-Петербургский, 1-й гренадерский Екатеринбургский и еще восемнадцать армейских гренадерских, пехотных, стрелковых и кавалерийских полков, а также вся гвардейская артиллерия, ведущая свое происхождение от бомбардирской

⁵ Болгария уже объявила этот день военным праздником. До сих пор в отношении некоторых праздников мы следовали примеру болгар (Рождество, Пасха, День Кирилла и Мефодия).

роты Преображенского полка. В гвардейской артиллерии, кроме того, были еще праздники дивизионные и батарейные. Успение Пресвятой Богородицы (28 августа) праздновали Нижегородский Аракчеевский кадетский корпус (храмовый праздник) и восемь полков. На другие дни августа приходились праздники еще двадцати двух полков, в том числе лейб-гвардии Егерского, о котором упоминалось выше. Некоторые привилегированные части также имели по два праздника в году. Так, в августе, 13-го числа, на память праведника Евдокима, приходился день 1-го Донского Суворовского казачьего полка — особо от прочих частей своего войска, а 14-го, на мучеников Маккавеев, — 1-го Уральского казачьего.

Самый значительный в сентябре — Александров день (12-е число) — перенос мощей благоверного великого князя Александра Невского, установленный Петром Великим общегвардейский праздник. Этот почитаемый в армии день был также праздником всех частей Кубанского казачьего войска, Михайловского артиллерийского училища, лейб-гвардии Павловского гренадерского, лейб-гвардии Атаманского, 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова и еще двадцати семи пехотных и стрелковых полков. 18 сентября — день св. Елизаветы — праздновали блестящие кавалергарды, «первый полк империи», обязанные его восстановлением, скорее основанием, императрице Елизавете Петровне. Части Терского казачьего войска и кадеты Ярославского корпуса своими святыми покровителями считали апостолов Варфоломея и Тита, чью память православные чтят 7 сентября. В день Бородина, на Сретение иконы Пресвятой Богородицы Владимирской, заступничеством которой москвичи и все русские люди в 1405 году защитились от приближавшегося войска Тамерлана, отмечал свой праздник 68-й пехотный Бородинский полк.

Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября), покровительницы и защитницы русской земли, совпадает с Мамаевым побоищем, после которого «оскудела ратными русская земля». Куликовская победа стала первым общерусским подвигом, сплотившим вокруг Москвы духовные силы народа, уверовавшего в особую милость Богородицы, ведь день сбора войск пришелся на Успение (15 августа), а сама битва — на субботу, день богослужения, посвященного прославлению Богородицы. И радостно-скорбное возвращение уцелевших героев в Москву пришлось на Покров (1 октября по старому стилю). Рождество Пресвятой Богородицы праздновали как полковой праздник пять частей: Александровский кадетский корпус свой храмовый праздник отмечал 24 сентября, Константиновское артиллерийское училище и Оренбургский Неплюевский кадетский корпус — 26-го.

Октябрьские праздники открывались 5-го числа кавалерским праздником Ордена св. Владимира. 8 октября артиллеристы праздновали «Всей артиллерии Собор». 14 октября — Покров Пресвятой Богородицы, старинный «неформальный» всеказачий праздник, позже ставший праздником Главного управления казачьих войск. В этот же день отмечали свой праздник Киевское военное училище, Иркутский и Варшавский Су-

воровский кадетские корпуса, шесть пехотных полков. С праздником Покрова традиционно связана одна из славнейших побед русского оружия: днем позже в 1552 году воеводы Ивана Грозного одолели, наконец, «зло казанское». 17 октября, на память мученика Ерофея, приходится полковой праздник лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, Кубанской и Терской казачьих сотен Собственного Его Императорского Величества конвоя, а также 16-го Иркутского и 19-го Архангелогородского гусарских полков. 18 октября, в день памяти митрополита московского Филиппа, праздновали 65-й Московский пехотный Его Величества полк, одна из бригад восточно-сибирских стрелков, Владикавказский и Ташкентский кадетские корпуса и Севастопольская крепостная артиллерия. 19 октября, в Фомин день, — храмовый праздник Морского кадетского корпуса. 30 октября, в день пророка Осии, святых Андрея Критского, Козмы и Дамьяна, был праздник всех частей Донского казачьего войска и войсковой круг Кубанского и Астраханского войск.

Конец октября — начало ноября — время траура. Памяти павших в Куликовской битве была первоначально посвящена Дмитриевская родительская суббота, отмечаемая перед днем памяти великомученика Дмитрия Солунского (8 ноября). В эти дни россияне всегда молились за упокой души воинов, павших за Отечество: «Во всех частях, управлениях, учреждениях и заведениях — служение панихид по усопшим воинам. Барабанам не бить, музыке не играть». Так прививались и «любовь к отеческим гробам», и уважение к самому себе как наследнику славы предков, что является основой воинского долга и чести.

Общенациональным праздником в империи считался и день восшествия на престол царствующего монарха. В годы последнего царствования эта дата приходилась на 3 ноября. 4 ноября, в день празднования обретения одной из самых почитаемых на Руси икон — Пресвятой Богородицы Казанской, помогавшей ратникам второго ополчения при освобождении Москвы от поляков, именинниками были юнкера и офицеры Московского (Алексеевского) и Казанского военных училищ, а с ними четыре полка. 6 октября, в день чудотворной иконы «Всех скорбящих радости», был храмовый праздник Николаевского инженерного училища, 13-го — Константиновского артиллерийского, 19-го — лейб-гвардии Гусарского полка.

Одним из самых значительных военных праздников России был отмечаемый 21 ноября Собор архангела Михаила (архистратига) и прочих бесплотных сил. Этот день являлся кавалерским праздником всех российских орденов, праздником частей Уральского казачьего войска, Военно-топографического училища, Тифлисского и Новочеркасского казачьего военных училищ, 2-го Московского, Орловского Бахтина, Михайловского Воронежского кадетских корпусов, а также лейб-гвардии Московского и Литовского и еще шести армейских пехотных полков.

Первая половина декабря густо насыщена военными праздниками. 4 декабря — Введение Богородицы во храм — было праздником Отдельного корпуса пограничной стражи и лейб-гвардии Семеновского полка. 5 декабря — память мученической смерти в орде Благоверно-

го великого князя Михаила Ярославича Тверского, а 6-го, в день Успения святого Благверного князя Александра Невского, — праздник трех кадетских корпусов и лейб-гвардии Атаманского полка. 7 декабря церковь чтит память Меркурия Смоленского — юноши-воина, спасшего родной город от врага (и здесь за легендой угадывается историческая основа). Этот день отмечался как храмовый праздник Николаевских инженерных академии и училища. На следующий день, день памяти Священномученика Климента, папы Римского, и Петра, епископа александрийского, был праздник Михайловских артиллерийских академии и училища.

9 декабря, Юрьев день осенний, — кавалерский праздник Ордена св. великомученика и победоносца Георгия, праздник Елисаветградского кавалерийского, Чугуевского и Иркутского военных училищ, Сумского кадетского корпуса, праздник четырех полков армейской пехоты, финляндской стрелковой бригады, сумских и павлоградских гусар и повторно драгунского (бывшего кирасирского) Военного ордена полка. 10 декабря — праздник иконы Божией матери «Знамение». В 1170 году эта чудотворная икона помогла новгородцам одержать победу над владими́ро-суздальским войском. На этот же день приходился корпусной праздник Владимирско-Киевского кадетского корпуса. 13 декабря, в день памяти апостола Андрея Первозванного, — кавалерский праздник Ордена св. Андрея Первозванного. В этот день Петром I был утвержден Андреевский флаг.

Последним большим военным праздником в году был день памяти Святителя Николая Мирликийского (19 декабря), который считали своим храмовым праздником кадеты Полоцкого,

Петровского, Полтавского, Симбирского кадетских корпусов, слушатели офицерской артиллерийской школы. Этот же день был корпусным праздником в Донском казачьем, Вольском и Сибирском корпусах, Тверском кавалерийском училище, считался праздником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Николай Угодник был покровителем тридцати пяти частей, в том числе роты дворцовых гренадер, гвардейского полевого жандармского эскадрона, многих старых армейских пехотных полков, десяти стрелковых во главе с лейб-гвардией стрелковым полком (в том числе и знаменитой «Железной» стрелковой бригады), а также десятков армейских артиллерийских дивизионов. 19 декабря — это еще и праздник всех частей Сибирского казачьего войска.

Заканчивается перечень русских воинских праздников и памятных дней 25 декабря. В день памяти святителя Спиридона праздновал корпусной праздник Пажеский Его Императорского Величества корпус, а вместе с ним лейб-гвардии Волынский и Финляндский полки, а также два полка армейской пехоты: 59-й Люблинский и 186-й Асландузский.

Как видим, русская военная история и история Русской православной церкви неразделимы. Во все времена на Руси стихию военной опасности одолевала сила патриотизма, окрыленная Верой, сиречь идеологией. Без нее мертвое военное искусство вождя и боевое мастерство бойца, и на весах истории слова: «Не в силе Бог, но в правде» — значат не менее, чем полководческий талант того, кто их произнес.

Ю. В. СУХАРЕВ

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Сегодня многие издательства переживают трудные времена. Не могли бы вы рассказать, как в нынешних условиях работает издательство «Патриот», книги которого по тематике близки публикациям «Военно-исторического журнала».

А. КОЛЕСОВ (Пермь)

«ПАТРИОТ» ВЕРЕН СЕБЕ

*На вопрос нашего читателя отвечает
сотрудник издательства «Патриот»
полковник в отставке И. Д. НОСКОВ*

Положение нашего издательства типично для большинства издательств. Особенно остро дают о себе знать проблемы распространения литературы. Это, подчеркну, сегодня для нас очень больной вопрос. В остальном же «Патриот» верен себе. Издательство ставит своей целью активно содействовать распространению духовных ценностей, возрождению национального самосознания нашего народа, его культуры, традиций, обычаев и обрядов.

Особое внимание издательство уделяет истории Российского государства, славным победам его защитников на полях сражений с иноземными захватчиками, возвращению из небытия забытых имен выдающихся сынов Отечества — подлинных патриотов своей великой Родины.

«Патриот» продолжает выпускать литературу художественную, военно-историческую, научно-популярную, техническую (прежде всего по автоделу

и радиоэлектронике), спортивную. Впервые включаются в тематический план выпуска книги для детей и досуга (по домоводству, приусадебному хозяйству и т. п.).

Подчеркну, что в дополнение к уже получившим признание у читателей сериям «Отчизны верные сыны», «Военно-приключенческие повести», «Полководцы» издательство предпримет выпуск новой серии «Русский исторический роман», куда войдут преимущественно книги русских писателей, доселе мало известные широкой российской аудитории.

Можно еще немало рассказывать о творческих планах нашего издательства. Замечу лишь, что все они отражены в аннотированном тематическом плане выпуска литературы на 1993 год, с которым может познакомиться каждый, кто заинтересуется книжной продукцией издательства «Патриот».

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Перевод с немецкого

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

начальника личной охраны ГИТЛЕРА группенфюрера СС

и генерал-лейтенанта полиции РАТТЕНХУБЕРА Ганса

от 28 ноября 1945 года

Охрана Гитлера во время его выездов за границу и на фронт

В отношении поездок Гитлера на фронт могу показать следующее.

1. Во время войны с Польшей Гитлер выезжал в район Кульмана на Висле, в г. Кельцы, на реку Сан, в район Лодзи и совершил две поездки под Варшаву, в район боевых действий.

2. Во время войны с Францией Гитлер посещал фельдмаршала Клюге в Бостони, был также в г. Лилль, на реке Ипр, в г. Дюнкерк и совершил полет в Париж, где знакомился с достопримечательностями города.

3. Во время войны с Советским Союзом, в 1941-1942 гг., Гитлер вылетал в г. Брест и Умань, в районы городов Риги и Минска, в Мариуполь к фельдмаршалу Клейсту, в Полтаву к фельдмаршалу Рейхенау и в Смоленск к фельдмаршалу Клюге.

В 1943 году Гитлер вылетал в Запорожье к фельдмаршалу фон Манштейну и вторично посетил фельдмаршала Клюге в Смоленске.

В последующее время на Восточном фронте Гитлер больше уже не бывал, за исключением одного выезда к своим войскам на реку Одер в марте 1945 года.

Должен дополнить, что Гитлер выезжал специальным поездом еще в 1940 году для осмотра французских пограничных укреплений, а в 1941 году — в г. Хендей, на франко-испанской границе, для встречи с Франко. Во время одной из таких поездок (когда, точно не помню), он встречался с маршалом Петеном в г. Монтуар.

За исключением совместного вылета на фронт с Муссолини, все остальные поездки Гитлера были проведены неожиданно и поэтому никакие подготовительные охранные мероприятия проведены не были, тем более что Гитлер приезжал на фронт не больше чем на несколько часов. По прибытии Гитлера местные органы СД немедленно принимали все необходимые меры по его охране.

Некоторое исключение составляют полеты в Мариуполь и Запорожье.

В Мариуполе Гитлер ночевал в отведенном для него доме, кажется, в бывшей гостинице на берегу моря.

В Запорожье он жил два дня в помещении авиационной казармы.

В обоих случаях, при содействии органов тайной полевой полиции, мною были проведены необходимые охранные мероприятия в непосредственной близости к квартире Гитлера, как-то: усиленная патрульная служба, внутренние и внешние караулы, закрытие всего прилегающего района для постороннего движения.

Более широкие мероприятия по охране мною не проводились, так как это могло вызвать ненужную шумиху.

Вследствие этих минимальных мер по охране пребывание Гитлера в Мариуполе осталось неизвестным для местных жителей, а в Запорожье об этом знало лишь небольшое количество лиц.

Гитлер и Муссолини посетили в Брест-Литовске только крепость. За время посещения крепость была окружена «батальоном сопровождения фюрера» и закрыта для проникновения туда военнослужащих и гражданских лиц.

По прибытии в Умань рядом с аэродромом была разбита палатка, где фельдмаршал Клюге доложил Гитлеру и Муссолини обстановку на фронте, после чего все мы выехали на автомобилях в окрестности города.

Поездка совершалась по абсолютно пустой местности, и мы встретили по пути лишь несколько грузовиков с итальянскими солдатами, которые были очень удивлены, увидев Муссолини.

Во время этой поездки Гитлер два раза питался на аэродроме из солдатской кухни.

Об этом я покажу подробнее в специальном разделе, а сейчас по вопросу охраны Гитлера считаю необходимым дополнить свои показания в отношении его заграничных поездок.

В мае 1938 года Гитлер выезжал в Италию. Для организации охранных мероприятий был создан «охранный штаб» под председательством итальянского министра

ПО ПРОЗВИЩУ «ВОЛК»

внутренних дел Бокини. Его заместителем являлся начальник 4-го управления СД группенфюрер СС Мюллер.

Подготовка началась за несколько недель до поездки. Был проведен усиленный контроль на итало-германской границе, в морских портах, особо тщательное наблюдение за иностранцами. На дорогах к Риму, Неаполю, Флоренции (куда был намечен приезд Гитлера) была учреждена непрерывная проверка всех проезжающих лиц. Я командировал трех своих сотрудников в Рим, Неаполь и Флоренцию для организации контакта с итальянскими органами безопасности.

Поездка совершалась по железной дороге в двух спецпоездах.

Начиная с итало-германской границы до Рима по обеим сторонам пути были выставлены воинские части. Каждому железнодорожному чиновнику был придан сотрудник криминальной или политической полиции для контроля за работой. На паровозах находились немецкие инженеры, отвечавшие за техническое проведение поездки.

На заранее обусловленных станциях находилось тщательно отобранное «население», главным образом фашистские союзы в полной форме.

Гитлер показывался у окна и отвечал на приветствия. Из вагона не выходил. На остановках личная охрана окружала его вагон и следила за поведением посторонних лиц.

В Риме Гитлера встретили: король, наследный принц и Муссолини. Поездка во дворец Квириналу, где были отведены апартаменты для Гитлера, совершалась в парадных каретах. Охрана осуществлялась батальоном кирасир.

Задолго до поездки автострада была закрыта для посторонних лиц и посыпана песком на всем протяжении пути, чтобы контролировать любое постороннее появление на дороге. Тротуары были ограждены деревянными барьерами, перед которыми были выставлены гвардейские части, за барьером находились фашистские союзы.

Окна домов были заняты полицией и зрителями по особому списку. На узких участках пути окна были закрыты и декорированы коврами и флагами.

Канализационные устройства, каналы, мосты находились под тщательным наблюдением криминальной полиции.

Гражданские лица, пользовавшиеся правом прохода к автостраде, должны были

иметь серию пропусков. Утеря одного из них делала остальные недействительными.

Меры по безопасности дворца Квириналу, где останавливался Гитлер, мне неизвестны, так как неудобно было об этом расспрашивать, ибо речь шла о дворце самого короля.

В верхнем этаже над апартаментами Гитлера проживали придворные чины, а внизу была размещена немецкая охрана во главе со мной.

На одном этаже с Гитлером размещались его адъютанты Брюкнер и Шауб.

Поездки Гитлера по Италии (во Флоренцию и Неаполь) проводились на итальянской автомашине «альфа-ромео», водителем которой Муссолини поставил своего личного шофера. Скорость автомашины достигала 90 миль в час.

Машина, предоставленная в пользование Гитлера, была обычной, она не имела брони и непробиваемого стекла. Никакого иного специального устройства на ней тоже не было, по крайней мере, я и личный шофер Гитлера Кемпка не обнаружили этого при самом тщательном ее осмотре.

Охрана также ехала на автомашинах марки «альфа-ромео» и мотоциклах «мотокуцци». До поездки шоферы несколько раз тренировались на трассе. Весь путь был закрыт для постороннего движения и усиленно охранялся итальянской полицией.

В отличие от итальянской поездки поездка Гитлера в Финляндию зимой 1942 года была секретной и не требовала особых охранных мероприятий, кроме тщательного сохранения тайны.

Я вылетел в Финляндию за несколько дней до прилета Гитлера, проверил на месте состояние охраны и установил связь с финской полицией. Гитлер вылетел из своей ставки (около г. Растенбург) и приземлился недалеко от г. Хельсинки.

О его приезде даже не знало немецкое командование. До Хельсинки он ехал на финской машине обычного типа, так как свою не брал. Дорога шла лесом, поэтому окружающий лесной массив был заполнен войсками и криминальной полицией с собаками. По самой трассе через каждые 200-300 м стояли посты, сообщавшие по телефону о передвижении Гитлера.

Кроме того, трасса усиленно патрулировалась полицией, посаженной на мотоциклы.

Посторонние лица, естественно, не допускались на трассу.

**Охрана Муссолини
во время пребывания в Германии
и его поездки с Гитлером на фронт.
Похищение Муссолини**

Во время приезда Муссолини в 1937 году в Германию весь железнодорожный путь от итало-германской границы до Берлина охранялся полицейскими, стоявшими на расстоянии видимости друг от друга.

Поскольку полиции не хватало, были мобилизованы отряды СС, СА, НСКК (национал-социалистский моторизованный корпус) и «трудовой повинности».

За безопасность на каждом участке пути в той или иной области отвечал соответствующий высший начальник СС и полиции.

Перед личным поездом Муссолини двигался специальный форпоезд.

Для усиления итальянской охраны, насчитывавшей 20 человек и возглавляемой Ронкуччи, в спецпоезде находилась выделенная мною немецкая охрана (РСД) под командованием гауптштурмфюрера Витмана в количестве восьми человек.

Населению, встречавшему Муссолини и Гитлера, было запрещено держать в руках какие-либо пакеты или свертки. Также было запрещено фотографирование и бросание цветов. Население было об этом уведовлено в газетах и по радио, а также полицейскими на мотоциклах, возившими с собой щиты с соответствующим текстом.

В Мюнхене и Берлине за 30 минут до прибытия поезда движение транспорта и пешеходов в районе маршрутов Гитлера и Муссолини было закрыто. Пассажиры, прибывшие с другими поездами, выводились запасными путями на боковые улицы.

Гитлер и Муссолини, как правило, ехали в машине стоя. На расстоянии двух метров справа и слева ехали обе машины охраны СС и РСД, образуя треугольник с машиной Гитлера.

На подножках машин охраны стояло по два охранника, готовых в любой момент прыгнуть с машин.

Дворец принца Карла в Мюнхене, где остановился Муссолини, был под тщательным наблюдением гестапо. Продукты питания во дворец доставлялись из запасов Гитлера.

В Мюнхене Муссолини и Гитлер были один день, принимали парад частей СС и вечером выехали в Берлин. Особых мероприятий по охране их во время парада не потребовалось, так как гражданской публики там не было. Путь от дворца до площади (100 м), где проводился парад, был очищен от посторонних лиц.

В Берлине Муссолини проживал во дворце Бельвю. Этот дворец, служивший для приема иностранных гостей, был круглый год под наблюдением гестапо. Примерно за восемь дней до приезда Муссолини дворец был еще раз тщательно проверен сверху донизу. Работы во дворце — расстановка цветов и украшений — производились под наблюдением чиновников гестапо. Всем занятым во дворце лицам были выда-

ны новые специальные пропуска. После прибытия Муссолини и сопровождающих его лиц были вновь выданы новые пропуска, а старые утратили свою силу.

Во время большой манифестации на стадионе «Олимпия» подъездной путь к стадиону был организован таким образом, что по нему проезжали только лишь машины Гитлера и Муссолини со свитой.

Кроме того, Муссолини и Гитлер выезжали в район маневров частей германской армии.

Охрана района маневров, которые происходили севернее Берлина (около Мекленбурга), поставила полицию перед новой сложной задачей, так как не было ясно, в какое именно место поедут Гитлер и Муссолини. Поэтому весь район был поделен на сектора, разделенные естественными рубежами и железными дорогами. Соответственно характеру местности и количеству населенных пунктов в сектора направлялось нужное количество полиции. Одежда полиции подбиралась соответственно обычной одежде местных жителей.

Оперативные команды, руководившие охраной в секторах, за 10-14 дней выезжали на места и знакомились с обстановкой. Немедленно была учреждена патрульная служба во всех секторах.

Связь по телефону с центром в Берлине разрешалась только при чрезвычайных происшествиях. Таким образом, исключалось излишнее возбуждение населения чрезмерными охранными мерами.

Формально оперативные команды входили в подчинение начальников сельской жандармерии, хорошо знавшей местных жителей. Таким образом, весь охранный механизм был отработан.

Посещение маневров прошло без малейших происшествий.

В ставку Гитлера (район г. Растенбург) в 1941 году Муссолини приезжал в специальном поезде, причем охрана его была организована аналогично тому, как я уже описал выше в разделе поездок Гитлера по железной дороге.

Муссолини все время находился в ставке, за исключением выездов в Брест-Литовск и Умань.

Вылет в Брест-Литовск был совершен с аэродрома г. Растенбург, где находились только самолеты «эскадрильи фюрера». Другие самолеты ставки дислоцировались на аэродроме около г. Летцен.

Нужно было охранять только путь от ставки к аэродрому. Для этого было выставлено большое количество постов из состава «батальона сопровождения фюрера». Местность, прилегающая к дороге, и мосты охранялись сотрудниками РСД. Большое внимание уделялось также зарослям и кустарникам. Трава на площади, примыкавшей к дороге, была скошена.

В ставку ОКХ (командование сухопутных войск) поездка совершалась по железнодорожной ветке, соединяющей эту ставку со ставкой Гитлера. В этом случае

также были приняты усиленные меры охраны Муссолини в пути: назначение ответственных лиц за участки, патрулирование полицейских на расстоянии видимости, тщательный просмотр всех подступов к пути и установка дополнительных постов в наиболее опасных местах. Железная дорога днем и ночью проверялась сотрудниками РСД пешком и на дрезине.

Поездка Гитлера и Муссолини в Умань совершалась спецпоездами до ставки «Рере» («Туннель»). Охрана по пути осуществлялась силами местных областных начальников СС и полиции. Железнодорожный путь на всем протяжении охранялся полицией.

Так как к ставке «Рере» вела одна колея, то Гитлер, не доезжая до ставки, поехал на автомашине и встретил затем спецпоезд Муссолини, подошедший непосредственно к ставке. Вслед за этим был подведен спецпоезд Гитлера. При этом имел место следующий случай: за несколько дней до приезда Гитлера я отдал приказ, чтобы к местному населению не применялись бросающиеся в глаза охранные меры, чтобы таким образом внимание населения не было привлечено к происходящим событиям. Вопреки моему приказу начальник полиции и СС по Краковской области распорядился, чтобы все население было заперто в дома и перед ними выставлена охрана.

Об этом узнал Гитлер и вызвал меня для объяснения. Он был буквально взбешен и закричал на меня: «Какой идиот отдал подобное дурацкое распоряжение? Немедленно разыщите этих полицейских бовланов и сделайте им строгое внушение. Они не понимают, что я такими мерами не завоеую популярность местного населения».

Я выполнил приказание Гитлера, вызвал местное полицейское начальство и после довольно резкого разговора отменил их мероприятия.

Я уже указывал, что Гитлер и Муссолини ездили каждый в своем отдельном спецпоезде. Полеты в Брест и Умань также совершались в различных самолетах, ибо по этому поводу имелось специальное указание Гитлера.

Пилотом для Муссолини Гитлер назначил своего шеф-пилота генерал-лейтенанта Баура, а самолет Гитлера вел полковник Дольди.

Во время автомобильных поездок Гитлер и Муссолини сидели в кузове вместе. Рядом с шофером Кемпкой обычно сидел в той же машине адъютант Шауб или Шмидт.

При беседах Гитлера и Муссолини я не присутствовал, поэтому их содержание мне неизвестно.

В дополнение о Муссолини хочу отметить, что его встречи с Гитлером носили дружественный характер. Гитлер его уважал и высоко ценил. Гитлер даже принял личное участие в разработке плана его

освобождения, придавая этому особое политическое значение.

Об освобождении Муссолини мне рассказывал лично сам возглавлявший эту операцию штурмбанфюрер Скорцени. Его кандидатура была предложена Кальтенбруннером Гитлеру, который после детального ознакомления и соответствующих коррективов утвердил план операции и состав группы Скорцени.

Действуя по утвержденному Гитлером плану, Скорцени организовал специальный штаб в Риме, куда стекались сведения от агентуры о возможном местопребывании Муссолини.

Первые данные говорили лишь о том, что Муссолини находится под стражей правительства Бадольо на одном из островов архипелага.

Авиационная разведка показала, что один из этих островов особенно сильно охраняется. Тогда туда были высажены под видом итальянских матросов два сотрудника СД, установившие, что на острове имеется вилла, охраняемая большим отрядом карабинеров. Однако проверкой было установлено, что вилла была пуста: по-видимому, Муссолини был оттуда увезен.

Тем временем в штабе были получены сведения, что Муссолини переведен в горы. Более точных данных не было, однако было вновь подтверждено, что Муссолини не передан союзникам.

Затем агентура сообщила о сильной охране в районе горы Ментеграссе. Туда для проверки были заброшены два сотрудника СД, владевшие итальянским языком. Опросом местных жителей было установлено, что подвесная дорога на гору закрыта и на горе расположен усиленный отряд карабинеров. Разведывательный полет показал, что на самой горе также имеется большой отряд охраны перед гостиницей, где, как рассказали жители, находится какое-то важное лицо.

Перед гостиницей имелась небольшая площадка длиной в 50 м, дававшая некоторую возможность приземления на планерах. Исходя из всех этих данных, Скорцени решил высадить перед гостиницей отряд СД и парашютистов, захватить гостиницу, освободить Муссолини и затем вызвать небольшой самолет типа «шторх» для вывоза Муссолини. Для увеличения силы торможения низ планеров был обернут колючей проволокой.

На выполнение операции было послано 24 планера, две трети их высадились на площадке. Судьба остальных неизвестна. В каждом планере было 6-8 хорошо вооруженных людей. Для того чтобы запугать карабинеров, Скорцени взял с собой в первый планер генерала карабинеров.

Скорцени высадился первым, вслед за ним — генерал карабинеров, приказавший карабинерам бросить оружие, что они немедленно сделали. Следует сказать, что этот отряд, насчитывавший до 200 человек, имел на вооружении автоматы, пулемет и даже скорострельное зенитное орудие калибра 20 мм.

Затем Скорцени и другие сотрудники СД вошли в гостиницу и нашли там Муссолини.

Одновременно с этим все карабинеры были собраны в одном из залов гостиницы и на них был наставлен их же собственный пулемет. Телефонная связь была прервана.

В то же время другие сотрудники СД и парашютисты начали подготавливать площадку для самолета «шторх». Последний с большим трудом приземлился. Туда вошли Скорцени и Муссолини. Чтобы облегчить взлет, на склоне горы был устроен трамплин.

Муссолини приземлился в Неаполе, откуда немедленно вылетел в Вену и на следующий день в ставку Гитлера в район Растенбурга.

Скорцени был награжден Гитлером за эту операцию рыцарским крестом.

Интересно заметить, что после освобождения Муссолини под впечатлением этого случая в районе ставки Гитлера по указанию последнего были проведены большие оборонительные мероприятия по предотвращению возможного десанта со стороны русских...

Покушение на Гитлера

В 1943 году из главного управления имперской безопасности я получил два сообщения, одно из которых поступило из Испании, а другое — из Швеции.

В этих сообщениях указывалось, что офицеры германской армии подготавливают убийство Гитлера, но конкретных фамилий этих военных заговорщиков не упоминалось.

Оба эти сообщения я доложил генералу Шмидту и рейхслайтеру Борману, которые имели по этому поводу беседу с Гитлером.

Как мне сообщил Шмидт, Гитлер считал эти сообщения выдумкой, не имеющей под собой никакого основания.

Поэтому Гитлер мне так и не разрешил обыскивать офицеров ставки.

После этого я неоднократно обращал внимание генерала Шмидта на серьезную угрозу покушения, так как была полная возможность пронести в ставку взрывчатое вещество, но он тоже оставлял эти мои заявления без реагирования.

В июле 1944 года, в момент покушения на Гитлера, я находился в лазарете.

Когда профессор Хассельбах сообщил мне о случившемся, то я сразу же заподозрил, что кто-либо принес взрывчатку на заседание военного совета. Так оно и получилось в действительности.

Я узнал, что покушение на Гитлера произошло при следующих обстоятельствах:

В четверг, 20 июля 1944 года, на 14 часов дня было назначено заседание военного совета, где между прочим должен был обсуждаться вопрос о вооружении дивизий «народных гренадеров» (ополченцев).

В связи с этим Гитлер пригласил принять участие в заседании непосредственно

занимавшегося формированием упомянутых дивизий полковника графа фон Штауффенберга.

Геринг и Гиммлер должны были также присутствовать на совещании.

Штауффенберг вместе с оберлейтенантом Хефтером и начальником связи германской армии генералом Фельгибелем вылетели из Берлина в ставку и доложили о своем прибытии фельдмаршалу Кейтелю.

По неизвестной мне причине в последний момент начало совещания было перенесено на 13 ч 30 мин, т. е. на полчаса раньше. Так что об этом изменении не успели даже оповестить Геринга и Гиммлера.

Незадолго до того как Кейтель со Штауффенбергом пришли на совещание, последний незаметно посредством плоскогубцев вытащил предохранитель из адской машины, действие которой было рассчитано максимум на 30 мин, а затем заказал телефонный разговор с верховным командованием сухопутных войск.

Кейтель и Штауффенберг пошли на совещание, а Фельгибель и Хефтер остались у помещения офицера Зандера, руководившего узлом связи в ставке. Здесь же остановилась также автомашина, на которой Штауффенберг и Фельгибель приехали с аэродрома.

По пути к барaku, где проводилось совещание, адъютант Кейтеля майор Ион хотел было помочь Штауффенбергу нести портфель (так как у Штауффенберга были раньше тяжело ранены обе руки), но Штауффенберг это резко отклонил.

Они вошли в барак, где уже были офицеры и куда вскоре вошел сам Гитлер.

На столе были разложены карты: слева — Восточного фронта, справа — карта Южного фронта, а на середине стола — карты Центрального и Северного фронтов.

Штауффенберг после приветствия Гитлера поставил портфель на пол, прислонив его к правой ножке стола, немного поговорил с генералом Буле (начальником управления оснащения сухопутных войск) и вышел из помещения к узлу связи под предлогом необходимости разговора по телефону, где его ожидали Фельгибель и Хефтер.

За это время обсуждение вопроса о положении на Южном фронте закончилось, и Гитлер подошел к середине стола, где находилась карта Центрального фронта. В это же время генерал Буле вызвал Штауффенберга, так как хотел ему передать какие-то распоряжения.

Когда Гитлер наклонился над столом, а Буле также подошел к этому столу, последовал взрыв.

Правая ножка стола была совершенно уничтожена. Находившаяся над ней часть стола с картой Южного фронта была выбита, а висевшая над столом люстра упала на голову генерал-полковнику Йодлю.

Штурмбанфюрер СС Гюнше и майор Ион, стоявшие у окон, были выброшены силой взрыва наружу вместе с оконными

рамами. Стенографу Бергеру оторвало обе ноги. Тяжелые ожоги и ранения получили генералы Шмундт и Кортен, а также полковник Брандт, капитан Ассман, подполковник Боркман и генерал Боденшац.

Бергер, Шмундт, Кортен, Брандт впоследствии умерли от полученных ран. Лишь один фельдмаршал Кейтель случайно остался невредимым.

Гитлер получил незначительные повреждения правой руки и стал плохо слышать на одно ухо. Взрывной волной брюки Гитлера были разорваны в клочья. Получив нервный шок, он не мог сам идти, и два охранника с трудом помогли ему в таком виде добраться до своего бункера.

Немедленно после взрыва Штауффенберг, Фельгибель и Хефтер выехали на автомашине на аэродром, не узнав подробностей о результатах произведенного покушения.

Начальник 1-го отдела охраны штурмбанфиюрер СС Хегель был на пути к бараку, когда раздался взрыв. Он увидел столб дыма и пыли и немедленно приказал закрыть входы и выходы из ставки.

Штауффенберг, Фельгибель и Хефтер доехали до караульного поста, где были задержаны, но после телефонного разговора с адъютантом коменданта ставки были пропущены.

Так они добрались до аэродрома и немедленно вылетели в Берлин.

Хегель направился в помещение, где было совершено покушение, и после осмотра установил, что взрыв последовал не из-под половиц, а что взорвался предмет, стоявший на полу.

Хегель спросил вахмистра Адама, кто выходил из помещения во время заседания. Адам ответил, что выходил Штауффенберг и что он его ищет, так как им заказан телефонный разговор с Берлином.

Свои подозрения в отношении Штауффенберга Хегель доложил Кейтелю и приехавшему в это время Гимmlеру.

Тотчас же было установлено, что Штауффенберг, Хефтер и Фельгибель с подозрительной поспешностью вылетели в Берлин.

С санкции Гимmlера Хегель позвонил в Берлин начальнику IV управления СД Мюллеру и сообщил ему о происшедшем и подозрениях на Штауффенберга для принятия соответствующих мер.

Мюллер немедленно учредил наружное наблюдение за Штауффенбергом, Фельгибелем и Хефтером сразу же после их прибытия на аэродром для установления круга заговорщиков.

Наружное наблюдение сопровождало их до квартир отдельных участников заговора (кого именно, не знаю), а затем в штаб генерал-полковника Фромма.

Когда Штауффенберг и Хефтер (Фельгибель поехал в другое место) доложили Фромму об «удавшемся покушении», последний их застрелил. Вероятно, Фромм уже знал, что покушение не удалось.

По приказу Гимmlера в ставку была направлена «особая комиссия гестапо» для

проведения тщательного расследования на месте.

Из членов комиссии припоминаю специалиста по взрывчатым веществам штурмбанфиюрера СС Видемана.

Часть членов комиссии направилась на место покушения, а остальные — в мой рабочий кабинет для проверки проведенных мною мероприятий по охране Гитлера. При этом были изъяты все разработанные мною инструкции по охране. Следует заметить, что какой-либо халатности или небрежности в исполнении моего служебного долга комиссия не установила.

В самом бараке, где произошел взрыв, комиссия обнаружила остатки портфеля, плоскогобубца, капсуля, и к концу дня вся картина покушения была уже ясна.

Шофер, отвозивший трех офицеров на аэродром, показал на допросе, что во время поездки почуствовал толчок, как будто кто-то из пассажиров выбросил что-то из машины. При осмотре местности была найдена вторая адская машина, выброшенная из автомобиля.

Анализ взрывчатки, как мне говорил Видеман, показал, что взрывчатое вещество было английского происхождения, однако оно могло быть воспроизведено и в химической лаборатории имперского управления криминальной полиции.

В последующие дни были арестованы фельдмаршал фон Вицлебен, генералы Хейфнер и Штиф, обергруппенфиюрер СА граф Гельдорф, а ряд офицеров, в том числе генерал Вагнер и полковник Фрайтаг фон Лорингофен, покончили жизнь самоубийством.

В соучастии в покушении на Гитлера подозревался также начальник имперской криминальной полиции группенфиюрер СС Небе, которому удалось бежать и некоторое время скрываться, пока он не был арестован в окрестностях Берлина.

Дальнейший ход следствия известен мне уже по газетам.

Следует отметить, что покушение на Гитлера планировалось вначале в Берхтесгадене, однако не было осуществлено, так как заговорщики в силу особо тщательной охраны этого района не смогли бы оттуда выбраться (показания генерала Штифа).

Затем было намечено осуществить покушение в начале июля 1944 года около замка Клесхейм, где Гитлер должен был осматривать новые типы танков и военного обмундирования. Заговорщики хотели положить в ранцы трех солдат, демонстрировавших обмундирование, мины, которые должны были взорваться при малейшем натагивании одного из ремней на ранце.

В этих целях взрывчатка была принесена в ставку командования сухопутных войск (лес Мауэрвальд), где ее хотели было зарыть, однако этому помешали сотрудники тайной полевой полиции, обнаружившие эту взрывчатку.

По приказу заговорщика генерал-квартирмейстера Вагнера расследование по этому делу было прекращено.

Далее было установлено, что Штауф-

фенберг приезжал с адской машиной также и в ставку Гиммлера, но имел ли он намерение совершить там покушение на Гиммлера, осталось невыясненным.

До осени 1944 года точного происхождения взрывчатого вещества, посредством которого заговорщики осуществили покушение на Гитлера, не было установлено. Возможно, что по этому поводу дал показания Небе, однако мне это неизвестно.

Следствие по делу заговорщиков показало, что покушение на Гитлера планировалось начиная с 1939 года (показания генерала Штифа). Этот факт нашел свое подтверждение в записях дневника, принадлежащего начальнику абвера адмиралу Канарису, которые были обнаружены в апреле 1945 года в сейфе в помещении разведоргана «Цеппелин» после ареста Канариса и доставлены мне.

Не читая, я их передал группенфюреру СС Мюллеру, ибо я тогда был занят переводом ставки в Берхтесгаден.

В дополнение ко всему изложенному хочу отметить, что в 1943 году в американском журнале «Лайф» была помещена статья под названием «Три наиболее хорошо охраняемых человека на земле». Речь шла о маршале Сталине, президенте Рузвельте и премьер-министре Черчилле. Эта статья вызвала большую панику в окружении Гитлера, так как создалось впечатление, что охрана Гитлера поставлена слабо. Особен-

ное беспокойство по этому поводу проявляли начальник партийной канцелярии Борман и адъютант Гитлера генерал Шмундт. Мне, однако, удалось убедить их в том, что не следует полагаться на болтовню американских корреспондентов, ибо мною проведены все необходимые мероприятия по обеспечению личной безопасности Гитлера.

Мною также изучалась статья одного английского журналиста под названием «Четыре варианта убийства Гитлера». Следует сказать, что эта статья была фантастической и рассчитана на сенсацию писателя, поэтому для меня она не представляла практического интереса.

Я считал, что охрана Гитлера нами была поставлена на должную высоту.

Вот все, что я могу рассказать об охране Гитлера.

О личной жизни Гитлера, его окружении и смерти-я дам показания дополнительно.

ГАНС РАТТЕНХУБЕР

Показания принял: начальник отделения следственного отдела главного управления «Смерш»

подполковник Кулешов

В е р н о : (подпись — Чернов)

*Публикацию подготовил
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат исторических наук*

«Бородино-92»

ИТОГИ КОНКУРСА

«Приятно отметить, что «Военно-исторический журнал», единственный из центральных периодических изданий, отметил проведением конкурса славную 180-ю годовщину Бородинского сражения...» «Можно только приветствовать такое начинание, и в дальнейшем желаю так же отмечать события, посвященные славе русского оружия...» «Я не рассчитываю ни на что, просто интересна сама идея конкурса...» Не один десяток подобных откликов пришел в редакцию после опубликования сообщения о проведении конкурса «Бородино-92». Мы получили сотни фотографий, слайдов, рисунков, десятки статей, корреспонденций, стихов. К сожалению, из-за ограниченности объема журнала не все материалы удалось

опубликовать. Это мы постараемся сделать в последующих номерах. Нам приятно видеть в числе участников конкурса любителей и знатоков военной истории из разных городов, поселков, деревень России, жителей ближнего и дальнего зарубежья.

Редакция поздравляет победителей конкурса!

Первых премий — по пять тысяч рублей — удостоены художник из подмосковного города Чехова А. И. Аверьянов и постоянный автор рубрики «Летопись полков российских» А. И. Таланов.

Вторые премии — по три тысячи рублей — будут вручены фотографу из Киева М. Г. Милицыну, художникам В. Н. Болтышеву (Москва) и О. И. Иванову (Омск).

Третьи премии — тысяча рублей каждая — получат

В. П. Буянов (Москва),
И. С. Муратов (Киев),
С. А. Гавриляченко (Москва),
А. Кузнецов (Дмитровград).

Специальным призом — комплектом оловянных солдатиков периода Отечественной войны 1812 г., учрежденным военно-историческим клубом «Московский корпус» и ассоциацией «Лейб-компания», награждается корреспондент газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта» майор В. П. Королук за материалы и дизайн полосы, посвященной 180-летию Бородинского сражения, «Недаром помнит вся Россия!...»

Бесплатную годовую подписку на «Военно-исторический журнал» получит самый юный участник нашего конкурса из города Уржума Андрей Рязанов.

Редакция благодарит всех авторов, приславших свои работы на конкурс «Бородино-92». Им будут вручены дипломы его участников.

Редакционный совет ставит своей задачей содействовать процессу очищения исторического сознания от мифов и фальсификаций, которыми обильно сдобрилась наша духовная жизнь.

"ВОЕННЫЕ АРХИВЫ РОССИИ"

**— так назван
новый журнал, который
поможет сделать доступной
широкому кругу читателей, всем
любителям военной истории еще одну
заповедную область знания.**

*Предпочтение будет отдаваться фактам,
а не их идеологизированному толкованию.*

В этом читатель сможет убедиться, получив первый номер нового журнала. В нем печатаются никогда не публиковавшиеся ранее документы о «военно-фашистском заговоре» в Красной Армии и «Катынском деле», о социально-политической обстановке в Прибалтике в 50-е годы и сокращении Вооруженных Сил СССР в этот период. Читатель узнает подробности из послевоенной жизни выдающегося советского полководца Г.К. Жукова, ставшего объектом происков спецслужб. В журнале помещены секретные дополнительные протоколы к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года и протоколы заседаний Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) (апрель-сентябрь 1925 г.). Впервые увидят свет дневник Мартина Бормана, собственноручные показания начальника личной охраны Гитлера Ганса Раттенхубера и другие уникальные документы.

Объем журнала - 25 п. л. Цена одного экз. по предварительной заявке 160 руб. В остальных случаях - договорная. Оптовым покупателям - торговая скидка. Деньги следует переводить на р/с № 467526 в Генсельхозбанке, корр. счет № 169506 в Россельхозбанке г. Москвы, МФО 299178.

Журнал можно получить по заявке или приобрести непосредственно по адресу:

103055, Москва, ул. Новослободская, д. 50/1, кв. 72, ТОО «Пересвет».

Заявки, квитанцию об оплате, подробный домашний адрес с указанием фамилии, имени, отчества присылайте по адресам:

103055, Москва, ул. Новослободская, д. 50/1, кв. 72, ТОО «Пересвет». Тел.: 258-79-63;

111555, Москва, ул. Молостовых, д. 5, кв. 24. Тел.: 300-20-23;

123592, Москва, Строгинский б-р, д. 4, корп. 2, кв. 389. Тел.: 498-15-88;

103160, Москва, ул. Пречистенка, д. 19, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: 296-45-16, 296-45-08.

САМОХОДНЫЕ Артиллерийские УСТАНОВКИ (Штурмовые орудия и истребители танков)

СССР. ИСУ – 122

СССР. СУ – 152

СССР. СУ – 85

Германия. Истребитель танков «Ягдпантер»

Примечания

1. В 1942-1943 гг. выпущено около 660 единиц.
2. В 1943 году выпущено 670 машин.
3. В 1942-1943 гг. построено более 2600 самоходных установок.
4. В 1943-1947 гг. выпущено более 2800 единиц. В конце 50-х годов прошли модернизацию по двум вариантам: ИСУ-152К (поставлен двигатель В-54К, увеличена емкость топливных баков и т. п.) и ИСУ-152 М (приборы ночного видения, агрегаты танка ИС-2 М). Обе машины были вооружены зенитным 12,7-мм пулеметом ДШК.
5. В 1944-1945 гг. построено более 2400 машин. Вторая серия ИСУ-122 С оснащена 122-мм пушкой Д-25С и зенитным пулеметом.
6. В 1944-1948 гг. выпущено почти 3 тыс. СУ-100.
7. В 1942-1943 гг. построено около 6600 СУ М10 и М10А1 (карбюраторный двигатель мощностью 500 л. с.).
8. В 1943-1944 гг. выпущено более 2500 машин.
9. В 1944-1945 гг. выпущено почти 3 тыс. СУ трех модификаций — М36, М36В1 (боевая масса 30,8 т) и М36В2 (два дизеля по 210 л.с., боевая масса 29,9 т).
10. В 1943-1944 гг. выпущено 665 единиц.
11. В 1940-1942 гг. построено более 800 машин пяти (А-Е) мало различавшихся модификаций. Орудие то же, что и на танках Т-IV первых серий (75/24). (Число в знаменателе означает длину ствола в калибрах).

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1992. — № 10, 11, 12.

№ п/п, наименование, (база танка), год выпуска	Масса, т; экипаж, чел.	Вооружение (пушки, пулеметы, зенитный пулемет)	Максимальная толщина брони: лоб, корпуса рубки, мм	Мощность и тип двигателя, л.с.	Запас хода по шоссе, км; максимальная скорость движения, км/ч
1	2	3	4	5	6
СССР					+
1. СУ-122 (Т-34), 1942	30,9; 5	122; гауб. М10; —; —	45; 45	500, диз.	300; 55
2. СУ-152 (КВ-1С), 1943	45,5; 5	152; гауб. — пушка МЛ-20; —; —	75; 70	600, диз.	330; 43
3. СУ-85 (Т-34), 1943	29,6; 4	85; пушка Д-5 С-85; —; —	45; 45	500, диз.	300; 55
4. ИСУ-152 (ИС-2), 1943	46; 5	152; гауб. — пушка МЛ-20С; —; —	90; 90	520, диз.	185; 40
5. ИСУ-122 (ИС-2), 1944	46; 5	122; пушка А-19; —; —	90; 90	520, диз.	185; 40
6. СУ-100 (Т-34 — 85), 1944	31,6; 4	100; пушка Д-10С; — —	45; 45	500, диз.	310; 55
США					+
7. Истребитель танков М10 «Вулверин» (М4А2), 1942	29,3; 5	76,2; пушка М7; —; 1-12,7	50; 63	2х210, диз.	325; 46
8. Истребитель танков М18 «Хеллкэт» (спец.), 1943	17; 5	76,2; пушка М1А1; —; 1-12,7	16; 51	400, карб.	360; 72
9. Истребитель танков М36 «Слаггер» (М4А3), 1944	27,6; 5	90; пушка М3; —; 1-12,7	60; 76	500, карб.	165; 40
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ					+
10. Истребитель танков «Арчер» («Валентайн 2»), 1943	18; 4	76,2; пушка; —; —	65; 16	210, диз.	225; 40
ГЕРМАНИЯ					+
11. Штурмовое орудие мод. «В» (Т-Ш), 1940	20,2; 4	75; орудие; —; —	50; 50	300, карб.	160; 40
12. Штурмовое орудие мод. «G» (Т-Ш), 1942	23,9; 4	75; пушка; 1 или 2-7,92; —	80; 80	300	155, 40
13. Штурмовая гаубица Stu H42 (Т-III), 1942	24; 4	105; гауб.; 1-7,92; —	80; 80	300	155; 40
14. Штурмовое орудие (истребитель танков) (Т-IV), 1943	23; 4	75; пушка; 1-7,92; —	80; 80	300	210; 38
15. Истребитель танков Т-IV/70 (Т-IV), 1944	25,8; 4	75; пушка; —; —	80; 80	300	210; 35
16. Штурмовой танк IV (Т-IV), 1943	28,2; 5	150; орудие; 1-7,92; —	80; 100	300	210; 40

1	2	3	4	5	6
17. Истребитель танков «Элефант» (спец. база), 1943	65; 6	88; пушка; 1-7,92; —	200; 200	2x300	150; 30
18. Штурмовое орудие «Штурм Тигер» (T-VIH), 1944	65; 5	380; мортира; 1-7,92; —	100; 150	700	120; 40
19. Истребитель танков «Ягдпантер» (T-V), 1944	46; 5	88; пушка; 1-7,92; —	60; 80	700	160; 46
20. Истребитель танков «Ягдтигер» (T-VIB), 1944	70; 6	128; пушка; 1-7,92; —	150; 250	700	170; 38
21. Истребитель танков «Хетцер» (LT-38), 1944	15,7; 4	75; пушка; 1-7,92; —	60; 60	160	177; 42

ИТАЛИЯ

22. Штурмовое орудие M42 (M15/42), 1943	15; 3	75; орудие; —; —	30; 50	185	230; 38
---	----------	------------------------	-----------	-----	------------

ВЕНГРИЯ

23. Штурмовое орудие 43M «Зриньи» II («Уран»), 1943	21,5; 4	105; гауб.; —; —	75; 75	260	165; 47
---	------------	------------------------	-----------	-----	------------

12. Выпускались с 1942 года до конца войны (всего более 8400 единиц трех модификаций — F, F/8 и G). Пушка та же, что и на танках T-IV последних модификаций, т. е. длиной 43 или 48 калибров. В небольших количествах поставлялись Болгарии, Венгрии и Финляндии.

13. В 1942-1945 гг. выпущено 1200 машин.

14. Две модификации штурмовых орудий T-IV вооружались 75/48 пушкой. Их выпущено в 1943-1945 гг. почти 1900 единиц.

15. Назывались T-IV/70 (V) и IV/70 (A) (две модификации). Вооружены 75/70 пушкой, та-

кой же, как и на танке «Пантера». В 1944-1945 гг. их построено более 1200 единиц.

16. В 1943-1945 гг. выпущено около 300 СУ трех незначительно различавшихся вариантов. Курсовой пулемет установлен только на последней серии.

17. Построен на шасси не принятого на вооружение тяжелого танка конструктора Ф. Порше. В его честь неофициально назывался «Фердинанд». Весной 1943 года 90 шасси перестроены в САУ, называвшуюся иногда штурмовым орудием.

18. 18 танков «Тигр» T-VIH в конце 1944 года перестроены в штурмовые орудия. Вооружены 380-мм орудием — пусковой установкой ракет весом 345 кг.

19. В 1944-1945 гг. выпущено почти 400 машин, вооруженных той же 88-мм пушкой длиной 71 калибр, что и танк T-VIB.

20. Всего построено в 1944-1945 гг. 77 единиц. Это самые тяжелые боевые бронированные машины, когда-либо участвовавшие в бою.

21. В 1944-1945 гг. двумя фирмами оккупированной Чехословакии (BMM и «Шкода») выпущено почти 2600 этих САУ. После войны еще некоторое время продолжалось их производство. Они состояли на вооружении чехословацкой армии, а 158 машин поставлено Швейцарии.

22. На базе танков M14/42 и M15/43 выпускались в 1943-1944 гг. штурмовые орудия — полностью бронированные САУ по типу немецких штурмовых орудий. Эти САУ вооружались 75-мм пушками длиной 18 и 34 калибра, немецкой 75-мм пушкой и 105-мм гаубицей. Немецкие войска после оккупации Италии (сентябрь 1943 г.) захватили и использовали 185 САУ, а более 260 были построены специально для немцев.

23. Штурмовое орудие по типу немецких, т. е. полностью бронировано. В 1943-1944 гг. изготовлено около 70 единиц.

Германия. Истребитель танков TIV/70

Германия. Истребитель танков «Элефант»

И. П. ШМЕЛЕВ, С. П. ИСАЙКИН

(Продолжение следует)

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ И ПОУЧИТЕЛЬНЫХ ПРИМЕРАХ

ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ II

В 1763 году Екатерине II был представлен список флотских командиров для присвоения очередных воинских званий. В нем был и капитан 2 ранга Н. Сенявин, продолжатель флотской династии Сенявиных, выпестованной Петром I. Но против фамилии капитана было помечено, что он отстранен от должности и находится под следствием — за потери, которые понес его ластовый флот при шторме. Екатерина, слегка поморщив лоб, наложила следующую резолюцию против фамилии Сенявина: «Когда суд его оправдает, тогда дать ему следующий чин, не докладывая более».

Николай Сенявин потом дослужился до контр-адмирала и воспитал для России славного сына — Дмитрия Сенявина, адмирала.

* * *

ПОМОГАЯ Елизавете, а затем Екатерине управлять Украиной и в других государственных делах, К. Разумовский получил титул графа, звание гетмана Малороссии, а также фельдмаршала, хотя ни разу не руководил войсками. Когда в 1768 году возглавить русские войска в войне с Турцией было поручено генерал-аншефу А. Голицыну, Разумовского спросили, почему это поручено не ему, имевшему старшее воинское звание. «Потому, — со спокойной улыбкой ответил Разумовский, — что Голицыну для победы достаточно и одной армии, а я и с двумя не справлюсь, разве что с тремя».

* * *

В 1770 году по случаю победы русского флота над турецким при Чесме митрополит Платон проводил в Петропавловском соборе торжественный молебен и в конце своей речи воззвал, обращаясь к гробнице Петра I: «Восстань, великий государь, и посмотри на славные дела чад твоих!» Среди общих восторгов и слез фельдмаршал граф К. Разумовский заметил: «Чего он кличет? Ведь если встанет, то всем нам от него палок достанется».

* * *

В ЧЕСМЕНСКОМ сражении 1770 года русский флот, которым командовали А. Орлов, Г. Спиридов и С. Грейг, нанес сокрушительное

поражение турецкой эскадре. В своем рапорте в Петербург адмирал Спиридов докладывал: «Слава Богу и честь Российскому флоту! С 25 на 26 июня неприятельский флот атаковали, разбили, разломали, сожгли и на небо пустили».

Для победителей Чесменской битвы Екатерина учредила специальную серебряную медаль, на которой был изображен горящий турецкий флот и над ним выбито короткое слово: «Б ы л».

* * *

СОЮЗНИКАМИ Румянцева в войне с Турцией 1787-1791 гг. были австрийцы, робкими действиями которых он был недоволен. Фельдмаршал в мае 1788 года писал Потемкину в Очаков: «Благодарю вас, батюшка, за апельсины и желаю, чтобы их много было, следовательно, чтобы вы, а не турки на Черном море господствовали... Что до союзника, то подлинно странно, что они хотят, чтобы их везде звали и ворота отпирали, и, кажется, сердятся за то, что ворота навозом закидывают и, стреляя, бьют их и ранят».

В 1773 году Румянцев, имея лишь 13-тысячное войско, по настоянию Екатерины II принял наступление на правом берегу Дуная. Победив и рассеяв нападавшие на него турецкие войска, фельдмаршал, оценив обстановку, не стал рисковать и вернулся обратно. Но поскольку Екатерине хотелось большего, полководец подвергся критике в столице. Обидевшись, он заметил: «Все трудящиеся имеют меру и цену своим делам... Теперь остается против их возражений или затыкать уши, или сказать: приди, посмотри и сделай лучше».

* * *

ОТВАЖНО проявил себя в сражении при Ларге генерал Г. А. Потемкин, будущий фаворит Екатерины II и фельдмаршал. Он ждал от Румянцева награды, но требовательный главнокомандующий лишь отчитал его за слабое преследование противника. В наказание Румянец в следующем сражении с турками — при Кагуле — отправил Потемкина охранять тыл. После блестяще выигранной битвы Румянцев представил к наградам многих подчиненных и в их числе Потемкина, вовсе не ждавшего ордена. «Это тебе не за Кагул, а за Ларгу», — с улыбкой уточнил подобранный главнокомандующий.

Публикацию подготовил
полковник Н. Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
кандидат философских наук

ПУРККА, НКВД и Соломон из Нью-Йорка

Копия
2-го июля

Дорогой Лева!!

Твою лавку на 34-й улице закрывают, и все продают за бесценок. Напрасно ты послал всю партию в распоряжение Когана. Эта партия полотно лучше, нежели прежняя. Только ее лучше можно было продать через Мосельпром — Рабиновича.

Амторг только занимается интригами и думает, что его дядя в Москве через Лазаря сумеет скрыть его проделки. Только напрасно ты позволяешь им всем наживаться, рискуя своей шкурой. Пакеты от Розы и Моисея пришли из Сан-Франциско и выручка кредиторована там на месте.

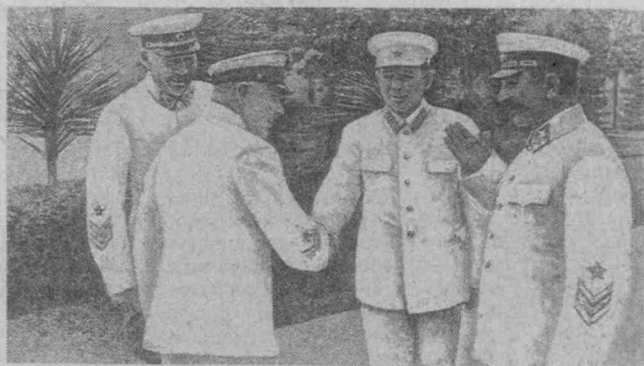
Подробности получишь с почтой из Вашингтона. Это письмо шлю на адрес Кагановича, чтобы оно не попало в лапы твоей Маньки.

Борис и Броня — здоровы, у них родился сын 15-го июня. Муж Этель умир от разрыва сердца. Мать ее мужа хочет, чтобы она жила с нею в Чикаго. Мы все здесь здоровы и мечтаем как-бы скорее с тобой увидеться.

Прости мою мазню. Ты знаешь, мне трудно писать по-русски.

Ну цилую, тебя, твой брат — Соломон.

*Стиль и орфография документа сохранены.

Гроза миновала...
С.К. Тимошенко, К.Е. Ворошилов, Л.З. Мехлис
и С.М. Буденный (слева направо)

113 ✓

СС ★ СР

Начальник Политического Управления РККА

18 ноября 1938 г.

СОВ. СЕКРЕТНО.
экз. №./.

ЦК ВКП(б) — товарищу С Т А Л И Н У.

Во время моей командировки в июле месяце в адрес Кремля на мое имя прибыло провокационное, сумасбродное письмо с печатью из Нью-Йорка. Это письмо комендатура Кремля переслала в Политуправление РККА, а оттуда оно было передано Особому Отделу НКВД в лице бывшего его начальника Федорова, оказавшегося врагом народа. Сейчас из Особого Отдела это провокационное письмо, видимо состряпанное в московских посольских кругах, возвращено в ПУРККА.

Посылав Вам это письмо. Полагал бы, что НКВД стоит заняться розыском провокаторов письма.

Л. Мехлис

Отп. 2 экз.

Улыбнемся этим документам. Мы не знаем подоплеку письма, его автора, но сам факт его появления говорит о многом. Оно свидетельствует о нравах, бытовавших в коридорах политической власти того времени. И каким смехотворным, «сумасбродным» оно бы нам ни казалось, все же это характерный документ эпохи.

КОНКУРС

"Бородино-92"

«Друзья, пришел и наш черед» (председатель брянского военно-исторического клуба «Арсенал» Вадим Мельников).

Фото М. Г. МИЛИЦЫНА (Киев)

Казачьи генералы
(из серии «Донцы 1812 года»).

Рисунок С. А. ГАВРИЛЯЧЕНКО
(Москва)

Генерал А. П. Ермолов отбивает батарею
Раевского.

Рисунок А. КУЗНЕЦОВА
(Димитровград)

Почетный
конвой.

Фото
Ю. А. СИЛКИНА
(Москва)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1993 года
цена одного экземпляра нашего журнала
для подписчиков установлена 18 руб.

Плата за прием подписки и доставку
назначается почтой.

Часть тиража реализуется по свободной цене.

В случае возникновения затруднений
в оформлении подписки
сообщите в редакцию или издательство
по телефонам: 296-45-08, 941-39-52.

Индекс 70137

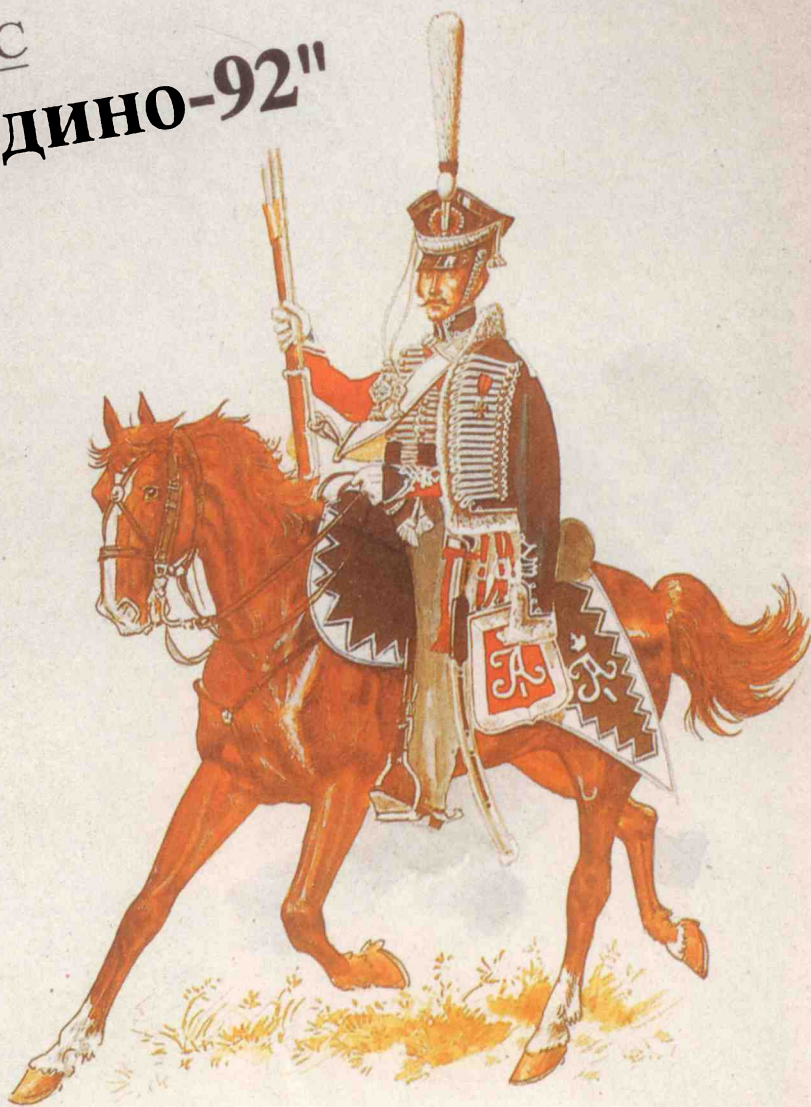
**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

1 1993

1-96

18р.

КОНКУРС "Бородино-92"

Рядовой
Изюмского
гусарского
полка 1812 г.

Рисунок
В. Н. БОЛТЫШЕВА
(Москва)

В. Н. Болтышев 9/93